

Ирма Гринева

*Не проскочи мимо!
Два кусочечка колбаски...
Стоянка поезда одна минута*

из цикла «Зеленые глаза»

18+

Ирма Гринёва
Не проскочи мимо! Два
кусочечка колбаски...
Стоянка поезда одна минута

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67515164
SelfPub; 2022*

Аннотация

Женщины, обладающие зелёными глазами, загадочны, склонны к романтике, ранимы, мечтательны и обладают богатым воображением. У них тонкое понимание любви, трепетное отношение к ней. Любовь для них – нечто святое, и никому на свете они не позволят посягнуть на нее. И не важно, кто она, эта зеленоглазая воительница – девушка, ещё только вступающая во взрослую жизнь, или взрослая женщина, не раз битая жизнью.

Ирма Гринёва

Не проскочи мимо!

Два кусочечка

колбаски... Стоянка

поезда одна минута

ПРЕДИСЛОВИЕ

Зеленые глаза встречаются примерно у 2% населения Земли.

Обладателям зеленых глаз характерна загадочность, но сами они практически безошибочно разбираются в людях.

Зеленоглазые считаются одними из самых успешных людей, потому что они умеют слушать и сопереживать, у них развито воображение и они достаточно стабильны. Они пользуются авторитетом в своем окружении за приверженность принципам, но не стремятся к лидерству, хотя осознают свою популярность. Люди с зелеными глазами обладают отличными организаторскими способностями.

В отношениях с людьми они очень требовательны к другим, а также к себе. В общении люди с зелеными глазами никогда не навязываются, но ценят внимание со стороны. «Берут» от отношений они не больше, чем «отдают».

У женщин с зелеными глазами довольно тонкое понимание любви, поэтому они могут очень долго присматриваться и выбирать себе партнера. Они склонны к романтике, нежности и всем остальным проявлениям чистой искренней любви, ранимы, мечтательны и обладают богатым воображением.

Любовь для них – нечто святое, и никому на свете они не позволят посягнуть на нее. Если сердце зеленоглазой половинки занято, не стоит даже предпринимать попыток завладеть им. Зеленоглазая женщина – прекрасная жена: верна, заботлива, многое способна простить и всегда готова прийти на помощь. Отношения с такими женщинами всегда стабильны, но в то же время не лишены некой изюминки.

В то же время, блондинки с зелеными глазами обладают стервозным характером, умеют добиваться своего, а вот серьезные отношения даются им с трудом.

Всё могут короли...

А это зависит от того...

Кошка, которая гуляла сама по себе

Запомни меня такой...

...И мы станем единым целым

Не проскочи мимо!

Куда смотрят мужики?

Я люблю тебя! Я верю тебе!

Два кусочечка колбаски...

Мужчины на раз-два-три
Любовь на фоне геометрии и зоологии
Рондо на тему любви
Сегодня, а ещё лучше – вчера
Стоянка поезда одна минута
Запах настоящего мужчины

Стоянка поезда одна минута

1

Андрей не сразу заметил девушку, сошедшую с ним на одной остановке с поезда Москва – Владивосток. Просто потому, что её не могло быть здесь по определению.

На маленьком полустанке с экзотическим названием Ал-Чуур поезда останавливались на одну минуту раз в неделю из Москвы и столько же из Владивостока. Больше и не требовалось. Спасибо, что хоть так. Погранзастава (рядом граница с Монголией) и вымирающий посёлок с одноимённым названием – больше здесь не было никого на сотни километров вокруг. Андрей знал и поимённо, и в лицо всех. И своих сослуживцев, естественно. И жителей посёлка. И даже их родственников, которые теоретически могли сойти на этой остановке. Но девушка не была из их числа. И, следовательно, не должна была здесь находиться. И, тем не менее, находилась.

Она протащила свой чемодан на колёсиках по глубоко-
му снегу к бывшему зданию вокзала, безуспешно попыталась
открыть дверь, а теперь внимательно вглядывалась внутрь
через окно. Отстала от поезда? Вышла не на той остано-
вке?...

У Яны потихоньку начала нарастать в душе паника. Ночь.
Кругом ни души. Ни одного огонька вокруг. Здание станции
явно заброшено не один год. Но ведь поезда останавливают-
ся?! Значит, где-то здесь должны быть люди! Только вот где?
Наверное, при свете дня это станет понятно, но ведь до утра
ещё дожить надо! Зима. Мороз. Холодно.

Идея отправиться куда глаза глядят, уже не казалась ей
столь удачной, какой она выглядела в Москве. И недоумён-
ный взгляд проводницы вагона, когда та рассматривала её
билет, стал понятен. А вот что ей делать сейчас было не по-
нятно.

– Здравствуйте! – прозвучал над Яной голос из преиспод-
ни (так ей показалось), и она вздрогнула от неожиданности,
поскольку шагов говорившего не слышала. Свои – ломкие,
хрустские из-за мороза, слышала и даже отметила про себя,
что уже сто лет такого не было в слякотные московские зи-
мы, а эти – не слышала.

Голос принадлежал мужскому силуэту, такому чёрному,
что казалось, с ней разговаривает сама бездна. А вокруг этой
бездны искрился в неярком свете звёзд и луны снег. Яна

только сейчас заметила окружающую её красоту, и в ней непроизвольно включился художник. Она стала прикидывать какие краски ей надо смешать, чтобы запечатлеть эту картину на холсте, и судорожно попыталась вспомнить – а взяла ли она их с собой?

Андрей заметил, как девушка вздрогнула. Он не собирался её пугать. Просто сработала профессиональная привычка пограничника перемещаться бесшумно в любой обстановке, выработанная годами тренировок.

– Не бойтесь! Я хочу Вам помочь! Вы от поезда отстали или станцию перепутали?

– Почему это «перепутала»? А может у меня тут пересадка?! – взбеленилась Яна.

Взбеленилась, потому что точно такими же словами, что это она «что-то перепутала», оправдывался гад Юрик в прошлой жизни, когда она ловила его на вранье. И она ему верила. До определённого момента. Когда ложь стала настолько очевидна, что и ложью быть перестала, превратившись в предательство. И профессии. И любви...

...Они с Юриком стали парой на третьем курсе института. Яна на тот момент была в глубоком эмоциональном кризисе. Учёба в архитектурном институте ей категорически не нравилась. Чем дальше, тем больше она понимала, что быть архитектором это не её. Она с детства мечтала стать художником. Если перед глазами современного человека представа-

ла красивая картина, будь то великолепное здание или природное явление, куда тянулась его рука? К фотоаппарату на мобильнике. А Яну тянуло к карандашам и краскам. Больше всего её трогало совершенство самого простого – подорожника у тропинки, сосенки в поле, кувшинки в пруду.

Учитель Яны в художественной школе отмечал необычайную свежесть, непосредственность и прелесть её картин-настроений, где от необыкновенной простоты во всём таяло сердце, так это было хорошо.

Родители поощряли занятия дочери. До определённого момента. Когда же подошло время выбирать профессию, встали на дыбы против поступления Яны в Суриковское училище. «Художник – это не профессия!», – хором говорили они. «На одного удачливого художника приходится тысяча неудовлетворённых талантов, нищих, голодных, богемных», – убеждал Яну отец. И она сдалась их напору. Как компромиссный вариант поступила в архитектурный институт. И дошла до ручки.

*М. Якупчикова-Вебер -
Дикая рябина (Пиэма)*

Решила больше не сдерживать своих порывов и на творческом экзамене во время зимней сессии вместо академического проекта здания элеватора отпустила свою фантазию на все четыре стороны. Рассчитывала, что ей поставят двойку и отчислят из института. А вместо этого вызвала горячие споры, как между студентами, так и внутри преподавательского состава. И в итоге была негласно зачислена в потенциальные гении архитектуры.

Вот тогда в её жизни и появился Юрик. В общем-то, он и раньше в ней присутствовал, поскольку учился в одной с ней группе, но до этого, ни он, ни она особого внимания друг на друга не обращали. Юрик подошёл сам, выразил восхищение её талантом, в то время как остальные её сокурсники кривили губы в несогласии с оценкой её таланта или бросали завистливые косые взгляды. Так началась их дружба, быстро переросшая в любовь.

Уже после летней сессии этого же третьего курса некоторые Янины сокурсницы начали убеждать её, что Юрик её использует, но Яна этому не поверила. Решила, что всё это продолжение их зависти, только теперь уже не к её таланту, а к их с Юриком любви.

Зря не поверила. Может, если бы потрудились, хотя бы, за-

думаться, не было так больно, когда пелена с глаз упала? Они вместе готовили все творческие проекты, вернее, свои Яна делала сама, а Юрика – вместе. Ну и что, что идеями фон- танировала она, а Юрик только рисовал или вносил несуще- ственные коррективы? – считала Яна. Они же вместе, они же пара, они же единое целое! (Яна уже ощущала себя замужем за Юриком, хотя предложение он ей делать не спешил. Но это же всё формальность, не правда ли?)

На последнем курсе института, ещё не защитив диплом, они подали заявку на участие в творческом конкурсе Между- народного архитектурного фестиваля «Зодчество» в номи- нации «Открытые общественные пространства». С увлече- нием занимались проектом по благоустройству набережной Москвы-реки в микрорайоне Павшинская Пойма. Регистра- цией их проекта на фестивале занимался Юрик, как обыч- но. Яна была ему благодарна, что он снимал с неё всякие та- кие рутинные организационные дела. Удивилась только, что в документах о принятии документов на конкурс, её фами- лии не было. Юрик объяснил это формальностью, мол, так положено, под проектом всё равно их обе фамилии указаны. Конкурс они не выиграли, но диплом получили, формально заняв третье место. Вернее, *получил*, поскольку фамилия в дипломе была одна – Юрика. «Видишь, малыш, как получи- лось, – успокаивал её Юрик, – регистрировали только юри- дических лиц и индивидуально. Как зарегистрировали, так и наградные документы потом выписали. Ну, что ты распе-

реживалась, ведь скоро это и твоя фамилия будет!» Прозвучало как предложение о замужестве, и Яна дальше не стала выяснять, проглотив наживку. Даже извинилась перед любимым.

Через какое-то время Яна полезла на сайт Мэрии Москвы, чтобы посмотреть, взяты ли какие-нибудь из победивших проектов на реализацию или весь этот архитектурный фестиваль всего лишь парад амбиций? И наткнулась на страничку жюри конкурса с перечислением победителей всех номинаций, а там – и организации, и индивидуалы, и коллективы авторов от двух до десяти человек. Юрик её обманул. Опять. Яна не стала выяснять отношения. Собрала свои вещи и съехала с их съёмной квартиры, оставив работающий ноутбук на странице с найденной информацией. Юрик не перезвонил, оправдаться не попытался.

Яне куда-то надо было срочно уехать из Москвы. Она давила на неё. Праздничное новогоднее убранство города словно издевалось лично над ней, сияя стекляшками, изображающими драгоценные камни. Толпа людей в радостном предвкушении праздника раздражала.

Уехать до Нового года не получилось. Билеты в Крым (Крымский мост, дворцы Ялты, гора Ай-Петри, плюсовая температура в декабре) были распроданы до конца новогодних каникул. Чтобы добраться до Калининграда (янтарь, Рыбная деревня, Куршская коса) на поезде, надо было пересекать несколько границ, а это заморочка. Яне же хотелось

именно на поезде. Чтобы забраться на верхнюю полку и заснуть под мерное покачивание состава и стук колёс: тук-тук, тук-тук, тук-тук. И желательно не одну ночь, а несколько. Чтобы днём сидеть у окна и зарисовывать проплывающие пейзажи. По этой причине отпала поездка в Карелию (водопады, парк Рускеала, шхеры).

Итак, юг, север и запад отпали, остаётся направление на восток. Вот с этим путём проблем не было. На восток страна простиралась на тысячи километров, вплоть до Владивостока, куда ехать надо было почти четверо суток. Это, пожалуй, было многовато, и Яна решила ограничиться двумя. И из реальности выбьет, и надоесть не успеет. А, когда рассматривала маршрут, внимание застряло на необычном названии Ал-Чуур. Почему-то представлялась бескрайняя степь, покрытая снегом, и огромный костёр. А вокруг него – пляшущий хоровод из людей в ярких нарядах. Яне так понравилась эта картинка, что она тут же купила туда билет, махнув рукой на то, что поезд отправляется только 3-го января, и ей придётся что-то придумывать с Новым годом.

Чтобы избежать общения с родителями, Яна сочинила для них сказочку с празднованием Нового года в молодой компании. И встретила следующий год в одиночестве, лежа на кровати в затрапезной гостинице на окраине Москвы и пяля глаза в потолок, поскольку заснуть не было никакой возможности – отовсюду слышались веселые пьяные голоса, бухающие звуки петард и фейерверков сотрясали воз-

дух...

... «Врёт!», – тут же понял Андрей. И это было очень подозрительно.

– Пересадка? И куда же?

– А что это Вы тут мне допрос устраиваете? Куда надо – туда и пересадка!

«Грубиянка! – неприязненно подумал Андрей, – Ещё и хамит. Оставить бы её тут одну, да ведь замёрзнет». И вслух примирительно сказал:

– Следующий поезд на Москву через четыре дня, а во Владивосток – через неделю.

– А где тут можно остановиться на четыре дня? – пробурчала, ещё не окончательно убрав иголки, Яна.

– Пойдёмте, я Вас провожу. Тут в пяти километрах посёлок есть. Устрою Вас на ночлег у бабы Шуры.

Андрей отошёл на несколько шагов и достал рацию. Доложил дежурному, что задержится, так как придётся сделать крюк, чтобы отвезти девушку в Ал-Чуур. А потом уже вызвал по рации машину-вездеход с шофёром. Погранзастава была в противоположной стороне от посёлка и ещё дальше от полустанка, так что на своих двоих не доберёшься. Машина ждала возвращающихся из отпуска или командировки в неприметном ангаре, скрытом старым зданием от глаз пассажиров поездов, пролетающих мимо, хотя кому там придёт в голову пялиться из окна в три часа ночи?

Для Яны машина появилась ниоткуда, как по волшебству, причем, точно также как и этот мужчина, материализовавшийся из ночного воздуха. Её спаситель. Которому от страха и неожиданности она нахамила. Яну подмывало извиниться, поскольку по натуре ни язвой, ни нахалкой она не была, но Андрей (они представились друг другу в машине) так отстранённо молчал, так отгородился от неё своим молчанием, что она не решилась заговорить. А вскоре они и приехали.

В избе Андрей попросил у Яны паспорт под предлогом покупки ей обратного билета. Она, было, засопровтивлялась:

– Я его сама по интернету куплю.

– Здесь нет интернета, – терпеливо ответил Андрей, – И мобильной связи тоже.

– А как же вы тут живёте? – растерялась Яна, – Мне родителям надо сообщить, они волноваться будут.

– Вам всё завтра расскажет баба Шура. А сейчас, извините, мне надо ехать.

И машина уехала, а Яна осталась пережить четыре дня до возвращения домой. К мамочке и папочке, куда ей очень-очень хотелось. И побыстрее. Как-то ей и приключений хватило, и двух суток в поезде на размышления. И вообще, как можно жить не только без интернета и мобильной связи, но и без элементарного – горячей воды из душа, центрального отопления и канализации?! Интересно, а хоть освещение здесь есть??? Или как её встретили со свечкой, так с ней же и придётся провести четыре дня?

Уже в машине, по дороге на место службы, Андрей внимательно изучил паспорт девушки. 21 год (она ему показалась моложе). Москвичка (вот откуда этот наглый тон). Зовут – Арканова Ульяна Семёновна. А представилась Яной. Домашнее имя? Или считает полное не современным?

Яна, действительно, не любила своё, как она называла «старорежимное», имя. Так её назвала бабушка – ярая коммунистка, одна из немногих, кто не сдал партбилет Коммунистической партии в годы перестройки, когда партия, по сути, развалилась, перестала существовать. Бабушка до конца своих дней считала Ульянова-Ленина непревзойдённым гением, а ещё преклонялась перед Ульяной Громовой – героиней-подпольщицей «Молодой гвардии» и заодно Нонной Мордюковой, сыгравшей Ульяну в кино. Так что вариантов имени внучки было всего два. Родители выбрали – Ульяна. А дома для сокращения звали Яной. Яной она себя и ощущала. Имя «Ульяна» воспринимала как другое имя, совсем с «Яной» не связанное. В четырнадцать, когда получала паспорт, Яна попыталась имя «Яна» узаконить. Но тут воспротивилась мама (бабушка к тому времени уже умерла). Она, видите ли, преклоняется перед «балериной века» Ульяной Лопаткиной, а Яна почему-то из-за этого должна терпеть своё старорежимное имя! Да ладно – имя! Ещё и ненавидимые ею занятия в балетном кружке! И только на том основании, что балериной мечтала стать мама, но не получилось, и она решила воплотить свои мечты в дочери! А дочь

поставила ультиматум – или она бросает занятия, или меняет имя. Мама поразмыслила и согласилась с потерей мечты увидеть свою дочь балериной. Если человек не хочет чем-то заниматься, то всё равно бросит рано или поздно. Так Яна избавилась от балета, но осталась Ульяной.

2

На следующий день Яна проснулась поздно, чуть ли не к обеду. Прислушалась к себе и поняла, что отлично выпалась, отдохнула и главное – не заболела. В избе было тепло, вода из рукомойника потекла тоже тёплая, и это ещё больше улучшило Янино хорошее настроение.

Баба Шура возилась на кухне. Гостью встретила ласково: – Выспалась, красавица? Сейчас идэх будем, значит, «кушать» по-вашему.

– Давайте, бабушка, я Вам помогу, – предложила Яна, с некоторой долей смущения обращаясь к женщине «бабушка», поскольку мягкое, круглое лицо хозяйки без единой морщины на «бабушку» никак не походило, а вот её глаза... Глаза светились мудростью и той особой добротой, которая свойственна только людям, основательно пожившим на этом свете и много чего повидавшим. Да и Андрей её представил – баба Шура, как говорят о пожилом человеке.

– Ты у нас гостья, однако. Не положено.

И Яна пошла бродить по избе. Сунула нос в спальню ба-

бы Шуры – ничего особенного: на полу были разбросаны стёганные войлочные коврики, на стене над кроватью вместо ковра прибита шкура оленя. В светлой горнице в центре стоял круглый стол, покрытый шёлковой скатертью с вышитыми узорами, и обнаружился телевизор. «О! – обрадовалась Яна, – цивилизация! Будет чем занять время до отъезда домой». В кухне она уже была и, таким образом, осталось осмотреть коридор и выйти, чтобы оглядеться, наружу.

Яна накинула на плечи куртку и вышла на крыльцо. Да так и замерла в изумлении. Такого безграничного простора она не видела никогда в жизни. Такого чистого белого снега она не видела никогда в жизни. Такого яркого солнца она не видела никогда в жизни. И никогда в жизни не дышала таким морозным воздухом.

– Ал-Чуур – «шаль», «платок» по-нашему, – раздался за спиной Яны голос бабы Шуры, и на её плечи опустилась тяжелая длиннополая шуба из какого-то меха, – А монголы называют нашу степь «Бэрийн Хешиг» – фата невесты. Не стой долго – простудишься, однако, и обед простынет.

Обед выглядел незатейливо просто – густой, наваристый и очень тёмный, почти чёрный бульон, баба Шура назвала его *кара-мун*¹, с *хаарган далган*² – пресной лепёшкой и нарезка из разных сортов ливерной колбасы³. И к тому, и к другому Яна приступала с опаской. Но всё оказалось вполне съедобно и, однозначно, сытно. Особенно Яне понравился кара-мун. У супа был замечательный запах – свежих трав и

неповторимый вкус. Яна удивилась – откуда зимой свежая трава? И не удержалась, поинтересовалась об этом у бабы Шуры. Хозяйке были приятны похвалы гости, и она с удовольствием ответила, что весь секрет кроется в двух специях: диком луке *кулча* и диком укропе *койнут*. Головки лука собирают осенью (только надо не перепутать его со вторым его видом, который люди не едят, а только животные), высушивают, толкут и хранят в платяных мешочках. Добавляют в супы, пельмени, колбасу. Зрелые зерна койнута собирают, высушивают, толкут в ступке, просеивают. Такой порошок добавляют в супы и фарш.

До вечера Яна рисовала, пристроившись у окна своей спальни, которое выходило на бескрайнюю степь. Баба Шура ей не мешала. Шуршала какими-то своими домашними делами. Солнце постепенно клонилось к закату, и картина за окном волшебным образом менялась. Яна торопилась запечатлеть это текуче меняющееся великолепие, вся уйдя в работу. И потому вздрогнула, когда за её спиной раздался голос бабы Шуры:

– Красиво, – вынесла вердикт хозяйка, рассматривая через плечо Яны плоды её трудов, – Гости, однако, скоро будут.

«Гости – это хорошо, гости – это интересно!», – думала Яна, с удовольствием потягиваясь, чтобы размять затёкшую спину и шею. Но даже представить себе не могла насколько это будет интересно.

Гостей оказалось трое: дед Трофим – высокий старик, не

согнутый годами и явно русский, и две сестры-тувинки, такого же неопределённого возраста, как и баба Шура, Падма⁴ и Сайлыкмаа⁵. И, кстати, хозяйку Яны звали Шуру, а не Шура, что в переводе с тувинского означало – красивая. Это уже русские так переиначили на свой лад, чтобы удобнее было произносить. Две сестрички, русский дедушка и бабушка Шуру оказались единственными жителями посёлка Ал-Чуур. Заходили гости в дом не торопясь, степенно произносили – «Экии!», что означало – «Здравствуйте!». Вежливо спрашивали друг у друга: «Кайы хире чоруп тур сен?» – «Как дела?» и внимательно выслушивали ответ.

На ужине во главе стола было, как оказалось, самое почётное блюдо тувинцев – *ужа*⁶, которое готовится на сватание невесты, самого свадебного пира, рождение ребенка, обряда освещения или больших праздников ради самого уважаемого человека. Им, к своему немалому смущению, оказалась Яна. И пришлось ей совершать целый ритуал за столом: отрезать мясо и жир с левой стороны *ужа*, класть их на правую сторону тарелки, затем отрезать с правой стороны, первой съесть кусочек, а потом угощать всех остальных.

На этом обряды не закончились. Все присутствующие ещё раз представились Яне, и оказалось, что у каждого есть второе, сакральное, имя, которое сообщается другому человеку только в знак полного доверия. Первой встала из-за стола бабушка Шуру, торжественно подняла большую рюмку с *арага* – молочной водкой, сделала маленький глоток и про-

изнесла – Шенне, что означало «пион», и чокнулась с Яной. Пришлось той повторять эти действия в обратном порядке и назвать своё полное имя – Ульяна, другого-то второго имени у неё не было. Сайлыкмаа была ещё и Урана (мастерица, рукодельница). Падма – «звездой» Сылдысмаа. Дед Трофим – Балчыр, что в переводе означало – «светлый». Как чуть позже поняла Яна, имя это было дано ему не только в силу светлой кожи, но и светлой его души. Яне тоже пообещали найти со временем тувинское имя.

Яну очень тронул этот ритуал, а по её телу до самых ног разлилось тепло не только от выпитой водки, но и от любви к этим простым, открытым, гостеприимным людям. Как-то сам собой завязался разговор о тувинских обычаях, истории, легендах. Яне особенно понравилась легенда об озере Увс-Нуур или Убсу-Нур (у озера тоже было второе имя). С тувинского его название можно было перевести, как «озеро, впитывающее реки». Такой вариант допустим, учитывая количество рек, впадающих в него. Другая версия предполагает происхождение названия от «субсен» – монгольского понятия, обозначающего горький осадок в кумысе, непригодный для питья, что ассоциируется с горько-солеными водами озера. А вот легенда о происхождении самого озера была такая: «В стародавние времена жили в этих степях два племени – халхи⁷ и тугнусы⁸. Степи были бескрайними, места всем хватало, да вот беда – уж больно воинственными были те племена. Постоянно воевали меж собой. Военная удача

была то на стороне халхи, то на стороне тунгусов. И продолжалось это долго, не один год, не одно десятилетие и даже не одна сотня лет, пока не встали во главе племён мудрые вожди. Решили они положить конец войне, поженив своих детей – красавицу-дочь вождя племени тунгусов Алчу и сына-батыра вождя племени халхи Убсумоола. Собрались на свадьбу оба племени, все пришли, от мала до велика. Столы поставили кругом, чтобы никому обидно не было. Женщины расстарались – еды на столах было с избытком, арага и *архи*⁹ лились рекой. Сначала всё шло мирно, но потом, то тут, то там под влиянием алкоголя стали возникать ссоры. Слово за слово, и вспыхнула битва. Напрасно вожди племён пытались урезонить своих соплеменников. Напрасно Убсумоол пытался встать между дерущимися. Напрасно красавица Алчу пыталась уговорить их одуматься. Недолго развевалась белая её фата над полем битвы. И длилась эта битва не один день и не одну ночь, пока все мужчины не погибли. В живых остался только Убсумоол. Нашёл он в груди бездыханных тел свою наречённую, свою ясноокою с глазами неба Алчу, свою любимую, ибо не только ради мира своих племён жаждали их молодые сердца этой свадьбы. Поднял её на руки, поцеловал в уста. Открыла глаза Алчу, улыбнулась любимому, и закрыла их навеки. Только один удар сделало сердце Убсумоола и остановилось навеки. Не один день, не одну неделю, не один месяц плакали женщины обоих племён над телами своих вождей и отцов, мужей и детей, братьев и

любимых, так что из их слёз образовались реки, реки стекли в долину и образовали озеро. Озеро такое же голубое, как глаза Алчу. Такое же глубокое, как горе жен и матерей, сестёр и невест, потерявших своих любимых. И такое же солёное, как их слёзы».

Яна засыпала счастливой – дед Трофим пообещал сводить её завтра на озеро, даже мерки с ноги взял, обломав хворостину по длине её стопы, чтобы сшить ей унты. Ведь в её сапожках по такому морозу далеко не уйдёшь. А унты ещё надо прикрепить к снегоступам – снега в этом году много, по пояс можно провалиться.

А ещё Яна засыпала весёлая. Хихикала, как девчонка. И не только потому, что перепила арагу, хотя и это тоже. Но больше, потому что её острый взгляд художника разглядел мелодраму и драму одновременно, творившуюся во взаимоотношениях людей, сидящих за одним столом. Дед Трофим страстно и преданно любил Шуру, и нёс бремя своей безответной любви с достоинством, не допускающим жалости. Деда Трофима отчаянно и безответно любила Падма. Удачливую свою соперницу, Шуру, уважала и даже преклонялась перед ней. А вот сестрой своей, Сайлыкмаа, помыкала. Сайлыкмаа производила впечатление женщины спокойной, покладистой, даже какой-то сонной. Только вот как с этим сочетался лукавый взгляд, который она нет-нет да и бросала на любовный треугольник за столом? Яна могла бы его посчи-

тать за глюк из-за выпитого, если бы однажды Сайлыкмаа не послала его напрямую Яне, да ещё и подмигнула – мол, видишь тут у нас какие страсти кипят! Островком спокойствия за столом была Шуру. Она знала, что её любят, принимала эту любовь, но не поощряла и не эксплуатировала. Она знала, что её уважают настолько, что отступятся и слова поперёк не скажут, если она ответит на любовь, но не унижала, до жалости не опускалась. Санта-Барбара¹⁰ отдыхает! – веселилась Яна. Никакой телевизор не нужен! До него она, кстати, так и не добралась, а собиралась именно им убивать время, оставшееся до отъезда домой. Господи! Домой! Она ведь так и не удосужилась узнать у бабы Шуру, как ей сообщить родителям, что с ней всё в порядке. Надо будет сделать это завтра в первую очередь...

И с этой благой мыслью Яна заснула.

¹ – варится после разделки бараньей туши, в него добавляют мясо с костями, легкие, печень, сердце, куски брюшины и кишки. Ребра варят парами, не ломая их. Если не соблюдать данное правило, то согласно народной примете, это приводит к ссоре. Затем заправляют пшено, или рис, или домашнюю лапшу. Соль, перец по вкусу. Тувинцы считают, что есть кара-мун полезно для здоровья. Он имеет лечебные свойства: при простуде, сухом кашле в него добавляют толченый корень пиона и пьют очень горячим, хорошо укутавшись, чтобы пропотеть.

² – лепёшка готовится сначала на разогретой поверхности, а потом доводится до готовности над открытым огнём.

³ – в тувинской кухне готовится несколько видов ливерной колбасы. Излюбленное лакомство – кровяная колбаса *изиг-хан*: в тщательно вымытый бараний сычуг (отдел желудка) наливают подсолённую, нашинкованную репчатым луком сырую кровь и варят до готовности. *Тырткан* – колбаса из кишок и мелкорубленного мяса. *Череме* – кушанье в виде колбасы-жгута, приготовленное из нарезки желудка и кишок. *Ижин-хырын* – мелко нарезанный бараний ливёр, приправленный луком и чесноком, подаётся в жареном виде.

⁴ – в переводе – «цветок лотоса». Проницательная, верная в любви, прямолинейная, старательная, добропорядочная.

⁵ – в переводе – «синичка». Скромная, честная и верная.

⁶ – *Ужа* готовится из нижней части туши курдючного барана. Режут, не трогая мясо с боков, щедро захватывая мясо с бедер. При правильной разделке вместе с курдюком остаются шесть спинных позвонков. *Ужа* варят в большом количестве воды. Вместе с *ужа* на большую тарелку кладут голень, два самых больших ребра. *Ужа* кладется тыльной стороной кверху. Ребра должны быть положены таким образом, чтобы их головки были направлены в головную часть *ужа*, а голень – толстым концом. А к уважаемому человеку, которому предназначено *ужа*, она должна быть направлена спинной частью.

⁷ – монгольский народ, составляющий основное население современной Монголии.

⁸ – одно из племён наряду с уйгурами, туба, тюрками, из которых сложился тувинский народ.

⁹ – монгольская водка на основе забродившего козьего молока крепостью 38-40°. Эта водка очень легко пьётся, в ней почти не чувствуется алкоголь, но нельзя забывать о его количестве. Именно поэтому у архи есть второе название – «хитрая водка».

¹⁰ – американская мыльная опера, одна из первых, попавших на наши экраны. Сериал рассказывал о жизни нескольких семей из городка Санта-Барбара. Со временем его название стало нарицательным. Обычно говорят "Санта-Барбара какая-то" про длительные и запутанные отношения, семейные разборки и т.п., потому что сериал длился 9 лет, всего было снято 2134 серии, и в перипетиях отношений периодически меняющихся главных героев путались не только зрители, но, казалось, и сами сценаристы.

3

Не смотря на количество выпитого накануне алкоголя, проснулась Яна бодрой и здоровой. Голова у неё не болела, и сушняка во рту не было. Она прекрасно помнила то, что не доделала вчера, а потому первым делом поскакала к деду

Трофиму, поскольку только у него была связь по рации с погранзаставой. Продиктовала адрес и текст телеграммы родителям (даже не предполагала, что в наше время ещё кто-то пользуется этим видом связи на уровне каменного века!) – «Всё порядке. Мобильной связи нет. Скоро буду. Ваша Яна».

Заодно примерила унты, скреплённые пока на живую нитку.

Только расположилась у своего окна, чтобы запечатлеть снег в утренних лучах солнца, как пришли сестрички. Обмерили её всю разноцветными лентами: по талии обрезали красную, по линии бёдер – синюю, длину руки – фиолетовой и так далее. Причём, в этом действе главной была Сайлыкмаа – сосредоточенной, уверенной в себе, спорой, и без зазрения совести помыкающей старшей сестрой (отыгралась за вчерашнее!).

В аккурат после обеда явился дед Трофим (как чувствовал!). Они вдвоём с Шуру обрядили Яну в шубу до колен, унты, меховые рукавицы и меховую же шапку (ничего из её верхней одежды для прогулки не подошло). Дед Трофим внимательно проверил крепление унт к снегоступам, и они отправились к озеру.

Шли долго – Яна никак не могла приноровиться к снегоступам. Привыкшая к коротким курточкам до пупка, идти ей мешала шуба, заплетаясь лапами между коленками. Шапка постоянно пыталась сползти на глаза. А ещё Яна часто останавливалась сфотографировать снег в том или ином ракурсе (хоть на что-то сгодился мобильник), очень расстраиваясь,

что на фото получается совсем не то, что видит глаз. Одновременно прикидывала, каких красок ей не хватает, чтобы получить во-о-от тот оттенок и вот этот. А ещё в голове крутился стишок из школьной программы:

...Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит.
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит...¹¹

Речки видно не было, да и леса тоже – так, показались вдалеке отдельные деревья. Путь к ним был с подъёмом, идти стало труднее. Но усилия стоили того! Пока шли по равнине, казалось, что и дальше лишь ровное заснеженное поле, а когда поднялись, оказалось, что они уже стоят на берегу огромного озера. По краям оно было покрыто льдом, дальше шла полоса изумительного зелёного цвета, а центр сиял глубоким синим, как сапфир в окружении изумрудов и бриллиантов. В далёкой дымке, там, где заканчивалось озеро, виднелись невысокие заснеженные горы.

– А что там, дальше? – спросила заморожённая красотой открывшейся картины Яна.

– А дальше там Монголия, – ответил дед Трофим.

На берегу постояли не долго – холодно, да и зимний день

короток, надо было возвращаться, хотя уходить не хотелось. А хотелось впитать в себя волшебные цвета озера и неба, потому что на фотографиях они получились совершенно другими.

Обратный путь показался Яне с одной стороны проще, поскольку приспособилась и к чужой одежде, и к снегоступам, а с другой – длиннее. Очень, уж, ей хотелось побыстрее попасть домой, и сразу к бумаге – рисовать, рисовать, пока ещё стоит перед глазами сине-зелёный кобальт вод озера.

Приходили ли к бабе Шуру гости, Яна не знала, так была увлечена работой, что ничего вокруг не замечала. Надо было срочно перенести на бумагу свои впечатления, поскольку на завтра они договорились с дедом Трофимом пойти на озеро сразу после завтрака, и ей очень хотелось сравнить то, что у неё получалось, с реальностью.

Засыпала Яна весьма довольная собой, как человек, хорошо потрудившийся сегодня, и уже знающий, что и как он будет делать завтра.

¹¹ – отрывок из стихотворения А.С.Пушкина «Зимнее утро»

Ах! Если бы они вышли хотя бы на часик пораньше, то застали бы Увс-Нуур в лучах восходящего солнца полностью

розовым, а не только частично. Интересно, а при закате оттенок такой же? А как озеро выглядит ночью? А весной и осенью? Яне хотелось запечатлеть Увс-Нуур во все времена года и в любое время суток.

Цвета, которые она вчера впопыхах набросала на эскизах, конечно, оказались не те. И вот же она – балда! Надо было краски взять с собой. Не рисовать. Рисовать не получится – холодно. А вот смешать краски, чтобы получить нужный оттенок – вполне.

Яна не собиралась рисовать картину с фотографической точностью, но положить на холст те краски и оттенки, какими видят озеро её глаза, и только её глаза, было необходимо. Ведь каждый человек уникален и, следовательно, его зрение тоже уникально. Мы смотрим на весеннюю траву и говорим – она нежно-зелёного цвета, но всё равно каждый видит этот цвет по-своему. Это как один и тот же пейзаж в одно и то же время сфотографировать разными фотоаппаратами. И все снимки будут отличаться друг от друга по цветовой гамме! Технарь скажет – что вы хотите, это оптика. Но ведь человеческий глаз это тоже оптика, только более совершенная, более тонкая, до неё никакая техника ни в жизнь не дотянется! А ведь художник передаёт через свою живопись не только формы и цвета, а ещё свою душу, настроение, отношение к тому, что изображает...

Ах, как Яне хорошо работалось! Она бы, наверное, и за-

снула за холстом, да бабушка Шуру не дала. Вытащила в гости к деду Трофиму. Не пойти было нельзя. Не положено, однако. Не прийти в гости, когда тебя позвали – нанести хозяину смертельную обиду, всё равно, что прилюдно объявить: ты мне враг, знать тебя – не знаю и знать не хочу. Как тут не пойти? От деда Трофима Яна ничего, кроме добра, не видела.

Только к приёму гостей дед Трофим оказался не готов. Гости все в наличии были, а вот закуски на столе не было. Да что там закуски – даже скатерти на ней не было. Только никого этого не смущало. Оказалось, гости сегодня были на самообслуживании – что сами приготовят, то и съедят.

Завёл этот обычай в посёлке дед Трофим. Родом-то он был из Сибири, а там какое самое главное блюдо? Правильно – пельмени! А пельмени готовят всей семьёй! В Ал-Чуур обычай сразу прижился, ведь в тувинской национальной кухне пельмени тоже присутствовали, только назывались манчы (не путать с мантами, которые здесь назывались бууза¹²), и начинкой в них было мелкопорубленное мясо вместо фарша. Пересечения обнаружились и с кавказкой кухней (хотя – где Кавказ, а где Тыва, ладно Монголия с Сибирью рядом) – чебуреки небольшого размера, обильно начинённые мелко нарезанным мясом и обжаренные в бараньем жиру, в тувинской кухне назывались хуужууры. А ещё присутствовали пончики (какая это кухня, Яна не знала) – по-тувински борзак¹³ и схожие с ними боова, отличающиеся только фор-

мой, поскольку имеют более крупные размеры, разрезанный центр и вывёрнутую форму.

Обо всём этом Яна узнала, пока они конвейерным методом готовили манчы. Бабушка Шуру катала колбаской тесто и нарезала на одинаковые кусочки. Яне доверили раскатывать их в круглые тонкие лепёшки. Падма раскладывала на лепёшки начинку. Дед Трофим выполнял самую ювелирную работу – вылепливал правильную форму. А Сайлыкмаа варила.

За неторопливой беседой рутинная работа прошла незаметно. А во время еды начались песни. Сначала запели сестрички, им подтянула баба Шуру. Само собой, им ответили русские. Не могла же Яна оставить деда Трофима одного против троих? Сначала подпевала негромко, поскольку медведь ей на ухо наступил не один, а даже два раза. Но дед Трофим так уверенно вёл, что постепенно и Яна раскрепостилась, громкости прибавила, чему в немалой степени способствовало количество рюмок выпитой араги. Получилось соревнование. Женское трио протяжно – народную балладу «60 коней в моём табуне»:

Адан ралтан дарлан дао,
Аджо лямо джоран наран.
Аджо лямо джоран оо,
Айран джато динде рейран терра.
Дорогой мой друг, однако,

Рад тебя я снова видеть.
Редко мы бываем вместе,
Редко ходим мы к друг к другу.

Русский смешанный дуэт в ответ – «Ямщик, не гони лошадей!». Трио – «Борбаннадыр» («Брат мой, спой, барабан»). Дуэт – «Отчего, отчего, отчего гармонь поет?» Мало что ли у русских раздольных песен на любую тему?

А потом всё смешалось. Бабушки с удовольствием пели русские народные песни, а Яна с дедом Трофимом подпевали тувинские. Слов, конечно, не знали, просто выводили – а-а-а. И красиво получалось, между прочим!

Засыпая, Яна думала – какой мы, всё-таки, удивительный народ! С лёгкостью перенимаем песни, пляски, кухню, праздники, обряды, верования из другой культуры. Находим общие точки, точки соприкосновения, создаём пути взаимопонимания. Делаем их своими, общими. Ни мало не смущаясь, дважды празднуем Пасху – католическую и свою, православную. Дважды встречаем Новый год – по старому и новому стилю, а планы строим в соответствии с тем, что нам обещает Китайский новый год. Отмечаем абсурдные зарубежные праздники, типа Хеллоуина, Международный женский день из коммунистического прошлого, Масленицу¹⁴ из язычества. И ничего, идентичность свою национальную не теряем. Как-то умудряемся жить со всеми в дружбе и согла-

сии. Никому не мешаем. А праздников – что ж, чем их больше – тем лучше!

¹² – приготовленные на пару разновидность мантов. От мантов отличается формой лепки – делают с открытым верхом, схожи с монгольскими *бууз*, но отличаются меньшими размерами (*из Википедии*)

¹³ – кусочки теста, жареные во фритюре из животного жира, сладковатые на вкус за счёт добавления сахара

¹⁴ – славянский праздник проводов зимы, праздновался целую неделю. Понедельник – «встреча» (сооружали из соломы, тряпок и старых лаптей чучело Масленицы, которое с почетом и песнями носили по улицам, а потом ставили на самое высокое место села. К обеду начинали печь блины). Вторник – «заигрыш» (зазывались гости – есть блины и кататься с ледяных горок). Среда – «лакомка» (зятя ходили к теще на блины). Четверг – «широкий» (шумные катания, кулачные бои, взятие снежного городка – символическая битва весны и зимы). Пятница – «тещины вечерки» (тёщи ходили с ответным визитом к зятям). Суббота – «золовкины посиделки» (приглашались сёстры мужа). Воскресенье – «Прощёный день» (обоюдно просили друг у друга прощения за обиды – вольные и невольные. Соломенное чучело сжигали вместе с разным хламом, чтобы ускорить наступление весны).

Утром Яна проснулась рано и отправилась к озеру самостоятельно. Дорогу она уже знала, снега в эти дни не было, их следы не занесло. И снегоступами своими они уже не то что тропинку, целое шоссе протоптали.

Идея Яны о смешении красок на месте для получения нужного оттенка оказалась продуктивной. В первую очередь она добилась того розового оттенка, в который окрасил горы восход солнца. Для этого смешала цинковые белила с розовым хинакридоном, добавила каплю темного золотистого. Осталась довольна результатом, решив, что над прозрачностью поработает уже на холсте дома.

Отлично получился сине-зелёный цвет перехода воды озера от изумрудного к сапфировому. Для этого Яна смешала одну часть жёлто-зелёной краски с двумя частями свинцовых белил и с тремя частями синего кобальта.

С оттенками воды разобраться удалось, а вот что делать со снегом, Яна так и не придумала. Как ни билась, но передать искристость снега, его девственную чистоту, его жизнеутверждающую красоту, не получалось. Ну, ничего! Она что-нибудь обязательно придумает! А сейчас пора уже было возвращаться. Бабушка Шуру предупредила, чтобы она не задерживалась – вечером ожидался какой-то грандиозный сабантуй. Да тут и не удержишься особо. Холодно. Даже крас-

ки пришлось держать под шубой ближе к телу, чтобы не замерзали.

А вечером всё было так, как представилось когда-то Яне. Темное небо с мириадами звёзд. Маленькое светлое пятно, вырванное огромным костром из темноты, накрывшей собой бескрайнюю степь, из-за чего снег вокруг превратился из бриллиантового в рубиновый. А вокруг костра – пляшущий хоровод из людей в ярких разноцветных нарядах. И среди них – она, Яна.

Только теперь уже Яна была не Яной, и даже Ульяной не была. Чодураа, так теперь её звали – цвет черемухи. Чодураа, которая находит себя в творчестве, искусстве, обладает богатой фантазией и открытой душой. Такое тувинское имя ей подобрали.

А ещё сшили за 2 дня потрясающей красоты тувинский костюм – нарядную шубу из шкур молодых ягнят, покрытую ярко-зелёной шёлковой тканью с вышитыми золотой нитью узорами, овчинную шапку с широким куполообразным верхом с наушниками, которые завязывались на затылке, и кожаные сапоги с загнутым и заострённым мысом и многослойной войлочной-кожаной подошвой. Голенища сапог украшали аппликации из разноцветных лоскутов. И всё это сидело на Яне-Чодураа как влитое. Не менее нарядными были и сестрички, и бабушка Шуру-Шенне в своих ярких праздничных шубах фиолетового, синего и красного цвета. Чуть более скромно выглядел дед Трофим-Балчыр, но это

понятно – он же мужчина. Это среди животных и, особенно, птиц самцы выглядят гораздо наряднее сереньких самочек, чтобы привлечь их внимание, побороться за подругу. А в мире людей, где женщин больше, чем мужчин, всё наоборот.

Эх, и весело-пьяно было на празднике, устроенной в честь обретения гостыи второго имени! Поджаривали на углях ко-стра шашлык из печени *согажса*¹⁵. Запивали его зелёным чаем с молоком *суттуг-шай*, сделанным старинным приёмом перемешивания *саарар*. Измельченный зеленый чай залили сырой водой, когда чай поспел – добавили молока и снова вскипятили. Смесь зачерпывали поварешкой и с высоты поднятой руки многократно струей лили обратно в чашу, пока молоко не сварилось. И повторялась эта процедура 40 раз, по 10 раз каждой женщиной, Яной-Чодураа в том числе, она ведь теперь тоже тувинка! А в конце варки в чай добавили по вкусу... соль. И это было очень-очень вкусно! «Чем чингир болзун!» - «Приятного аппетита!»

И не переживайте! Сладкий десерт тоже был – сушёный молодой сыр *курут*, 2 вида сыра *быштак* – прессованный и волокнистый (прямо как французы, которые тоже относят сыры к десертам) и высушенные маленькие лепешечки из смеси дикого лука кулча со свежим творогом. И всё это незаметно так шло, как семечки, под водочку арага.

Но истинной «вишенкой на торте», кульминацией праздника, его «изюминкой», чистейшим бриллиантом оказался не хоровод, который заворожил Яну своим шаманством,

не тувинская кухня, щекотавшая её рецепторы необычными вкусами, не богатая яркая национальная одежда, в которой она чувствовала себя, если не царицей, то, уж, женой хана, как минимум, а тувинское горловое пение¹⁶ бабушки Шуру. Горловое пение само по себе редкое явление – из населения всего земного шара оно характерно только для Сибири, Монголии, Тибета, Исландии, народа коса с юга Африки, канадских инуитов и итальянских пастухов с острова Сардиния. Но исполнение его женщиной – это уже эксклюзив из эксклюзива!

Бабушка Шуру встала у костра, закрыла глаза, едва открыла рот и, не напрягаясь... загудела. Мощно, громко. Так низко, что это не снилось даже Шалапину! Яне показалось, что это пела не бабушку Шуру, а гудела и дрожала сама земля, её недра. А ещё казалось, что пела она не одна – ясно слышался ещё один голос. Яна даже покрутила головой, но никто больше рта не раскрывал, все смотрели на певицу замерев и не дыша. А потом бабушка приоткрыла глаза на короткий миг и, также легко, как дышала, ушла ввысь, в высокие заоблачные ноты.

Чего только не слышалось Яне в пении бабушки Шуру – от гудения таёжного ветра, запутавшегося в вершинах древних кедров или заблудившегося между скалами, рёва быка и медведя, рассерженного, что его подняли из спячки среди зимы, это когда её голос хрипел и бурлил тяжёлым, низким, жужжащим звуком крайне низких частот, до трелей птиц,

радостно возвещающих приход весны откуда-то из поднебесья. А между этими противоположностями ещё были – клич журавлей, заячье камлание, пение желтогрудой синицы...

Разве был у Падмы после такого хоть один шанс завладеть вниманием деда Трофима? Нет, конечно! Она прекрасно это понимала, принимала. Потому и соперницу свою уважала, преклонялась перед ней.

Мы часто называем что-то волшебное, необычное, сказочное неземным. Но здесь, в этом пении, к которому можно было приложить любые восхитительные эпитеты, дышала и говорила сама природа, сама Земля. Она служила мерой всех вещей и источником вдохновения исполнителей-мастеров с древнейших времён, поскольку ценность и красота звука измерялась умением передать «живую жизнь» не только путем подражания, но и проникновением в ее сущность...

Празднество затянулась далеко за полночь, и продолжалось бы и дальше, если бы не приезд вездехода с погранзащиты. Управлял машиной тот же солдатик, который подвозил Яну в Ал-Чуур. Он привёз её паспорт, билет на поезд Владивосток-Москва и имел приказ сопроводить её на полустанок.

Как?! Что? Уже четыре дня прошло??? Неужели?! Так быстро? Как один миг просвистели! Она же ничего не успела! К задуманной картине даже не приступила! Нет! Она не может уехать! Не хочет! Не сегодня – это точно!

И Яна наотрез отказалась уезжать. Забрала свой паспорт и пообещала вернуть деньги за неиспользованный билет, как только окажется перед банкоматом...

Засыпала на набитый едой желудок долго, взбудораженная праздником и количеством выпитой араги. Только смеживала веки, как на неё обрушивалось звездное небо или с треском разлетались искры от костра. Потом, вдруг, вспомнился Юрик, о котором за это время даже половины мыслишки в голову не залетало. А ведь будь он здесь, тут же начал бы стебаться над её новым именем – какая же ты дура Чо-дура-а! Сам ты, Юрик – дурак! Так хорошо, как здесь и сейчас, мне не было никогда в жизни! Я занимаюсь любимым делом. Меня окружают самые добрые и талантливые люди на свете. Я свободна!

«А ведь всего этого могло и не произойти», – поняла, вдруг, Яна. Если бы Юрик не предал её, разве пришло ей в голову отправиться куда глаза глядят? И не было бы в её жизни заброшенного полустанка с экзотическим названием Ал-Чуур. И не познакомилась бы она с бабушкой Шуру, сестричками Падмой и Сайлыкмаа, дедом Трофимом, которые за какие-то несчастные четыре дня стали такими родными и такими близкими по духу, как никто! И не узнала бы она красивую и грустную легенду об озере Увс-Нуур, и никогда не увидела его воочию. И никогда не услышала бы как ревёт медведь одновременно с пением жаворонка в вышине.

Никогда в жизни! Господи, страшно-то как! Спасибо тебе, Юрик, что ты оказался гадом ползучим! Спасибо, что встретился на моём пути! И чтоб больше я тебя никогда в жизни не видела и не слышала! Сгинь, нечистая сила!

¹⁵ – каждый кусочек печени заворачивают во внутренний жир, солят, нанизывают на вертел и поджаривают на горящих углях.

¹⁶ – техника пения с необычной артикуляцией в глотке или гортани, когда певец поет одновременно два звука: основной (низкочастотное «жужжание») и верхний голос, который движется по тону натурального звукоряда (обычно используются 4 – 13 обертоны)

6

– Товарищ капитан, разрешите доложить!

– Докладывай!

– Сообщение по экстренной связи из поселка Ал-Чуур, – и с этими словами дежурный радист положил на стол перед командиром листок бумаги, весь исписанный убористым почерком.

По мере чтения, Андрей всё больше и больше раздражался. Это был список, включающий в себя: 1. Белила цинковые, свинцовые, баритовые, каолиновые

2. Краплак красный и фиолетовый

3. Желтая стронциановая, неаполитанская и золотистая
4. Ауреолин
5. Зелёная земля
6. Волконскоит
7. Церулеум
8. Парижская синяя
9. Милори
10. Чайкентская вишнёвая
11. Капут-мортуум
12. Сиена жжёная
13. Сепия...

И так далее до позиции 27, поскольку подобная белиберда перетекала на обратную сторону листа, заканчиваясь скромненько – альбомы для рисования в количестве 10 штук.

– Что. Это? – строго спросил своего радиста командир, чеканя слова.

– Краски! – бодро отрапортовал боец, – Сказали, нужны срочно и жизненно необходимы! Разрешите идти?

– Иди!

Нет! Ну, какова наглость! Эта туристочка что, решила, что погранзастава это бюро добрых услуг?!? Или таксопарк? Привези её, увези её, билет ей купи, а она ещё капризничает – поеду, не поеду! Не слишком ли много суеты вокруг одного человека? А теперь, вот, красками её обеспечить! Да ещё «срочно»! Да по экстренной связи! А в следующий раз луну с неба потребует достать?! И Андрей в сердцах смял листок

и выбросил его в урну.

Краски, действительно, Яне были жизненно необходимы. Те, что она захватила с собой из Москвы, уже закончились. Так же как и бумага. От карандашей остались одни огрызки. В ожидании пока доставят её заказ, Яна рисовала на обратной стороне эскизов, потом перешла на рисунки углём по дереву, благо, что и того, и другого было в достаточном количестве. Но ей был нужен цвет! Обязательно нужен цвет. Даже для картин в технике выжигания по дереву он был нужен. Тогда плоскость сразу приобретала объём, выпуклость, а цвета становились яркими, контрастными. Яна видела картины в такой технике на выставке художницы прошлого века Марии Якунчиковой-Вебер,

они сразу бросились ей в глаза и долго не отпускали, и загорелась освоить её. Может, в ней и снег получится так, как её устроит? А то, какими красками она не пробует, ничего не получается.

Трёхнедельное ожидание своих надежд не оправдало. Ей доставили: тоненький альбом для рисования, пачку цветных карандашей и набор из 12-ти цветов акварельных красок, всё это, видимо, купленных в магазине «Школьник», поскольку чек, приложенный к покупкам, был, аж, на 104 рубля!

Возмущению Яны не было предела. Она тут же завелась дозвониться до погранзаставы. Еле её бабушка Шуру отго-

ворила. Справедливости ради, надо сказать, что она и в первый раз возражала, но как-то уж больно тактично, не смело, Яна предпочла этого не заметить. А тут вняла железобетонным аргументам – закупки делаются не дальше Кызыла. Городок хоть и столица Тывы, но по

*М. Якунчикова-Вебер –
Осинка и ёлочка*

российским меркам небольшой, вряд ли там есть магазин с товарами для профессиональных художников. Оставалось только расстраиваться. Яна даже всплакнула, лежа в постели. Что же ей делать дальше?

Но уже перед самым провалом в сон, вдруг, нашла решение. Вот же она – балда! У неё же паспорт на руках! Она может съездить в Красноярск! Сама! Уж, в билете пограницы не откажут? 18 часов туда, 18 обратно. Итого у неё останутся 2 дня на поиски нужного магазина. А в Красноярске у неё появится и мобильная связь, и доступ в интернет. Она сможет позвонить родителям и сориентироваться в незнакомом городе. И обратный билет купит сама. А ещё там будет банкомат, она отдаст долги – 104 рубля за канцтовары плюс стоимость двух билетов.

И Яна заснула абсолютно счастливой. Как же мало нужно человеку для счастья...

7

Андрей остался весьма доволен своим решением «выполнить» заказ туристочки. Не прошло и суток, как она запросила билет на поезд, поняв, что здесь ей ловить больше нечего. Билет был в один конец, так что – «баба с возу – кобыле легче». На радостях он даже предоставил ей вездеход для

сопровождения на полустанок. Заодно убедился, что уезжала гостя с вещами.

Яна, действительно, отправилась в Красноярск с рюкзаком и чемоданом. Надо же ей было запастись тарой для красок и бумаги?! Рюкзак лежал в чемодане, а чемодан был в руке. Но это пока он был пустой. На обратном пути рюкзак она оденет наперёд, а чемодан будет прикреплён у неё за плечами ремнями. (Дай только бог, чтобы художественный салон в Красноярске был!) Этот удобный чемодан одолжил ей дед Трофим, с ним его отец вернулся с войны. Андрей этого, конечно, не знал. Спросил шофера вездехода – уезжала ли гостя с вещами? Тот подтвердил, что чемодан у неё был, а то, что не на колёсиках, так какая разница?

От поездки Яна получила всё по максимуму. И краски купила, и бумагу, и карандаши. И даже то, на что не рассчитывала – мешки из дерюги, которые она сможет разрезать на холсты. Мольберт и подрамники покупать не стала – их ей дед Трофим влёгкую сделает, да и тяжесть лишняя, лучше побольше красок купить.

С родителями всласть наговорилась. Успокоила. Рассказала про чудесное место, в котором остановилась, про ещё более чудесных людей, с которыми живёт.

Просмотрела почту. Писем было море. Больше всего, конечно, всевозможной рекламы. На втором месте оказались

письма от подружек со всяким трёпом. И несколько писем с существенной информацией от своих бывших сокурсников, которые «любезно» сообщали ей о взлёте по карьерной лестнице Юрика, заключившего после конкурса контракт с Лондонским архитектурным бюро и собирающим документы для отчаливания за границу. Сквозь строки приторного сочувствия ясно проступали злорадство и ехидство.

Информация о Юрике Яну не тронула. Флаг ему в руки. Пусть попробует проявить *с е б я*. Что-то Яне подсказывало, что за границей быстро разберутся в его «таланте». Злопахательство сокурсников – не задело. И, слава богу, что их ядовитые брызги слюней до неё не долетали.

Истинное наслаждение доставила ей чашка настоящего кофе. Вот это было блаженство! И это оказалось единственным, чего ей не хватало в Ал-Чууре. Но всё же легко исправить! И Яна купила целый килограмм молотого нерастворимого кофе и джезву впридачу.

Рюкзак и чемодан тяжёлыми получились страсть! Ну, ничего! До вокзала доехала на такси, в поезд её загрузил бравый военный, а на полустанке обещал встретить дед Трофим. Они сообща решили не докучать погранцам лишними просьбами, да и что там на лыжах по снежку 5 километров, когда Яна и так их ежедневно проходила в поисках мест для рисования с натуры? И тяжёлые вещи на санках уже не такими тяжёлыми будут.

Андрей про возвращение Яны в Ал-Чуур не знал. (Старики докладывали на погранзаставу о любых происшествиях, тем более, о новых людях, но Яна новенькой не была, просто уезжала на время, поэтому об её возвращении им не пришлось в голову сообщать). Он пребывал в полной уверенности, что «туристочка» уехала навсегда, пока не получил сообщение по экстренной связи, что Яна пропала, и требуется помощь в её поисках.

Яна, как обычно, сразу после завтрака ушла на пленэр (бабушка Шуру, наконец, выучила это слово, хотя и говорила мягко «пленер», а не «пленэр», обозначающее – «написание картин на природе». Как объяснила Яна, «для постижения природы в её естественном освещении»).

Шуру целый день «крутило», как говорят в народе – места она себе не находила. Но что её беспокоило, не понимала, пока Яна не пришла к обеду. Бабушка сразу поняла, что с ней что-то случилось, и побежала к деду Трофиму. Дед Трофим встал на лыжи и пошёл к озеру. Яны там не было. Он вернулся в посёлок за остальными, поскольку протоптанная лыжня на полпути к озеру разветвлялась и неизвестно сколько ещё раз. Старики встали на лыжи и начали методично осматривать расходящиеся следы от лыж, договорившись встречаться в первой расходящейся точке. Кто к точке не вернётся, тот, значит, Яну нашёл, и тогда все остальные пойдут по его пути, чтобы оказать помощь.

За два месяца Яна, кажется, обошла всю округу. Следов было много, а Яны нигде не было. А тут, как на грех, началась позёмка. Снег в эту зиму валил 2 месяца – в ноябре и декабре. В январе упало так, несколько снежинок. За февраль снег слежался, уже можно было перемещаться на лыжах, а не снегоступах. В марте наст ещё больше укрепился, начались позёмки, лыжня была не глубокой и её быстро заметало. Старики поняли, что им самим не справиться и обратились за помощью к пограничникам.

Яна на этот раз ушла в лес. Давно к нему присматривалась. Далеко, всё-таки! Но лыжи скользили легко, и она решилась. В лесу нашла изумительное место – высокие кедровые деревья по кругу, за ними молодые ёлки и кустарник. Сквозь кроны кедров просвечивало солнце. Снег, которого ещё было много в лесу, был расчерчен в полоску – темная полоса, искристая от солнца, темная, искристая. Яна сняла лыжи и начала топтаться, выбирая самый интересный ракурс для установки мольберта (дед Трофим изготовил ей такой удобный складной мольберт, что просто загляденье!).

Топталась Яна, топталась и... провалилась. Только что стояла на снегу – вжик, и уже в яме. Хрустнули не только ветки кустарника, но и что-то в правой ноге Яны. Острая боль пронзила снизу вверх. Яна посидела на дне ямы, дожидаясь пока боль немного утихнет, встряхнулась от снега и попыталась встать. Ей это удалось, но стоять приходилось на

одной ногое.

Яма оказалась глубокой, Яна едва доставала до её краёв, вытянув руки вверх. Подтянуться, чтобы выбраться, не получалось. Может, она бы смогла оттолкнуться от стенки ямы или подпрыгнуть, но для этого нужны были обе ноги, а в её распоряжении была только одна, и левая к тому же.

Яна попыталась обследовать яму во все стороны – вдруг, один бы её край оказался пологим? Но яма была узкой и одинаковой по высоте по всему кругу. Яна поняла, что попала в охотничью ловушку, вырытую для какого-то зверя, и порадовалась хотя бы тому, что на дне её не было капкана.

Яна поразмыслила и придумала ещё один способ вырваться из ямы – надо что-то нагрести на дно ямы, тогда она сможет дотянуться до кустов и, ухватившись руками за ветки, выползти на поверхность.

Способ оказался бы хорош, если бы рядом были деревяшки. Но вокруг ничего не было кроме снега и мёрзлой земли. Яна сначала сгребла вниз снег с краёв ямы, куда смогла дотянуться, потом попыталась ковырять руками стенки ямы. Потом сообразила, что у неё за плечами остался рюкзак, а в нём есть мольберт и термос. Но и эти приспособления не помогли. Скинутый вниз снег утрамбовался и как будто впитался в дно ямы, а выбитые с таким трудом комья мёрзлой земли погоду не сделали.

А тут ещё и солнце исчезло, началась позёмка. Острые снежные иголки кололи лицо. Стоять стало холодно. А вот

сидеть на дне ямы, свернувшись клубочком – тепло. Яна понимала, что тепло это обманчивое, можно заснуть, а там и замёрзнуть, но понадеялась, что боль в ноге, которую никак не удавалось удобно пристроить в узкой яме, не позволит этому совершиться.

Самое интересное, что у Яны не было ни страха, ни паники, что очень странно для городского жителя, нигде до этого, кроме парков, не бывавшего. А, может, потому и не было, что она не осознавала всей степени опасности, нависшей над ней? Не испугалась Яна и когда над ямой появилась морда волка. Кто ещё мог быть в лесу с торчащими вверх ушами и острой клыкастой мордой, кроме него? Волк уставился на Яну своими красными глазами и... залаял. «Странно! – подумала сквозь вату, окутавшую её сознание, Яна, – Не знала, что волки тоже лают...»

Вскоре над головой волка вырос темный силуэт человека в белом маскхалате. И Яна вспомнила серию картин бельгийского художника-сюрреалиста Рене Магритта¹⁷, где он закрывал лицо человека яблоком или чем-то другим, или вовсе оставлял тёмным пятном, так, что от него оставалась только одежда. «И почему сюрреализм? – вяло подумала Яна, – Самый натуральный реализм – темное пятно вместо лица, а вокруг – белое...»

Человек заглянул в яму, а потом выпрямился и отвернулся. Крикнул куда-то в сторону:

– Товарищ капитан! Сюда! Мы её нашли!

Рядом с первым темно-белым силуэтом вырос второй. Он тоже наклонился и спросил Яну смутно-знакомым голосом:

– Как Вы там?

Яна ещё выше задрала голову и пожаловалась, как в детстве маме:

– Ногу больно...

Андрей доложил по радиации командиру, майору Касыгбаеву, что девушка нашлась, и есть подозрение на сломанную ногу. Майор после небольшой паузы, во время которой, видимо, советовался с врачом, которая по совместительству была ещё и его женой, распорядился везти девушку в медсанчасть на погранзаставу. Нахождение гражданских лиц на территории погранзаставы было запрещено по Уставу, но в любом случае за всё отвечает командир.

Яну вытащили из ямы, осторожно уложили на низкие длинные сани корытцем, специально для перевозки раненых, укрыли толстыми одеялами и покатали по снежку. Убаюканная мерным ходом саней и согретая горой тёплых одеял, Яна заснула. И не проснулась, ни когда над ней заохали старики, ожидающие около вездехода (Андрей велел им расходиться по домам, но они не послушались), ни когда её фиксировали ногу деревянными шинами из аптечки вездехода, ни когда Андрей на руках переносил её из саней на заднее сиденье машины.

Она встрепенулась только когда её стали раздевать. Приоткрыла глаза, ещё не чётко сфокусированным зрением разглядела силуэт светловолосой женщины, улыбнувшись, про-

изнесла – «Мама!» и покорно дала себя и раздеть, и сделать рентген ноги (именно из-за аппарата пришлось везти Яну в медсанчасть погранзаставы).

Светлана Николаевна констатировала закрытый перелом малой берцовой кости правой ноги без смещения. Наложила гипс до колена и оставила ночевать в медсанчасти, устроив больной постель на кушетке.

Андрей недоумевал – ещё не было и пяти часов вечера, а Яна спала так, как будто за окном глубокая ночь. «Стресс, – объяснила доктор, мягко улыбнувшись, – Ничего! Это даже хорошо, что спит. Во сне выздоравливают». Андрей предложил отвезти девушку домой, то есть к бабе Шуре, поскольку консультация ей понадобится только через 10 дней, но доктор постановила оставить гражданское лицо на эту ночь на территории военной части. И это тоже вызывало недоумение – зачем нарушать Устав, если можно этого не делать? Но здесь командовала доктор, и ей подчинялся даже командир заставы, не говоря уже об остальных. (Впрочем, по мнению Андрея, командир подчинялся своей жене и во всех остальных вопросах тоже, но это их, семейное дело).

¹⁷ – Рене Магритт «Воспроизведение запрещено», 1937г

Андрей отправился на осмотр территории, взяв курс пря-

мо на озеро. От него он повернул направо. Левую часть предстояло осмотреть завтра. Это был его ежегодный весенний ритуал.

Начало апреля. Снег осел, а кое-где, особенно на высоких участках, уже выглянула земля. Через пару недель на открытых участках начнёт появляться трава. А молодая зелень это непреодолимый соблазн для диких и домашних животных – отар овец, верблюдов, соскучившихся за долгую зиму по свеженькому. Так что на начало весны всегда приходилось наибольшее число нарушений государственной границы. Ведь для животных границ не существует. То и дело российские пограничники возвращали монгольским их верблюдов, а те, в свою очередь, овец – российским. За дикими животными только наблюдали, но реагировать-то приходилось. Но самым опасным оставался, всё-таки, переход границы стадом ночью, когда под его прикрытием мог перейти границу диверсант. Бывали такие случаи, бывали, что скрывать.

На это время оперативно-тактические манёвренные группы пограничников усиливались. И тут важно было не упустить момент, когда это нужно было начать, чтобы не пропустить нарушителей. И, в то же время, не начать слишком рано, чтобы не переутомить личный состав. Вот потому Андрей и совершал сам осмотр приграничной территории, не полагаясь на рапорты подчинённых, поскольку график формирования манёвренных групп входил в круг его обязанно-

стей.

Андрей вышел на самую высокую точку российской части озера Убсу-Нур¹⁸. С неё налево уходила почти вся протяжённость российской береговой линии – 8 из 10 километров. 2 оставшихся километра направо – высокая часть, в этом месте к озеру бегут воды рек Ирбитей, Холу и Оруку-Шина. Реки, протекающие на низинном восьмикилометровом участке впадают в озеро уже на монгольской территории. Его он будет обследовать завтра. И Андрей направил мощный бинокль направо.

Стоп! Это что, у нас ещё один художник объявился??? Андрей подстроил резкость – да, вот мольберт, вот фигура стоящего за ним художника. Яна не может там быть по определению – ей сняли гипс всего несколько дней назад. Не могла она так далеко уйти от посёлка. Хотя, эта девица и на полустанке Ал-Чуур не могла появиться по определению, но, тем не менее, ещё как появилась!

Андрей прибавил увеличение, чтобы рассмотреть профиль художника, и в этот момент он, вернее, она, всё-таки Яна, обернулась, улыбнулась, махнула рукой и... исчезла. Андрей отвёл бинокль в сторону, чтобы взглянуть на картину в целом. Может, ему привиделось? Но нет! Мольберт был на месте, а девушки не было. И Андрей побежал...

Яне так надоело сидеть дома. Она, конечно, не сидела без дела – рисовала эскизы, экспериментировала со смешивани-

ем красок, грунтовала холсты под будущие картины, помогала бабушке Шуру по хозяйству, с интересом слушала её воспоминания, училась готовить тувинские национальные блюда. Не оставляли Яну без внимания и соседи. Почти каждый вечер кто-нибудь приходил в гости, а иногда и все вместе собирались. Но Яна очень скучала по своим ежедневным прогулкам. За 2 месяца так к ним привыкла, как будто всю жизнь этим занималась.

Как только Светлана Николаевна сняла ей гипс, сразу же начала выходить из дома. По чуть-чуть, но каждый день всё дальше. Окружающий пейзаж менялся на глазах буквально ежедневно. Ещё вчера в поле виднелись кучки снега, а сегодня уже, куда хватает взгляда, открытая земля. Весна, что тут скажешь. Как же тогда изменилось озеро и лес, если так разительно поменялся пейзаж за окном! А она тут сидит сиднем! Весна так скоротечна, неужели она не увидит, как меняется озеро?!? И Яна упорно уходила от дома на всё большее расстояние. Да, нога к вечеру опухала и ныла. Но утром-то с ней всё было в порядке!

И Яна решила отправиться на озеро. Вместо красок и палитры – доски для смешивания красок, взяла карандаши. Сэкономленный вес потратила на складной стульчик (Яна любила рисовать стоя, но здесь выбирать не приходилось – ноге нужен был отдых). Ну, а без мольберта и термоса с душистым суттуг-шаем обойтись было нельзя.

За полтора часа пути всего с тремя остановками на отдых,

Яна не только дошла до озера, но и нашла чудесное высокое место. Внизу, в тени от косогора весело журчала река, пока ещё больше похожая на ручей. Воды видно не было из-за тонкого ледка, которым она была затянута, только слышно. Река впадала в озеро, которое ото льда уже освободилось.

Яна установила мольберт и только потянулась за раскладным стульчиком, как почувствовала чей-то взгляд. Рефлекторно обернулась. Улыбнулась, увидев вдалеке пограничника. Ойкнула от резкой боли в ноге. Всплеснула руками, потеряв равновесие. Кубарем покатилась с косогора вниз, в речку. И всё это практически одновременно.

Когда Андрей добежал до возвышенности, на которой Яна облюбовала себе место для рисования, то нашёл её бултыхающейся в воде. Лёд под тяжестью её тела треснул, вода безжалостно захлёстывала её за шиворот, обтекала препятствие по поверхности нетронутого льда и весело бежала дальше.

Андрей наклонился и попытался помочь Яне встать. И у него это почти получилось. Но тут Яна неудачно наступила на острый камень, вскрикнула от боли, нога её соскользнула и она шлёпнулась обратно в воду, потянув за собой Андрея. Андрею удалось удержаться от падения в реку, но одним сапогом воду он, всё-таки, зачерпнул.

Кое-как вытащил Яну на берег, усадил на камень, стянул с неё куртку, промокшую насквозь, заменил на свою, вылил воду из сапога, присел перед ней на корточки и спросил:

– Идти сможешь?

– П-п-поп-роб-б-бую, – ответила Яна, стуча зубами от холода.

С большим трудом, медленно преодолели косогор. Когда поднялись, Андрей подхватил Яну на руки, а то с таким темпом они и за полдня не доберутся до погранзаставы (выбирать не приходилось, придётся опять нарушать Устав – там врач и расстояние в четыре раза короче, чем до посёлка). Яна против передвижения на руках не возражала, запротестовала только, что мольберт не взяли. «Странная девица, – подумал мимоходом Андрей, – мольберт дороже куртки».

Взмыленного Андрея Светлана Николаевна сразу отправила домой, велела отлежаться в горячей ванне и на службе сегодня больше не появляться, а сама занялась Яной. Только что зажившая её нога распухла, сбоку на стопе уже начал проявляться синяк, но, слава богу, перелом нагрузку выдержал. Яне тоже не мешало бы прогреться в ванной, но ноге, наоборот, был показан холод, так что пришлось обойтись растираниями и тёплыми одеялами. Ночевала Яна опять на кушетке в медсанчасти.

¹⁸ – российский сектор Убсу-Нура расположен на юге Республики Тыва и занимает порядка 0,3% всей площади озёрного зеркала (12 км²).

Ночью Андрей проснулся от страшной боли в горле. В него как будто воткнули острые ножи. Даже сглотнуть было не возможно. Маленькими глоточками пил горячий чай и, в итоге, потерял голос. Потерял от слова «совсем». Понял это только когда дотащился на службу и не смог доложить командиру. Был отправлен опять домой в сопровождении врача.

Светлана Николаевна намерила у него температуру под 38 и обнаружила хрипы в бронхах. (Ещё бы! В одной рубашке, да ещё мокрой от пота, под апрельским ветром и температуре около нуля провести полчаса).

Врач накачала Андрея лекарствами, заставила пополоскать горло и сделала на него компресс. Андрею только немного полегчало, как Светлана Николаевна вернулась. Но не одна, а с Яной. Та тоже заболела. И для неё купание в ледяной речке не осталось без последствий.

Идея соединить в одном месте болящих принадлежала Светлане Николаевне. Командир части, майор Касымбаев, решением доктора остался не доволен. Как это? Молодая девушка в одной комнате с женатым мужчиной? Не по Уставу. И не прилично. Но врач его убедила: надо изолировать заболевших, чтобы инфекция не распространилась по части, да и ей будет проще за ними ухаживать, не разрываясь между двумя точками.

Но было ещё одно соображение, которым Светлана Нико-

лаевна с мужем не поделилась. Как любая мать и женщина, счастливая в браке, она всей душой желала того же своим детям. К Андрею давно относилась как к сыну, ну или как к младшему брату, учитывая разницу в возрасте в 12 лет. И Яну полюбила сразу. Очень уж ей хотелось, чтобы эти двое присмотрелись друг к другу, полюбили друг друга и соединили свои судьбы. Вот и появился повод побыть им вместе, которым Светлана Николаевна воспользовалась. Её не смущало, что Андрей ещё женат. Это не на долго. Была уверена, Татьяна больше к Андрею не вернётся. Улетела птичка в тёплые края. Да это и сразу было понятно, что не сладится у них. Нет, Танечка была девочка хорошая, Светлана Николаевна ничего против неё не имела, но просто не предназначена она в жёны военного, да ещё и пограничника.

Яна была совсем другой – нежной, покладистой, светлой, влюблённой в жизнь. В жизнь в любом её проявлении, а не только в солнце, море и розы. И в тоже время обладала неспасаемым внутренним стержнем. Такую ни морозом под 50, ни глухоманью не испугаешь. Она и тут найдёт, чему порадоваться, чем заняться. Особенно, если рядом с ней будет человек, мужчина, которого она полюбит, ради которого согласится на такую жизнь. Как она, Светлана Николаевна, ради своего Маадыра, что означает «герой». Разве думала она в юности, она, девочка из Подмосковья, что жизнь её будет проходить на краю, если и не земли, то России? Конечно, не думала. Конечно, не об этом мечтала! Но встретила сво-

его Маадыра, своего героя, и оказалась здесь, на его малой родине. И ничуть не жалеет, судьбу свою принесённой в жертву не считает. Потому что любима, потому что любит, потому что счастлива.

И ещё – Светлана Николаевна верила в знаки судьбы. А тут их было уже целых 3! Встреча на таёжном полустанке – раз, спасение Яны из охотничьей ловушки – два, и спасение из воды – три. И везде с Андреем! Это ли не судьба?! (То, что последнее происшествие произошло из-за Андрея – не наткнулся бы он на Яну, та бы спокойно порисовала и пошла домой, в речку бы не свалилась, Светлану Николаевну не смущало).

Ни у Яны, ни у Андрея, сломленных простудой, сил сопротивляться напору доктора не было. Она дала покорно себя привести в чужую квартиру. Он махнул рукой на непрощенную гостью. Дни их проходили в полудрёме, нарушаемой приходом врача, выполнением назначенных процедур, приемами пищи, доставляемой из столовой, сменой компрессов на горле и вечерними горчичниками.

Хоть как-то общаться начали только через 5 дней, когда и температура уже выше 37 не поднималась, и горло позволяло разговаривать без боли. Андрею было любопытно узнать, каким образом, почему, зачем Яна оказалась в Ал-Чууре. Он осторожно начал расспросы.

Яне скрывать было нечего. Ситуация с Юриком ничего

кроме самоиронии в её душе уже не вызывала. А о художниках, живописи, о своём любимом деле она могла говорить часами. Лишь бы слушатель нашёлся.

Андрей слушал со вниманием, он уважал людей, отдающих себя без остатка своему делу, но в один момент отвлёкся, и его мысли утекли в сторону от рассказа Яны. Отвлёкся, потому что удивился совпадением их настроения, потому что Яна сказала слово в слово, о чём думал и он, когда возвращался из отпуска. Ему тоже захотелось именно на поезде. Чтобы забраться на верхнюю полку и заснуть под мерное покачивание состава и стук колёс: тук-тук, тук-тук, тук-тук. И желательно не одну ночь, а несколько. Потому и не выбрал короткий маршрут – лететь на самолёте до Красноярска, а оттуда уже на поезде до Ал-Чуура. Потому и купил билет на поезд Москва-Владивосток и трясся в нём до нужной остановки почти трое суток.

Хотелось подумать в одиночестве и, в тоже время, не оставаться одному. Поезд для этого подходил идеально. Кругом люди, ты не один. А захотел уединиться – залез на свою верхнюю полку, прикинулся спящим, и никто к тебе не лезет, даже голос понижают, чтобы не мешать тебе, спящему.

А подумать надо было над канителью, которая тянулась уже 2 года. Пора, пора было уже принять какое-то решение и положить этому конец...

Таня, жена, вернулась к родителям в Крым, как только

он присоединился к России. Уезжала, якобы, погостить, а осталась навсегда. Возвращаться не захотела. Уговаривала Андрея поступить в Пограничную академию Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Рисовала радужные перспективы – 5 лет в Москве (!), по окончании карьерный рост гораздо выше майора, который был потолком при его нынешнем образовании, надежда на дальнейшую службу не в той дыре, где он служит сейчас. От уговоров переходила к слезам – ну, сколько лет своей жизни ей ещё надо загубить среди снегов и тайги? Капризы перетекали в угрозы и ультиматумы – или я, или служба.

С одной стороны Андрей её понимал. Человеку, выросшему у моря, среди цветов, тепла и солнца даже зимой, очутиться там, где зима – это суровая пора с морозами под -50 и длится ровно полгода, а лето – это один месяц и суровая жара с температурой под +50 и без моря, мягко скажем, не привычно. Надо влюбиться в этот край, чтобы выдерживать такие условия. Или любить человека, который влюбился в него. И вот с этим последним Андрей был в Тане не уверен. Потому и сопротивлялась его душа, потому и тянул с рапортом на поступление в Академию, хотя у самого такие планы были. И не ради Москвы, и не ради того, чтобы получить более комфортное место службы, а просто потому, что чувствовал в себе силы служить Родине ещё осознаннее, лучше, что ли... Ведь чем больше у тебя знаний, больше зона ответственности, тем и пользы стране ты можешь принести боль-

ше. Не так ли?

В первый раз за женой Андрей поехал летом. Море, солнце, фрукты – это было, конечно, здорово. Но вот толпы людей, на пляже яблоку негде упасть, все друг у друга на головах, причём, в прямом, а не фигуральном смысле, проблемы с водой и электричеством – не фонтан. Таня старалась, очень старалась, чтобы Андрею понравилось. Свезила его на фуникулере на вершину Ай-Петри. Затащила в подвалы Массандровского завода на дегустацию. Протащила по дворцам и паркам Южного берега Крыма вокруг Ялты – Воронцовскому, Юсуповскому, Ливадийскому, к знаменитому Ласточкину гнезду. Да, красиво! Да, пышно! Да, познавательно! Но вполне достаточно одного раза.

(Андрей с удивлением слышал от экскурсовода, что Россия-то, оказывается, во времена правления последнего нашего царя Николая II на подъёме экономическом была. Темпы роста российской промышленности составляли 9% в год и были самыми высокими в мире, опережая США, которые тогда бурно развивались. Россия была главным экспортером сельхозпродукции, первой "житницей Европы"¹⁹. Быстрое развитие уровня промышленного и сельскохозяйственного производства и положительный торговый баланс позволили России иметь устойчивую золотую конвертируемую валюту. Было создано самое лучшее по тем временам рабочее законодательство, обеспечивающее нормирование рабочего времени, вознаграждение при несчастных случаях на производ-

стве, обязательное страхование рабочих от болезней, по инвалидности и старости. По манифесту 17 октября 1905 г. население России получило право на неприкосновенность личности, свободу слова, печати, собраний, вплоть до стачек, союзов. По окончательно утвержденному Московской думой в 1912 году проекту, а созданному ещё в 1900г, должно было начаться строительство Московского метрополитена (!). Экономический бум (темпы которого, начиная с 1906 г. более не наблюдались никогда и нигде в мире, включая послевоенные Японию и Германию) выражались и в демографическом взрыве. За время правления «кровавого» Николая, население более чем удвоилось! Сегодня нас должно было быть 700 миллионов. А в наличии только 147... Вот такая статистика)

В этот, второй раз, Андрей поехал за женой под Новый год. С почти готовым согласием на учёбу в Академии, над принятием которого в немалой степени потрудились его командир – майор Касымбаев, который тоже считал, что Андрей принесёт большую пользу на более высоком посту, чем заместитель начальника административно-хозяйственной пограничной части, и что он давно вырос и пересидел в звании капитана.

Но «жертва» Андрея Татьяне оказалась уже не нужна. Жена была холодна, прятала от мужа глаза, и Андрей понял, что у неё кто-то есть, хотя о разводе она не заикнулась. Андрей тоже об этом говорить не стал. Больно не было. Было брезг-

ливо. Могла бы честно написать – так и так, полюбила другого. Он бы понял. И не приезжал.

На празднование Нового года оставаться не стал. Зачем обременять своим присутствием чужих уже людей? Попрошался с Крымом с вершины Ай-Петри, побродил по больше всех остальных понравившемуся ему парку Воронцовского дворца, послушал орган в Соборе рядом с Ливадийским дворцом, погулял по почти безлюдному, кроме нескольких отчаянных «моржей», Массандровскому пляжу, продегустировал вино ещё двух винзаводов Крыма – Инкерман и Золотая балка, в винном подвальчике, коих полно на каждом углу набережной Ялты. И улетел в Москву.

В Москве тоже как-то не задалось. Настроение было совсем не праздничное. Новогоднее убранство города давило своей нарочито лезшей в глаза пышностью. Толпы людей в радостном предвкушении праздника раздражали. Как тут можно провести 5 лет, не говоря уже о том, чтобы жить всю жизнь?!? Хотелось тишины, простора, чистоты, простоты. Домой хотелось. Но делать нечего, пришлось ждать до 3 января поезда до Владивостока, который останавливался на полустанке Ал-Чуур, потому что самолётами он в этот отпуск налетался – во как, по самое горло! Скорей бы на верхнюю полку и заснуть под стук колёс: тук-тук, тук-тук, тук-тук...

¹⁹ – через несколько лет после окончания Второй Мировой войны У.Черчилль сказал: «...Я думал, что умру от старости. Но когда Россия, кормившая всю Европу хлебом, стала закупать зерно, я понял, что умру от смеха. Сталин захватил аграрную страну и превратил ее в сырьевой придаток и ядерную помойку...»

10

Вы когда-нибудь видели жёлтые подснежники? Не с жёлтой серединкой, а чисто жёлтые? А розовые? А Яна увидела! А ещё красную траву. Весной. Она сошла с ума. И Яна, и весна. Весна каждый день выбрасывала на поверхность всё

новые и новые краски. Яна без устали бродила по окрестностям, боясь пропустить хоть толику из того, что предлагает ей увидеть природа. И всё больше ощущала себя Чодураа, а не Яной и, тем более, не Ульяной.

От полноты чувств, которые уже не умещались в груди, Чодураа подняла голову вверх, подставляя лицо ласковому весеннему солнышку, закружилась на месте и заорала. А потом опустила голову, закрыла глаза и попыталась прочувствовать природу, как её наставляла бабушка Шуру, обучая горловому пению, и загудела. Пока у Яны получалось не очень. Но ведь никто не слышит, можно не стесняться.

Но она ошибалась. Её не только слышали, но уже и давно за ней наблюдали. Старшина Мерген²⁰ Ооржак и рядовые Дартай и Монгуш. (Рядовой состав пограничников, в основном, состоял из местных. И дело было даже не в том, что так действовало правило о службе в своём регионе, а в том, что эти суровые условия климата не каждый выдержит, и территорию местные знают, как свои 5 пальцев, время на обучение тратить не нужно).

Яну на погранзаставе знали все, многие принимали участие в её поисках зимой, в том числе и старшина. При других обстоятельствах манёвренная группа пограничников прошла бы незаметно мимо, завидев девушку. Ну, улыбнулись бы её танцу и пению. Но дело было в том, что танцевала и пела Яна на... монгольской территории.

Старшина приказал остановиться, а рядовому Дартаю за-

нять скрытную позицию, чтобы в случае необходимости открыть огонь на поражение, именно так предписывала сделать инструкция для нарушителей государственной границы, отказывающихся подчиниться приказу остановиться и сдаться в плен.

Но старшина не спешил отдавать приказ – «Огонь!». Понимал, что девушка, скорее всего, не понимала, где находится, нарушила границу не умышленно. Он терпеливо дождался, когда Яна кончила петь, открыла глаза и повернулась в их сторону. Помахал ей рукой – мол, иди сюда! Яна замахала рукой в ответ и заулыбалась. Старшина опять сделал приглашающий жест, и тогда Яна поняла, что её просят подойти.

А вот зачем ей предлагают пройти на погранзаставу – не поняла. Решила, что её зовёт врач на консультацию, и переспросила:

– К Светлане Николаевне?

Старшина неопределённо махнул головой и взял Яну под локоток. Так они и шли до погранзаставы – впереди Яна со старшиной Ооржак, а сзади – два бойца, Дартай и Монгуш. Только к врачу Яну не повели, а завели в кабинет капитана Кирсанова. По инструкции нарушительницу надо было поместить в изолятор, но старшина рассудил так – пусть капитан с ней разбирается. Он её на станции встречал, в лесу искал, у него же она жила, пока болела. Тут могут быть какие-то дела, которые младшим по званию знать не положено.

Яна удивилась, когда её завели к Андрею. И чуть со стула

не свалилась, когда старшина ему доложил:

– Товарищ капитан! Задержан нарушитель государственной границы Российской Федерации. Квадрат сорок пять-семнадцать. Сопротивления при задержании не оказал.

– Я..., – попыталась возразить Яна, но Андрей так на неё взглянул, что она тут же осеклась и замолчала.

– Товарищ старшина, покажите конкретное место, где был обнаружен нарушитель.

Старшина Ооржак слегка наклонился и показал пальцем на карте.

– Можете идти. Благодарю за службу!

– Служу России! – браво ответили члены группы в 3 мужские глотки, развернулись и ушли.

– Да ничего я не нарушала, честное слово, – кинулась защищать себя Яна, как только бойцы покинули помещение, – Я вдоль реки гуляла, на другой берег не переходила...

Андрей опять не дал Яне высказаться до конца. Грохнул кулаком по столу и встал из-за стола, грозно сверкая глазами. Яна смотрела на Андрея чистыми, честными и такими ярко-зелёными глазами, как молодая трава на весеннем лугу. «Бесполезно объяснять», – понял Андрей. Выровнял дыхание и строго произнёс:

– До выяснения всех обстоятельств дела Вы помещаетесь под домашний арест. Выход из дома более чем на десять метров будет расцениваться как побег, и станет отягчающим обстоятельством при определении меры пресечения за совер-

шённое преступление.

И добавил, более мягко и уже на «ты» (на «ты» они перешли во время вынужденного карантина в его квартире во время болезни), видя, как зелень глаз размывается набегающими слезами:

– Ещё и бабу Шуру за собой потянешь, как соучастницу. Поняла?

От обиды Яна не смогла говорить, только головой кивнула.

²⁰ – в переводе – «благоразумный»

11

Яна дисциплинированно отсидела дома уже 2 дня. Чувствовала, что потихоньку начала закипать. Нет, ну, в самом деле! Она что, через забор перелезла? Так никакого забора не было. Кто знал, что речка петляет, и один и тот же её берег это – то Россия, то уже Монголия? Поставили хотя бы столбики через каждый метр, она бы их заметила, а то от одного столба другого и не видно. Тоже мне, нарушительницу нашли!

Эх! Сколько всего она пропустила за эти 2 дня! Весна-то её ждать не будет. Если бы не угроза подвести бабушку Шуру, Яна бы уже по-пластунски из дома выползла. Вообще женщины её поддерживали, только уговаривали потерпеть –

не может арест долго продолжаться. А вот дед Трофим от-малчивался и хмурил брови.

А ночью бабушку Шуру и Яну разбудил Андрей. Хозяйка сразу поняла, чем всё это закончится, ведь наступил *да-ваа* – понедельник, день недели, когда на полустанке Ал-Чу-ур останавливается поезд в Москву, в отличие от четверга – *бурбу*, в который из Москвы приехала Яна больше четырёх месяцев назад.

Андрей прошёл в комнату Яны и с неприязнью оглядел бардак, царивший в комнате, который та предпочитала считать творческим беспорядком. Яне даже стало немного стыдно, она ведь видела, в каком идеальном порядке содержал свою комнату Андрей, где в лучах солнца не отблёскивала ни одна пылинка.

– У тебя полчаса на сборы, – возвестил (иначе не назовёшь) Андрей, и чувство стыда у Яны мгновенно пропало.

– На какие сборы? – не поняла она спросонья.

– Твой поезд в Москву через час, – отчеканил Андрей, чтобы каждое слово дошло до сознания девушки.

– Я никуда не поеду! – тут же проснулась Яна.

Такой вариант Андрей предусмотрел заранее. И ещё несколько вариантов продумал. Поскольку получил от командира чёткий приказ освободить погранзону от постороннего человека раз и навсегда ещё 2 дня назад. Ну, и как прикажете его выполнять? А если откажется уезжать? Связать по рукам и ногам и уложить на полку в поезде в качестве

скрутки из шинели? Или утрамбовать в чемодан и отправить в качестве багажа? Но Андрей вспомнил испуганные Янины глаза, особенно когда пригрозил проблемами для бабы Шуры, и решил пригрозить ещё раз (по донесениям деда Трофима, Яна из дома нос не показывала, даже во двор не выходила).

– А придётся! – грубо сказал он, достал её чемодан на колёсиках и начал сваливать в него всё, что попадалось под руку.

– Какое Вы имеете право копаться в моих вещах? – взвилась Яна, перейдя на «Вы».

– Так собирайся сама! – продолжил грубить Андрей и добавил многозначительно, – Иначе...

– Иначе что? – не сдавалась Яна.

Андрей подскочил в девушке, схватил её за плечи и с высоты своего роста (Яна была ему едва по плечо), прямо глядя ей в глаза, сказал:

– Иначе будет дан ход твоему делу о нарушении государственной границы Российской Федерации. Со всеми вытекающими последствиями!

Какое дело, какой ход, какими последствиями – не сказал. Да этого и не требовалось. Иногда туманные намёки, сказанные определённым тоном, действуют эффективнее любой прямой угрозы. Тем более для лиц не посвящённых. А если ещё и с воображением! О! Тут и действительность может померкнуть. На самом деле ничего уголовного Яне не

грозило. Даже если бы её обнаружили монгольские пограничники, а не свои. Ну, оформили бы её, как заблудившуюся овцу (Вот, уж, действительно, овца она и есть!), первый раз что ли!

Угроза возымела действие – Яна стала собираться сама. Андрей больше не вмешивался. Уселся на стул и в нетерпении барабанил пальцами по столу, чем ужасно раздражал и ещё больше пугал Яну. В первую очередь собрала краски и эскизы, сложила мольберт, а уже сверху кое-как утрамбовала одежду. Прощаясь с бабушкой Шуру, не выдержала, расплакалась. Та тоже всплакнула.

К приходу поезда Яна уже немного успокоилась, то ли проснулась окончательно, то ли ночной холод взбодрил, но голова у неё начала проясняться и она задумалась о том, что безвыходных ситуаций не бывает. Она обязательно что-нибудь придумает! И тут её ждал новый удар – разместив Яну в купе, Андрей не ушёл, занял соседнюю нижнюю полку и начал деловито заправлять себе постель. Чёрт побери! Он что, до Москвы провожать её вознамерился???

Вариант, что Яна вполне может сойти по дороге и вернуться обратно, тоже был продуман Андреем. Только он предполагал, что Яну отправят в сопровождении кого-то из младшего офицерского состава, а отправили его. И руку к этому приложила Светлана Николаевна...

Отстоять Яну у неё не получилось. Маадыр упёрся, а Светлана Николаевна прекрасно знала своего героя и предел своего влияния на него. Она была ужасно разочарована тем, как развиваются отношения Андрея и Яны – никак не развиваются, от слова «совсем». А тут такая возможность опять оставить их наедине на трое суток, да в условиях узкого купе!

Мужу она, конечно, привела другие аргументы, совсем не романтического, а сугубо практического характера, когда предложила отправить с Яной Андрея. Мол, пусть за те несколько дней в Москве, что будут у него до обратного поезда, ходит в Академию, присмотрится, поговорит с педагогами, пообщается с курсантами, возьмёт список необходимых для поступления документов. Глядишь, и загорится поступить.

Маадыр аргументам вял. Он вообще не был упёртым бараном. Просто любил порядок. В армии надо жить по Уставу. Народу – соблюдая свои национальные традиции. В семейных отношениях придерживаться устоев.

Сам он нарушил самому себе установленные правила лишь однажды. Когда женился на Светлане, вопреки тому, что наречённая невеста у него уже была, из своих, из тувинок. Но тут он ничего с собой поделывать не смог. Любовь оказалась сильнее убеждений. И видимо поэтому, судьба стала постоянно его испытывать – мол, один раз нарушил, значит, нарушишь ещё раз. А ну-ка, как ты поступишь на этот раз?

Особенно, когда принял командование военной частью под Ал-Чууром. Ладно, наличие гражданского посёлка рядом с погранзоной, что было совсем не по Уставу, досталось ему в наследство от предыдущего командира. Не его, Маадыра, решение. Там старики, их уважать надо по традициям любого народа. Упёрлись – здесь родились, здесь и умрём. Хотя к деду Трофиму какое это имеет отношение? Он-то что здесь застрял? Маадыр проверил – у него и семья есть, дети, внуки в Ростове, а он в снегах Тывы окопался. Ну, ладно, проехали!

Дальше пошли испытания помельче. Рацию старикам выдали для связи. Тоже не по Уставу. А вдруг плохо кому из них станет, кто на помощь придёт? Врач-то только на погранзаставе. Опять же продукты. Так-то, в основном, они на самообеспечении, но мало ли.

Ко всему этому Маадыр притерпелся, смирился. А тут Яна эта появилась. Девать её до следующего поезда было некуда. Ладно, 4 дня потерпим. Так ведь не уехала! Застрjala! А потом с ней одно происшествие за другим: то в охотничью яму провалилась – лечи её. То простудилась сама, да ещё выбила со службы боевого офицера, второе лицо в военной части, теперь уже лечи двоих! И тут уже пришлось нарушать помимо Устава ещё и семейные устои! Но, ради устранения угрозы распространения вирусного заболевания на всю часть, пришлось, скрипя зубами, согласиться. Но нарушение государственной границы Российской Федерации!

Этого вытерпеть майор Касымбаев уже не мог! Это было бы нарушение его воинского долга и присяги...

... Так! Значит, в Москву её отправили под конвоем! Ну, что ж! Мы и с вертухаями разберёмся! В коридоре вагона на стене Яна заметила расписание поезда Владивосток-Москва со всеми остановками. А там и время прибытия, и время отправления, и длительность стоянки. Тщательно изучила его, когда Андрей улёгся спать, а она, якобы, отправилась в туалет.

Чудненько! Через четыре часа, а, если быть точной, в 5 часов 07 минут будет остановка с о-о-очень многообещающим названием Боготол. И стоять на ней поезд будет целых 3 минуты! А это значит что? Что это не полустанок типа Ал-Чуура. Там будут люди, там будет вокзал. До утра она перекантуется в здании вокзала, а утром найдёт себе жильё на 3 дня до поезда обратно. А ещё лучше будет переждать до следующего поезда. Тогда уж точно ситуация вокруг неё успокоится. И вообще, дурочку нашли! Если бы не наезд Андрея, да ещё ночью, она бы сразу сообразила, что, если так всё серьёзно, её бы не отпустили домой, посадили бы под арест на погранзаставе и отправили по этапу куда надо. («Этап» всплыл в памяти из школьного курса учебника истории. Помните? Декабристов в Сибирь отправляли по этапу, то есть пешком). Оставалось надеяться, что Андрей в 5 утра будет сладко спать, а она не проспит остановку. И Яна, почти

счастливая, улеглась на узкую полку купе, дав себе установку проснуться в 4.45.

Проснуться вовремя получилось. Яна осторожно вытащила чемодан из-под своей полки, мышкой проскользнула в коридор, ещё и в туалет сходить успела. Поезд остановился. Здание вокзала было и даже светилось окнами. Ура! Проводница открыла дверь, спустилась первая по ступенькам и за ней двинулась Яна. Но успела сделать только один шаг... На платформе уже стоял Андрей и спокойно курил сигарету.

– Далеко собралась? – спросил с иронией.

Как?!? Как он успел? Она же точно видела его спящим в купе!

Побег провалился.

Когда вернулись в купе, Андрей спросил:

– Ты мне дашь выспаться? Или мне каждую ночь тебя на ручниках к столику приковывать?

– Дам, – буркнула Яна.

– Обещаешь?

– Мне что, мамой поклясться?!? – взбеленилась Яна.

– Достаточно честного слова, – и поторопил молчащую Яну, – Ну, я жду!

– Честное слово, – процедила Яна сквозь зубы и отвернулась к стенке.

Оставшийся путь прошёл без происшествий. И в молчании.

В Москве Андрей проводил Яну до самой двери её квартиры. Даже дождался когда раздадутся шаги за дверью в ответ на звонок.

12

Яна рвала и метала. Никак не могла успокоиться. Каждый день обнаруживалась новая потеря.

Она не досчиталась множества эскизов. Загрунтованные и начатые картины на холстах остались в подрамниках на чердаке. Она забыла свой тувинский наряд, висевший на стене, а не в шкафу.

Она не попрощалась со стариками. Ей этого не дали. У неё не осталось ни одной их фотографии! Она так зациклилась на природе, что забыла о людях! А во время праздников, которые они ей устраивали, настолько была внутри процесса, что про фото и не вспоминала. И, вот же, она – балда, не нарисовала ни одного их портрета!

Все обиды сосредотачивались, концентрировались на Андрее. Яна его уже ненавидела! Она так и написала на обороте его портрета, который выполнила в стиле Пикассо: «НЕ-НА-ВИ-ЖУ!» Нарисовала за одну ночь, вложила в конверт и подписала адрес: Республива Тыва, Овюрский район, посёлок Ал-Чуур, капитану Андрею. Наполовину «на деревню дедушке», но всё, что нашла в интернете. И, кстати, полег-

чало. А уже дойдёт – не дойдёт, пофиг!

Потом сообразила, что старикам-то она тоже может написать! Поблагодарить. Попросить прощения. Села писать, глотая слёзы. Накатала несколько листов и отправила по тому же адресу, только «Кому» поменяла: «бабушке Шуру».

Господи! Хоть бы дошло! Хоть бы дошло!

Засела у себя в комнате, начала писать по памяти портреты стариков и не остановилась, пока результат её не удовлетворил. Развесила портреты таких любимых, таких родных людей по стенам своей комнаты и только тогда успокоилась окончательно.

Ответ от бабушки Шуру (Дошло! Ура, дошло!) пришёл через полтора месяца. Яна в это время уже вся была погружена в работу, переваривая, доводя до ума тот материал, который собрала во время своей четырёхмесячной творческой экспедиции. Она восприняла чудо с письмом, как благословение на путь художника...

... То, что письмо Яны дошло до адресата, и впрямь было чудом. Такого посёлка в анналах Почты России уже давно не числилось. Письмо доехало до Кызыла, где почта расфасовывалась в соответствии с почтовыми индексами (которого на письме Яны не было) по всей республике, и там

27.2.69. I

П.Пикассо – Портрет I

из серии «Воображаемые портреты»

бы и застряло, а через некоторое время было бы отправлено обратно, по адресу отправителя «в связи с отсутствием адресата». Но на счастье Яны, на письмо обратила внимание Чечекмаа²¹, дочь младшей из сестёр, проживающих в Ал-Чууре, Сайлыкмаа.

Чечекмаа знала, конечно, наперечёт всех жителей Ал-Чуура (что там знать – четверо всего!), а потому вложила письмо в почтовый мешок, который почта формировала для воинской части №7391... и сбрасывала во время остановки, вернее будет сказать, притормаживания поезда Владивосток-Москва на полустанке Ал-Чуур каждые первый и третий понедельник месяца. Туда же попало и письмо «капитану Андрею», которое по каким-то неведомым причинам поступило в Главное почтовое отделение Кызыла позже отправленного бабушке Шуру.

Но Андрей, в отличие от бабы Шуры, Яне не ответил. А Яна от него ничего и не ждала...

²¹ – в переводе – «цветок»

Как прошло лето, Яна не заметила. Подружкам-одноклассницам (их «подтянули» родители, переживающие, что

Яна ни с кем не общается) лишь иногда удавалось оторвать её от красок с мольбертом. В один из таких выходов они попали на лекторий в Третьяковскую галерею. Просто были рядом. Просто начался дождь, а они оказались без зонтов. Лекция называлась «Концептуализм и соц-арт». Вёл её профессор по кафедре живописи и композиции Суриковского института Слатинский Виктор Сергеевич.

Девчонкам было скучно. Они и половины слов не понимали из того, о чём вещает этот импозантный мужчина. А Яна была в восторге! У неё прямо горизонты раздвинулись! Её зацепили слова в лекции профессора: «Произведения концептуалистов всегда провоцировали на диалог между художником и зрителем, изображением и текстом...» И она решила пойти на диалог с ним, на диалог между профессором, Учителем и художницей. Потенциальной художницей и потенциальной ученицей.

В следующий раз пошла на лекцию одна, прицельно к нему. Ничего, практически, из того, что он говорил, не слышала, так волновалась. Перебирала в памяти рисунки, которые сложила в тоненькую папку. А лежало там то, что так дорого было её сердцу – озеро Увс-Нуур, скованное льдом (но не до конца, нет!); бескрайний ковёр из снега, уходящий за горизонт; трогательная ёлочка, скромно пристроившаяся среди величавых кедров; речка, уже начавшая свой весенний забег под тонким слоем прозрачного льда; первые подснежники (розовые!), казалось, пробившие скалы на пути к солн-

цу своими нежными стебельками... Находила массу причин, чтобы один рисунок заменить на другой, но... Всё уже было сложено и обратного пути не было, кроме как молча уйти, не отдав ему папки.

Папку всё-таки отдала. Положила на стол перед профессором после лекции и ушла. На отдельном листочке, лежащем последним в папке после всех рисунков, был написан её телефон и имя – Яна. Если её работы чего-нибудь стоят, то позвонит. А если – нет, то... То в руках у неё есть профессия архитектора, а живопись так и останется её хобби.

Виктор Сергеевич позвонил утром на следующий же день и сказал:

– Яна! Где Вы были в июне? Почему не пришли на экзамены? Приходите завтра, кабинет номер шестнадцать. Мы с Вами что-нибудь придумаем.

Так Яна стала студенткой Суриковского института. Виктор Сергеевич оказался не только его профессором, но и деканом факультета живописи. Учитывая её архитектурное образование, он смог убедить ректора института взять Яну сразу на третий курс и зачислил к себе в группу. И сам же подтягивал её по предметам первого и второго курсов, которые она пропустила.

Индивидуальные занятия с профессором начались ещё летом, в августе, и продолжались осенью, параллельно учёбе. Яна изучала теорию и историю искусства, основы компо-

зиции, рисунок, графику, скульптуру. Загружена была по самую макушку. Но – счастлива! Потому что занималась любимым делом. Учёбу воспринимала не как досадную рутину, а как праздник. Как и все остальные студенты её группы. (Все, кто попал не туда, уже были отчислены на первых курсах. На место одного из них Яна и попала).

И, если студенты архитектурного института развлекались рисуя как бы выглядел фасад одного и того же здания, будь оно построено в разные исторические эпохи, то студенты-художники брали один и тот же предмет и рисовали его в разных стилях и техниках. У Яны в качестве изображаемого предмета выступал... Андрей. Каким только она его не рисовала! С длиннющими тоненькими ногами и провалами вместо глаз в стиле сюрреализма Дали. Чванливой святошей в

С.Дали – Триумфальный слон

Г.Климт – Поцелуй

А.Т.Кей – Мужской портрет

строгом чёрном костюме, сошедшим с картин художников XVI века. Обезумевшим Сатурном²², пожирающим собственного сына, рождённым мрачным гением Гойи. Коварным влюблённым из «золотого» периода Климта, который вместо поцелуя душит свою возлюбленную. В общем, издевалась от души. Но просто рисовать ей было мало. Она каждый рисунок отправляла ему по почте. Ну, и что же, что письма не доходили до адресата? Зато Яну отпускала ненависть.

²² – согласно мифологии, Сатурн почитался как верховное божество. Ему предсказали, что один из его детей от богини Реи лишит его власти. Чтобы этого не произошло, Сатурн решил уничтожить потенциальных конкурентов через поедание. Согласно мифу, бог глотал младенцев одного за другим. Однако одного ребенка Рея уберегла. Им оказался Зевс. Когда он подрос – начал войну с отцом. Сатурн после 9 лет борьбы проиграл и был заключен в Тартар.

Собственные портреты от Яны Андрей получал регулярно. Иногда по несколько штук в одну доставку. Что она этим хотела сказать, было написано ещё на первом портрете в черно-красных тонах – «Ненавижу!» Но постепенно из её рисунков ненависть уходила. Сначала уступила место юмору, потом реализму. А последний портрет так и вообще ему очень понравился. На нём он был изображён таким кавказским абреком времён Лермонтова. И, кстати, оказывается ему очень пошли бы усы и бородка. Так что почту теперь Андрей ждал с нетерпением.

Но ответил на Янины послания в первый раз только зимой. Написал одно короткое слово: «Похоже» в ответ на её чёрно-белый рисунок, полный самоиронии. Яна изобразила себя глядящей жалобно на зрителя со дна охотничьей ямы.

М. Якупчикова-Вебер – Кавказец

Яна не поняла, к чему относилось письмо от Андрея с

единственным словом «Похоже» – к его портрету в костюме кавказца или к зарисовке из её приключений в Ал-Чууре. Но получить от него весточку оказалось приятно. Кроме того, на конверте был его адрес с номером воинской части и фамилией – Кирсанов А.А. Яна расценила это как приглашение к переписке.

Было и ещё одно, корыстное соображение, почему Яна радовалась появившейся между ними ниточке. Ей очень хотелось приехать в Ал-Чуур! На каникулы. Зимние. Или летние. Зимой она всё-таки уже была, а летом ещё нет. А лучше и зимние и летние. Но она боялась опять быть выдворенной домой. Старики, с которыми она активно переписывалась, помочь в этом вопросе не могли. А вот Андрей мог!

Но одно слово это ещё не переписка. После него не спросишь же в лоб – можно приехать в Ал-Чуур? Так что зимние каникулы уже явно мимо. Ладно, будем настраиваться на летние. И Яна написала пространное письмо с кучей приветов и поздравлений с наступающим Новым годом, в том числе Светлане Николаевне и даже майору Касымбаеву. Теперь всё зависело от того, как ответит Андрей – подробно или отделается парой слов. Или вообще не ответит.

Обратных поздравлений ни от Андрея, ни от бабушки Шуру не было. Но Яна решила, что это не справляется почта, заваленная корреспонденцией под праздник.

А в начале января вместо письма в дом Яны заявился Андрей собственной персоной. Яна полдня каталась на беговых

лыжах с подружками в Лосиноостровском парке. Домой вернулась после обеда. Увидела Андрея на кухне, где родители угощали гостя чаем и сладостями с праздничного стола, и очень обрадовалась...

Андрей летел через Москву в Крым разводиться с Татьяной. Так появилась возможность отдать Яне вещи, которые его просила передать ей баба Шура. Он, конечно, мог бы отправить их посылкой, но было одно обстоятельство, из-за которого он решил передать их Яне лично...

... Яна зашла в свою комнату и первое, что ей бросилось в глаза – это её великолепный, восхитительно красивый тувинский национальный наряд. С унтами и шапкой. Яна завизжала от восторга. На столе лежали 4 холста в подрамниках – её начатые картины. А ещё там были две коробки. В одной обнаружили аккуратно сложенные эскизы. Те, что, собираясь второпях, она не уложила в чемодан. А во второй – тоже её эскизы. Те, которыми она была не довольна, а потому комкала и выбрасывала в мусор. А бабушка Шуру, оказывается, их вынимала, выпрямляла, разглаживала и бережно хранила!

Яна бросилась горячо благодарить Андрея, а он, как-то странно глядя на неё, протянул ей конверт. Это было её последнее письмо бабушке Шуру, ответ на которое Яна ждала. Конверт оказался не распечатанным.

– Бабушка Шуру на меня за что-то обиделась?

Андрей покачал отрицательно головой и тихо сказал:

– Она не успела его прочитать...

Да, Андрей мог бы отправить вещи Яны по почте. И о смерти бабы Шуры мог сообщить в письме. И тогда ему бы не пришлось видеть, как в её зеленых глазах смешались недоумение, неверие, надежда на ошибку, боль, отчаяние.

Яна прижала одной рукой письмо к сердцу, а вторую выставила вперёд, как будто пыталась ею защититься от Андрея, и стала отступать назад, шепча: «Нет! Нет!» Потом страшно взвыла, неожиданно бросилась вперёд и начала колотить кулачками ему в грудь. А потом разрыдалась. Андрей обнял её и так стоял, пока её рыдания не стали затихать.

В комнату вбежали встревоженные и ничего не понимающие родители – только что их дочь радовалась, визжала от счастья, а потом этот страшный, полный отчаяния вой.

Андрей уложил девушку на кровать и накрыл пледом. Яна отвернулась к стенке, как тогда, в поезде, когда обиделась, что он не позволил ей убежать...

Прах бабы Шуры развеяли над озером Увс-Нуур, как она того и хотела. С её уходом посёлок Ал-Чуур опустел. Враз постаревший и согнувшийся от горя дед Трофим уехал к детям и внукам в Ростов. Мать и тётку забрала к себе в Кызыл Чечекмаа. Сбылась мечта майора Касымбаева – в приграничной зоне ответственности его воинской части не было теперь

гражданского населения, как то и было положено по Уставу.

14

В начале августа Яна встречала Андрея в аэропорту Домодедово. После полугода переписки это казалось естественным обоим. Обоих радовало, наполняло душу счастьем, заставляло громче биться их сердца...

Первой написала Андрею Яна. Ей не с кем было поделиться своей болью, излить душу. Родители слышали о бабушке Шуру от дочери, но не знали её лично. Для них она была чужим человеком, они больше переживали за дочь, рвущую своё сердце в клочья. Андрей же искренне скорбел о бабушке Шуру, Яна это чувствовала. И пусть ответного письма от него не было, но Яне как-то стало легче...

Андрей удивился письму от Яны, которое прождало его месяц на погранзаставе, пока он был в отпуске. Развод с Татьяной оказался чистой формальностью. Он мог бы и не приезжать для его оформления, получив документы по почте. Но решил совместить полезное с приятным – отпуском, в котором он не был уже 2 года, в санатории.

От письма Яны ничего хорошего не ждал, ведь ему пришлось стать вестником плохих вестей, так что вряд ли восприятие его у неё было положительным. Недаром в древно-

сти гонцов с плохими известиями убивали. Но в письме Яны никаких обвинений в его сторону не было. Она просто делилась своей болью с ним, как с человеком, знавшим близко бабу Шуру, считавшим её почти что родственником и любившим, как и она, Яна.

Боль от потери близкого человека, она, ведь, разная. То разрывает душу, как скрежет острого камня по стеклу. То вызывает негодование от несправедливости мироустройства. То наполняет светлой грустью воспоминаний. То заставляет сердце сжиматься от ужаса из-за неизбежности. То мучает раскаянием, что что-то не сказал вовремя, обидел, не помог и теперь уже не у кого просить прощения...

Андрею было созвучно каждое слово, написанное Яной, и он ответил, хотя ему, как человеку военному, не то что привыкшему рисковать своей жизнью ежедневно, а принявшему этот риск как данность, смерть пожилого человека, прожившего длинную жизнь и даже в старости не оставшемуся в одиночестве, окружённому пусть и не родственниками, но близкими по духу, почти родными, а, главное, любящими тебя людьми, представлялась достойным завершением этой самой жизни, естественным концом, который не минует никого. Ответил Андрей ещё и потому, что ему ярко представились её зелёные глаза, в которых он видел много боли и только один раз веселье – в короткий миг между радостью от возвращения утраченного до известия о невозполнимой потере. И ему очень захотелось вернуть в её глаза счастье...

Яна получила ответ от Андрея больше чем через месяц, когда уже и ждать перестала. С оправданиями за долгую задержку. С описанием впечатлений от отдыха в Ялте и зимы в Ал-Чууре. С приветами от Светланы Николаевны и майора Касымбаева. Такое простое, незамысловатое письмо, в общем-то, ответа не требующего. Но она ответила. И переписка завязалась.

А в июле Андрей сообщил в письме, что в начале августа будет в Москве целую неделю. И Яна пообещала встретить его в аэропорту. После полугода переписки это показалось естественным обоим. Обоих радовало, наполняло душу счастьем, заставляло громче биться их сердца. И первый поцелуй, нечто среднее между дружеским и поцелуем влюблённых, состоялся тоже в аэропорту.

Андрей покрутил головой в поисках Яны, увидел её прыгающей, в попытках привлечь его внимание, и улыбающейся. И заулыбался в ответ. Яна впервые увидела улыбку Андрея и расплылась от счастья. Так что поцелуй был естественным, закономерным, не смутивших обоих.

15

У Андрея в Москве были какие-то дела. Какие? – Яна не спрашивала. Так что виделись урывками. В основном, гуля-

ли по улицам, взявшись за руки. Целовались. Уже не по дружески. Но дальше не заходили.

Побывали на ВДНХ. Как бы ни переименовывали Выставку, в головах москвичей, что старшего поколения, что молодёжи, название всё равно закрепилось, как во времена СССР. А сейчас и её назначение вернулось. Все павильоны избавились от торговых рядов, которыми Выставка кормилась в голодные перестроечные и постперестроечные годы. Все памятники, фасады павильонов, фонтаны и дорожки отреставрировались, а шпили засияли на солнце золотом.

Однажды удалось пообедать в любимом ресторане Яны «Моремания». Там можно было отведать самое вкусное рыбное блюдо в Москве – запеченный в специях сибас. Яна впервые попробовала эту рыбку в Португалии, и с тех пор заказывала её, если она была в меню, в любом заграничном ресторане. А нашла тот же вкус только в Москве, и только в Моремании. Так в Португалии она была свежевывловленная из Атлантического океана, и ресторан со звездой Мишлена, а в Москве – доставленная из прибрежных вод Эгейского моря Турции, хоть и за 3 дня, но, всё же, полученная не двумя часами ранее, и с чеком на уровне кафе, а не ресторана. Кроме того, в мишленовском ресторане её подали уже разделанную, а в Моремании, чтобы съесть сибас, надо было священнодействовать согласно ритуалу. Ему Яна и научила Андрея: одеть тонкие латексные перчатки, снять цельным пластом кожу (отделяется легко!), перевернуть её и смазать спе-

циями, которыми она полита, нежное белое мясо рыбки. А потом, опять же руками, а не вилкой с ножом, отправлять в рот дымящиеся от жара кусочки в рот (удивительно – кожа рыбы холодная, а мясо внутри жутко горячее!) М-м-м! Вкуснотища нереальная!

Из гастрономических удовольствий ещё лакомились ванильным мороженым в ГУМе. Магазин был единственным местом в Москве, где осталось мороженое из СССР. Так говорила мама, Яна этого, естественно, не застала. Маме Яна сначала не поверила, ну, что в СССР было самое вкусное в мире мороженое. Вон его сейчас как много видов продаётся! А по рассказам мамы в её детстве было всего 4: эскимо на палочке за 11 копеек, брикет Ленинградский за 22, вафельный стаканчик за 19 и батончик в шоколаде с орехами за 28 копеек. Самым вкусным мама считала батончик и, когда появилось огромное разнообразие мороженого в шоколаде, все их пробовала в надежде найти тот вкус, из детства. Но, увы... А вот мороженое в ГУМе качества не потеряло. Но только одно – ванильное. Они там ещё кучу вкусов понавыдумывали, и зря! А поверила маме Яна, только когда сама попробовала мороженое в тончайшем, хрустящем вафельном стаканчике. Брависсимо, как воскликнули бы итальянцы! И теперь не только мама, но и Яна надеется, что когда-нибудь, где-нибудь им доведётся полакомиться батончиком в шоколаде с орехами со вкусом из СССР.

Побывал Андрей и в гостях у Яны. Родители пока не очень

понимали, в каком статусе этот молодой мужчина появился в их доме второй раз. С первым всё, вроде, было понятно – любезно доставил вещи Яны, забытые в тувинской творческой командировке. А сейчас? По его вежливому тону и бесстрастному лицу и не поймёшь, как он относится к дочери. А вот она, кажется, влюблена... Но ведь он, похоже, намного её старше? И то, что военный, как-то не очень радует... Это в советское время выйти замуж за военного считалось удачей, а теперь... Теперь лучше за бизнесмена.

Короче, родители ещё не определились – нравится им потенциальный зять или нет, но на автомате включилось, сидевшее на подкорке у всех родителей девочек: «у нас товар – у вас купец», «на десять девчонок по статистике девять ребят», «не подмажешь – не поедешь» и так далее, и они сами не заметили, как стали хвастаться своей доченькой. И такая она у нас аккуратистка стала (после возвращения из Ал-Чуура). И так готовить научилась (после возвращения из Ал-Чуура). Яне было неловко, но когда отец (!) начал нахваливать её талант живописца (так и сказал – «живописец»), чуть со стула не свалилась. А потом и вовсе услышала, что талант у неё незаурядный, выдающийся талант, впереди у неё прекрасные перспективы и великолепное будущее. То есть уже на полном серьёзе записал её в того «одного удачливого художника», на которого «приходится тысяча неудовлетворённых талантов». Чтобы сгладить пафосность отцовской речи, Яна начала шутить и увела разговор в сторону. Так что за-

кончилось всё вполне мило.

И ещё одна неловкая ситуация произошла когда они гуляли по Арбату. Андрей зашёл в магазин за сигаретами, а Яна осталась на улице. И на неё налетел... Юрик. Ну, конечно! Москва это же деревня с двумя улицами в три ряда, как же тут не встретить знакомого?!

Юрик, как ни в чём не бывало, полез обниматься и целоваться, всячески выражая бурную радость от встречи. В этот момент Андрей вышел из магазина. Яна смутилась и как-то скомкано пролепетала:

– Это Юрик... Андрей...

Андрей хмыкнул и начал раскуривать сигарету, сделав вид, что не заметил протянутую для пожатия руку. Произнёс нейтрально, лишь чуть сузив глаза:

– Соавтор *твоего* проекта?

Яна смутилась ещё больше и удивилась – оказывается, Андрей слышал то, что она ему рассказывала, когда они вместе боролись с простудой, а ей казалось, что он витал мыслями где-то далеко.

А вот кто чувствовал себя совершенно раскрепощёно, так это Юрик. Он радостно подхватил тему их совместного проекта, и из его слов получалось, что это Яна *сама* не захотела уезжать за границу, предпочтя просто исчезнуть. Яна аж задохнулась от возмущения. А Андрей, ещё больше сузив глаза, сказал:

– Так ты за ней вернулся?

– А что, Янка! Давай замутишь опять что-нибудь вместе?!

– У самого не получается? Обязательно локомотив нужен?

– Ну, почему же не получается... – осел, наконец, Юрик.

– Потому что ты сейчас на Арбате, а не по Пиккадилли²³ рассекаешь. Или тебе за выдающиеся заслуги внеочередной отпуск предоставили? – с нескрываемым сарказмом припечатал Андрей.

– Ладно, я пойду, – как-то сдулся Юрик, – Захочешь – позвони, телефон тот же, – кинул он Яне, игнорируя Андрея.

«Так и у меня тот же», – подумала Яна, но вслух ничего не сказала. Жалко стало Юрика, таким раздавленным он уходил.

...Юрик мог бы ответить хлётко, мог, но сообразил уже потом. Потому что этот мужлан, с которым связалась Янка, попал не в бровь, а в глаз. Ничего у него в Лондоне не получилось. Еле ноги унёс. Там такая конкуренция – нашим и не снилось. Подставили, подсидели, он и сейчас так считал. За полугодовую работу заплатили сущие копейки. А когда он возмутился, предложили обратиться в суд, с холодностью английских аристократов обратив его внимание на пункты контракта, которые он, по их мнению, не выполнил. И что он мог один против целой армии юристов? В чужой стране? С временной визой? С ветром в кармане? Да, он испугался! Да, сбежал! А кто бы не испугался? Это уже вернувшись, со-

образил, что можно было зацепиться за Барбару. А не за неё – так другую лохушку найти, которая согласилась бы его содержать. Но он тогда был одержим мыслью построения карьеры, утереть нос, доказать всем, что он крутой архитектор. Решил, что в Москве с третьим местом на престижном конкурсе и опытом работы за границей, его с руками и ногами оторвут. Но не тут-то было. В Москве тоже оказалась конкуренция, о-го-го какая! Ниже Москвы он опускаться не желал, вот и болтался здесь без дела уже полгода. Встреча с Яной показалась ему знаком судьбы. Если бы не этот мужлан рядом с ней...

– Жёстко ты с ним, – тихо сказала Яна Андрею.

– Такие хлыщи только так и понимают, – ответил Андрей, и тема была закрыта.

Прощались они тоже в аэропорту. Долго стояли обнявшись, чувствуя тепло друг друга.

– Напиши сразу, как доедешь, – попросила Яна.

– Напишу, – пообещал Андрей.

Нежно, но коротко, поцеловал Яну и ушёл в зону досмотра.

²³ – одна из центральных и самых оживлённых улиц Лондона. Названа в честь цирка Пиккадилли, который действует здесь по сей день. «По улице Пиккадилли я шла, ускоряя шаг...» – пела когда-то Лайма Вайкуле.

Письмо от Андрея Яна получила через две недели. Короткое, лаконичное, какое-то даже отстранённое – доехал, всё нормально. По сути, вот и всё. Яна решила, что после недельного отсутствия навалились дела по службе. Вот, уж, ответ на её ответ будет полным и таким же искренним, как был до этого.

Но ответного письма всё не было и не было, и Яна забеспокоилась. Последний раз такая ситуация была с письмами на Новый год, и чем это закончилось? Ничем хорошим.

Наконец, письмо из Ал-Чуура пришло, но... Но оказалось её же письмом, на котором был поставлен штамп Почты России – «К возврату в связи отсутствием адресата». У Яны всё оборвалось – с Андреем случилось что-то плохое. Что-то ужасно плохое! Иначе он нашёл бы возможность с ней связаться, успокоить.

Яна схватила дорожный билет на самолёт в бизнес-классе до Красноярска, поскольку, промедли она хоть на день, не успевала на поезд, который, мало того, что останавливается в Ал-Чууре, но ещё и почту забирает для воинской части в Кызыле. Иначе как она доберётся ночью до погранзаставы?

Всю дорогу – 4,5 часа на самолёте и 18 часов на поезде, Яна провела, как в бреду. Как будто в какой-то другой реальности или полусне, стараясь не допускать к сердцу мысль о самом страшном, безвозвратном. В Кызыле пыталась рассмотреть, в какой вагон загружают почту. Не увидела, поезд

был слишком длинным. Пыталась выпросить эту информацию у проводников. Те отправили её к бригадиру поезда, поскольку почты могло и не быть. Пошла к бригадиру поезда. Тот с подозрением отнёсся к настырной девице, которая явно была не в себе. И только помятое и залитое слезами письмо с правильно написанным номером воинской части, убедило его сообщить Яне, что почта на остановке Ал-Чуур выгружаться будет. Но из какого вагона – сообщить отказался. Ну, и ладно!

Последние 2 часа перед прибытием в Ал-Чуур, Яна провела в тамбуре десятого вагона. Во-первых, чтобы не проспать. Во-вторых, чтобы оказаться прямо напротив заброшенного здания полустанка. Потому что, насколько она помнила, машина-вездеход выезжала откуда-то из-за здания.

Молоденький солдатик – водитель вездехода, поначалу отказался взять Яну с собой. Он вообще обалдел от неожиданно откуда-то взявшейся девицы. Был из нового призыва, и ни о жителях Ал-Чуура, ни, тем более, о Яне ничего не знал. Но, в итоге, всё-таки, согласился. Рассудил так – девушка правильно назвала номер части и фамилию командира – майор Касымбаев, и даже его жену – Светлану Николаевну. Тут могут быть какие-то дела, которые младшим по званию знать не положено. Довезёт он её до части, сдаст дежурному, вот пусть он с ней и разбирается.

И в страшном сне не могло присниться майору Касыгбаеву, что он ещё когда-нибудь услышит о Яне. Его, правда, подняли ночью с постели сообщением о нахождении в расположении части некоего гражданского лица Аркановой Ульяны Семёновны, но увидел-то он именно Яну. Вместе с майором из сна была выдернута и его жена, которая тоже была ни мало удивлена появлением девушки.

Насколько она понимала по интенсивности переписки между Андреем и Яной, их сближение пошло на лад. А уж когда Андрей подал рапорт о зачислении в Академию, стало понятно, что и до свадьбы не далеко. Янино письмо, которое пришло уже после отбытия Андрея к месту учёбы, было отправлено назад без всякой задней мысли – почта чудила не раз и не два, доставляя первыми письма, отправленные позже, чем те, которые были написаны потом.

Яна тоже ничего не понимала. Если Андрей уже целый месяц как в Москве и не вышел с ней на связь, то как это сочетается с уверениями Светланы Николаевны, что в Академию он отправился ради неё, Яны, из-за любви к ней? Ведь именно на этом настаивала его первая жена, а он не соглашался, и именно с этого начались их разногласия, приведшие к разрыву. Яна же его ни о чём не просила, не то чтобы настаивать. Он сам принял такое решение, чтобы быть ближе к ней.

Так и где он сейчас? Добрался до Москвы и понял, что

Яна ему не нужна? Появилась другая девушка, вытеснившая её из сердца? Или с ним, всё-таки, случилась беда уже в Москве? Все эти вопросы перетиралась Яной со Светланой Николаевной, пока Яна ждала обратного поезда в Красноярск, чтобы уже оттуда улететь самолётом. И они же, и куча других мучили её по дороге в Москву. Разлюбил? Полюбил другую? Так напиши! Так, мол, и так, не поминай лихом. Зачем же молча сбегать? Как трус! Не по-мужски как-то!

17

Андрей пытался окунуться в учёбу с головой, но мысли о Яне не отпускали. Быть так рядом с ней и не сметь поговорить, хотя бы взглянуть на неё, было мучительно. Но он уже принял решение, что им лучше расстаться, и твёрдо следовал ему. А ведь в Москву ехал с совершенно противоположными намерениями... Но это была жертва ради неё.

Что он мог ей дать? Только самого себя. Не слишком ли малая награда за то, что он лишит её всего мира? Сколько бы не длилась учёба в Академии, она когда-нибудь закончится, его отправят на новое место службы, в очередную глухомань, как говорила когда-то Татьяна (и была права), поскольку протяжённость южных границ, простирающихся вдоль горячих точек Кавказа, диких степей Казахстана, глухих, безлюдных мест Монголии, непролазной тайги Китая, у нас гораздо больше, чем более цивилизованных западных,

да и там не спокойно, одна Украина чего стоит, а ещё – Молдова, Прибалтика. Что она, художник, будет делать? Чем заниматься на погранзаставе, в крошечном военном городке, пока он будет на службе? Он же обломает крылья её судьбы. Лишит возможности реализовать свой талант. Зарубит на корню все перспективы, о которых говорил её отец.

Весь мир, который сейчас лежит у её ног, останется только в её воспоминаниях. С каким восторгом она рассказывала о Португалии! Об её ажурных замках, об её поистине королевских богатствах, об её голубой керамической плитке азулежу, о просторах её площадей с выложенными из обычной гальки рисунками, о гигантских волнах, обрушивающих свою мощь на её берега, об её изрезанных скалистых берегах вдоль океана, созданных «руками» ветра и воды. Ведь ничего этого она больше не увидит, если выйдет за него замуж. Если только когда он уйдёт в отставку...

Да и любит ли его Яна? Влюблена – пожалуй. Но, похоже, что и с прошлой любовью покончено не окончательно. Вон как расстроилась, пожалела Юрика... Юрик, блин, звучит почти как Шарик. И выглядит также, особенно, когда убежал, как побитая собачонка. Разве это мужчина? А женщинам таких жалко. А от жалости до любви один шаг. И потом, они одного поля ягода, из одной тусовки. Оба художника. А он кто? Служака до мозга костей. Нужен ли он ей такой? Даже, если она сейчас считает, что нужен, то столкнув-

шись с суровой действительностью, и не в охотку на четыре месяца, а на всю жизнь, она быстро остынет. И расставаться тогда будет больнее, чем сейчас. И ей. И ему.

18

Яна твёрдо решила не дать Андрею уйти без объяснений. Адрес Пограничной академии

Федеральной службы безопасности России узнала из интернета. И провела разведку «боем».

Курсанты заходили в учебное заведение через проходную в заборе плотным потоком. Встретиться с Андреем в это время – не вариант. Во-первых, все были в одинаковых тёмных костюмах, как его тут выловишь? Во-вторых, он же на занятия будет идти, времени на разговор не будет.

После занятий курсанты выходили несколькими потоками в разное время, видимо, в зависимости от расписания. Это был тоже не вариант. Что, стоять его три часа караулить? Не факт, что получится выловить с первого раза.

Был ещё вариант вызвать Андрея во время перекуров между занятиями, когда курсанты вываливали во двор и облепляли места для курения как голуби электрические провода в мороз. Но, во-первых, как его найти и подозвать? А во-вторых, что – разговаривать через прутья забора?

Оставался единственный вариант – придумать, как попасть внутрь, и вызвать его через деканат.

Яна зашла на проходную Академии в середине дня, когда по её наблюдениям вот-вот должна была начаться длинная получасовая перемена, и обратилась к дежурному за застеклённой стойкой с маленьким окошком, который встал при её появлении, не скрывая удивления.

– Здравствуйте, молодой человек!

– Товарищ сержант, – поправил её дежурный.

– Товарищ сержант, – исправилась Яна, – у меня тут вот какое дело. В Академии учится мой жених. Мы с ним поссорились, и мне очень-очень нужно с ним поговорить. Вы мне можете помочь в этом деле?

Дежурный выслушал Яну, поднял трубку внутреннего телефона и сказал:

– Товарищ старший лейтенант, код пять.

Яна слегка труханула – что это ещё за «код пять»? И представила себе, как на неё бегут спецназовцы в камуфляже, накидываются, заламывают руки и волокут в допросную... Картинка была такая чёткая, что Яне пришлось помотать головой, чтобы сбросить наваждение. Нарушительницей государственной границы она уже была, и то ей ничего не сделали, а здесь она вообще ещё ничего не нарушила.

И действительно, вместо группы спецназа к проходной подошёл молоденький офицер (код 5 означал – «нестандартная ситуация»), и Яне пришлось повторять свою «легенду». Старший лейтенант поколебался несколько мгновений (Ситуация и впрямь была не стандартная – в Академии учились

не желторотые юнцы сразу со школьной скамьи, а уже опытные офицеры, хлебнувшие тяготы службы, и, как правило, женатые, так что юные девицы не осаждали проходную во время проведения праздничных дискотек. Да их и не было, этих дискотек). Но, если бы с ним хотела помириться девушка с такими зелёными глазищами, он бы очень даже был не против. И старший лейтенант уточнил:

– Как зовут Вашего жениха?

– Кирсанов Андрей.

– А отчество?

– Не знаю, он меня ещё со своими родителями не знакомил.

«Интересно, – подумал про себя старший лейтенант, – а этот Кирсанов знает, что он уже жених?»

– Звание?

– Капитан.

– Курс?

– Первый.

– Группа?

– Этого я тоже не знаю, – пришлось признаваться Яне.

Яна увидела сомнение в глазах офицера и догадалась достать письмо, которое ей уже один раз помогло в поезде.

– Вот смотрите, я не вру. Мы с ним переписывались целый год (ну, немного преувеличила, ничего страшного), потом встретились. Поссорились. Я хотела помириться, письмо написала, а оно вернулось. Мне сказали, что он поступил

в Академию. И вот я тут. Помогите мне, пожалуйста! Очень Вас прошу!

Старший лейтенант забрал у Яны письмо, позвонил в деканат, уточнил, что есть такой курсант Кирсанов Андрей Леонидович на первом курсе, номер части, из которой он прибыл, совпадал с номером части, указанном на письме, и только тогда доложил о ситуации куратору первого курса.

Полковнику Петрову не чужда была романтика. Кроме того, с его точки зрения, только такая настойчивая и предприимчивая девушка и была достойна стать женой боевого офицера. И потому полковник Петров распорядился выписать девушке временный пропуск, проводить в пустующую аудиторию и вызвать туда капитана Кирсанова А.Л.

– Курсант Кирсанов освободится через один час тридцать две минуты. Ждать будете? – уточнил старший лейтенант.

– Буду! – по-военному чётко ответила Яна.

– В Вашем распоряжении будет тридцать минут.

– Успею! – заулыбалась Яна, убедившись, что её план сработал.

«С такой улыбкой я бы сдался на первой минуте, – подумал старший лейтенант, – Везёт же этому Кирсанову!»

19

К Андрею сразу после занятий по физподготовке подошёл дежурный и передал приказ куратора курса полковника Пет-

рова в срочном порядке прибыть в аудиторию №16. Ничего не подозревающий Андрей быстренько переоделся и отправился по назначению. А когда вошёл в аудиторию, увидел ту, которая не могла здесь находиться по определению. Но, тем не менее, она тут была. Яна.

Андрей застыл у двери, вытянулся по стойке смирно, как на параде перед генералом, и уставился глазами перед собой, поверх головы Яны.

– Почему? – спросила его Яна глухим голосом.

– Так будет лучше!

– Кому лучше: тебе или мне?

– Обоим!

Ну, это был не ответ, который мог устроить Яну, и она продолжила допрос, перейдя к конкретике:

– Почему ты меня бросил?

– Я не бросил, – возразил Андрей, – Я тебя освободил от себя.

– А я тебя просила меня освободить? – переспросила Яна, подходя к Андрею ближе, – Ты меня спрашивал – хочу ли я такой свободы?

– Так будет лучше! – вернулся Андрей к своему первому ответу.

– Это не ответ! – взбеленилась Яна.

– Другого не будет! – заупрямился Андрей.

– А почему это ты мне в глаза не смотришь?! А, ну-ка, взгляни мне в глаза и прямо ответь – почему? – и Яна подо-

шла к Андрею вплотную и начала бить его кулачком в грудь, вколачивая в него вопрос по слогам, – По-че-му? По-че-му? Что я такого сделала, что ты молча решил уйти? Ты хоть представляешь, сколько всего я передумала, когда ты пропал? Я даже в Ал-Чуур смоталась! И что я там узнаю? Что ты в Москве и даже мне не позвонил! По-че-му? По-че-му?

Андрея так поразили слова Яны о том, что она за ним в Ал-Чуур ездила, что он потерял бдительность и посмотрел ей в глаза. И увидел зелёные озёра, готовые вот-вот выйти из берегов слезами. «Чёрт! Опять я ей боль доставляю!» А Яна увидела его голубые, полные нежности, заботы и любви. Она потянулась к нему за поцелуем, и тут уже Андрей устоять не смог...

Они долго стояли обнявшись, чувствуя тепло друг друга.

– Ты, правда, ездила в Ал-Чуур?

– Угу! – ответила Яна, не отрывая головы от груди Андрея.

– Как же ты добралась?

– Рассчитала так, чтобы выйти с почтой. Майора Касымбаева чуть удар не хватил, когда он меня увидел, – захихикала Яна.

– А позвонить не догадалась?

– А ты? Я-то откуда знала, что ты в Москве? Я же ужасов себе всяких нафантазировала!

– Прости меня, моя девочка, – тихо ответил Андрей и поцеловал Яну в волосы.

– Так ты скажешь, почему ты решил исчезнуть?

– Пойдём, сядем.

– Пойдём, – согласилась Яна, – а то у меня ноги подкашиваются.

Андрей тоже с трудом стоял на ногах, но вслух в этом не признался.

Они сели за стол напротив друг друга. Андрей накрыл своими ладонями ладошки Яны и начал:

– Ты – художница. Ты – в Москве.

– Но ты тоже в Москве! – перебила его Яна, которая пока не могла понять, к чему он клонит.

– Только на время учёбы, – возразил Андрей, – А потом будет новое место службы. Я – пограничник, никем другим не буду. Те условия, которые ты видела в Ал-Чууре, могут показаться раем по сравнению с теми, другими. А ты – художница. Тебе нужны выставки, поклонники, слава. Кто о тебе узнает, если ты будешь со мной мотаться по погранзаставам? (Андрей говорил так, как будто создание *их* семьи было дело решённым, само собой разумеющимся, хотя, ни в их переписке, ни в разговорах речи об этом не было. Интересно, что и Яна их совместное будущее воспринимала так же). Чем ты там будешь заниматься? Я на службе по двенадцать часов, а ты будешь дома одна. А ты в курсе, что ни нам, ни членам наших семей нельзя выезжать за границу? Пока в отставку не выйду лет этак через тридцать-сорок. Как тебе такая перспектива? И ещё Юрий...

– Юрик?! Он-то здесь причём?

– Мне показалось, что между вами не всё кончено... Он тебе больше подходит. Или такой, как он – человек творческий, тонко организованный, не то, что я, – сказал Андрей и замолчал.

– Это все аргументы? – язвительно спросила Яна, – Или ещё что в рукаве припрятал?

– Все.

– Дать бы тебе по башке чем-нибудь тяжёлым, типа первого тома «Войны и мира», – темпераментно воскликнула Яна, – чтобы она на место встала, да нечем! Ещё и Юрика приплёл! «Тонко организованного» предателя! Про него я даже говорить не буду! Не достоин! А на остальное отвечаю по пунктам: без границы переживу, в России и без неё найдётся немало красивых мест. Чем буду заниматься на погранзаставе? Рисовать... Слава, выставки, восхищённые поклонники – это всё, конечно, здорово, но по большому счёту это всё мишура. Только время определяет, достоин ли тот или иной художник остаться в истории. И потом, наработаю на выставку, найду каким способом заявить о себе. Уж, где-нибудь интернет нарою или по почте отправлю. А что ещё буду делать? Готовить еду, убираться, ждать любимого мужа со службы. А если будет мало – пойду работать. Чем там можно заняться? Я, конечно, врачом уже не стану. Но могу... Могу... А, вот, в столовой могу работать, – пришла идея в голову Яны, когда она вспомнила, как их кормили столов-

ской едой во время болезни, – Радисткой. Санитаркой, между прочим, тоже могу, не велика наука. Учителем могу! А, кстати, где учатся дети пограничников? Или детей вам тоже запрещено иметь?

– Нет, детей не запрещено. Отвозят в ближайшую школу каждый день или в школу-интернат на пять дней, если есть такая поблизости.

– Уф, успокоил! – лукаво блеснула глазами Яна.

Андрей не мог спокойно смотреть на неё такую – счастливую, влюблённую, с блестящими от радости глазами, захватил в плен поцелуем. А потом отодвинулся, поцеловал ладошки и спросил:

– Так ты выйдешь за меня замуж?

– Зря я, что ли, за тобой двадцать тысяч километров пробегала? – проворчала шутливо Яна, чтобы немного помучить любимого.

– У нас осталась одна минута, – серьёзно напомнил Андрей.

Ещё тридцать минут назад он был полон решимости не встречаться с Яной никогда, а теперь чувствовал, что если не получит ответ, положительный ответ, в эту же минуту, не сможет прожить и дня.

– ДА! – по-военному чётко ответила Яна.

Когда они расстались, каждый думал о цене одной минуты в жизни. Одной минуты, которая может поменять жизнь кардинально, развернуть в другую сторону. Одной минуты,

в которую каждый сам для себя решает – быть им вместе или идти разными дорогами. Одной минуты стоянки поезда на станции Ал-Чуур, где они встретились. А ведь могли и разминуться...

апрель 2021

Не проскочи мимо

1

– Ну всё, Серега, колись! Почему мы должны были встретиться именно в этой кафешке? И почему ты сияешь, как начищенный самовар?

(Это мой друг ещё со школьных времен – Володька).

– Што есть начищенный самовар?

(А это сын его новых партнеров по бизнесу в Италии – Люка, оказавшийся свято и наивно влюбленным в Россию, упорно изучающий русский язык, из-за чего и был навязан Володьке в этот его приезд под предлогом практики в языке для дальнейшего процветания совместного русско-итальянского сотрудничества и т.п. и т.д., как сказали его многоречивые родители).

– А это, Люка, когда человек сияет, как Серега сегодня, и блаженно улыбается, как дурачок на паперти, которому серебряный рупь достался.

Люка уже открыл рот задать новый вопрос, но Володька успел опередить его, сказав:

– Ты, Серега, колись быстрее, а то руки чешутся окунуть твою сияющую физиономию в тарелку.

– А вам как – коротко или по порядку с подробностями?

– Ну, коротко и так понятно – появилась какая-то потрясающая гёрл, так что давай с подробностями и по порядку.

– Во-первых, не гёрл, а потрясающая женщина (тут Володька скептически усмехнулся, а Люка закивал, поскольку русские женщины для него все потрясающие), а во-вторых, ты помнишь, почти год назад мы уже сидели в этой кафешке?

– Конечно, помню. Ты был мрачнее тучи, ругал, на чем свет стоит, баб и законы треклятого русского бизнеса, вернее их полное отсутствие.

– А потом к нам подошла тётенька и напороочила мне встретить свою судьбу...

– Да-да, она ещё как-то странно сказала, типа, «столкнешься на машине», а мы потом поржали, что твой джип снесет её Ауди, она переседет к тебе, ну и так далее.

– Она не так сказала, но об этом позже. Короче, весной еду я на джипе по какой-то тмутаракани, куда завел меня навигатор...» (Тут Люка опять вскинулся задать вопрос, но Володька остановил его: «Отвянь, Люка, я тебе потом всё объясню»). Судя по сосредоточенному виду Люки, много же придется моему другу разъяснять). Так вот, погода мерзкая, какой-то надоедливый дождик накрапывает, хмарь, лужи кругом. На-

строение поганое, опять что-то не ладится или на встречу какую опаздывал, уже не помню. Заруливаю в поворот и краешком глаза замечаю, что обдал фонтаном брызг из лужи какую-то женщину. Представьте, всё это на скорости, где-то уголком сознания, и вдруг у меня как будто что-то щелкает, и я так четко слышу те слова: «Ты встретишь свою судьбу, когда будешь ехать на машине, только не проскочи мимо». Я резко торможу и успеваю заметить, что женщина развернулась и поворачивает за угол дома, переодеваться, видимо, пошла, обдал-то я её конкретно. Я как в тумане, меня будто несет куда-то, знаешь, в бизнесе бывают такие моменты, когда будто что-то ведет, а ты успевай только подгрести в нужном направлении? Так вот, разворачиваюсь и возвращаюсь на переход к луже. А тут смотрю, и женщина уже из-за угла появилась, по рюкзаку узнал, идет к тому же переходу. Подходит, значит, меня не замечает или не узнает, а я сижу в таком замешательстве, потому что пока она шла, я уже понял, что «судьба» моя какая-то староватая, может лет на пять всего меня младше, а может и вообще ровесница, кто их разберет, я уже давненько с этой возрастной категорией не общаюсь плотно, не мой формат. Ну, думаю, что ж, рискнем, «судьба» всё-таки...

2

– Извините, это я вас из лужи облил. Разрешите в качестве

компенсации вас подвезти.

(Ого, вот это номер. Первый раз с таким сталкиваюсь. Проскакивают и не замечают, как будто пешеходы это какие-то муравьишки под ногами, вернее колесами, их крутых тачек. Вид у него какой-то ошарашенный и говорит как из фильма. Актер что ли?)

– Это хорошо, что Вы вернулись и извинились, а то я уже столько проклятий Вам вдогонку послала, а теперь их все отменяю. И – спасибо, но мне в центр ехать, а туда на метро удобней, я и так уже опаздываю.

– Давайте хоть до ближайшего метро подкину.

– Ладно, рюкзак сегодня тяжелый, тут до ближайшего метро не далеко. Нет-нет, разворачиваться не надо, езжайте прямо, на повороте налево, тут близко.

– Меня Сергей зовут, ещё раз – извините.

– Марина.

– В центр по работе?

– Да, я курьером работаю, на точку выдачи тороплюсь. Вот здесь притормозите, уже приехали. Спасибо. Всего Вам доброго.

И вышла. И что мне делать с такой «судьбой»? Ехать оказалось не больше минуты, едва успели перекинуться именами. Каким-то курьером работает, у нас вообще курьерами или студенты или пенсионерки подрабатывают. На пенсионерку она, конечно, не тянет, но возраст всё-таки, явно «не персик», как говорит наш общий друг Арсен... Глаза, прав-

да, красивые такие, зеленые что ли. И ресницы черные, длинные. Нет, явно не пенсионерка. И кого-то она мне определенно напоминает, где-то мы уже явно встречались, вот только никак не вспомню – где? Ускользает. Итак, что мы имеем в сухом остатке: зеленые глаза, имя – Марина. Ах, да, пока стоял в луже, на углу дома адрес заметил: Поворотная, 11. Ничего себе названьице, к месту – да? Эврика! У меня же Коляныч, начальник службы безопасности, хорошо в компе шарит (вот-вот, Люка, записывай, не забывай, а то рот открыл, заслушавшись, чтобы было, что потом у Володьки выпытывать). Дом есть, вряд ли она дальше него уходила, имя есть, разброс по возрасту дадим, пусть разузнает о ней всё, что да кто, а заодно и телефончик, а там видно будет.

3

– Сергей Александрович, ни одной Марины не нашлось в доме по адресу Поворотная одиннадцать в диапазоне сорока – сорока пяти лет, поэтому я расширил диапазон в обе стороны на пять лет. Обнаружилось двое: вот фото обеих, одной тридцать семь лет, второй пятьдесят.

(Ничего себе, так ей пятьдесят! Она меня ещё и старше на пять лет, но, несомненно – она. А в жизни она интереснее, чем на фото).

– Спасибо, Коляныч, всё, что сможешь, узнай мне вот об этой, и номер телефона, конечно.

– Здравствуйте, Марина! Это Сергей. Помните, пару недель назад, из лужи вас облил?... Мы могли бы с вами встретиться? У меня есть к вам предложение.

(«Вот, уж, неожиданный звонок, даже растерялась. Да ещё какое-то предложение. А-а-а, наверное, хочет предложить подработку курьером в качестве компенсации. Надо же какой совестливый оказался. А что, мне бы ещё полставочки не помешало, а то совсем тоскливо как-то с моей зарплаты да на курьерские»)

– Ой, спасибо большое! Я бы ещё с удовольствием куда-нибудь на полставки вышла на работу. Куда подъехать? ... В центре? ... На Чистых прудах удобно? ... Да, в среду удобно, где-то в двенадцать часов. А разговор долгий?... Тогда давайте в час, чтобы я перекусить успела... Вместе? Но я обычно в «Крошке-картошке» кушаю, там разговаривать не очень удобно... В ресторане? Ну, хорошо, там и переговорим. До завтра!

«Так, стоп, а откуда он мой номер телефона узнал? Я же не давала, точно помню, да он и не спрашивал. Ну ладно, завтра и выясним заодно. Надо на карточку денег бросить, бог его знает, в какой он меня ресторан потащит, стыда не оберешься, если денег не хватит...»

– Ты что, действительно, взял её на работу?

– Да нет, конечно, это она так поняла...

– Да уж, Эльвира бы сразу решила, что замуж предлагаеть...

...Коляныч сработал быстро: разведена, есть дочь и внучка, окончила Бауманку, между прочим, карьера только в гору, и вдруг – бац, сокращение. Что там произошло, до сих пор не знаю, да это и не важно. Никак не мог ухватить, где же мы пересекались, по тому, что добыл Коляныч, вроде негде было. Если бы не тетенька в кафе и это непонятное узнавание, плюнул бы на это дело, да нет, ещё раньше бы всё закончилось, так и не начавшись: проехал бы я мимо, ну, может, совесть чуть кольнула, да и забылось бы. А так, раз, уж «судьба», была-не-была, вызываю я к себе нашего друга Арсена и говорю: а составь-ка мне, друг Арсен, брачный контракт, а с кем – возьми данные у Коляныча...

– Ты что, совсем с дуба рухнул? – это, конечно, Володька не утерпел, а у Люки глаза по полблюда, даже записать новое словечко забыл.

– А что мне прикажешь делать? Ухаживать я давно разучился, незачем было. Раз уж «судьба», так брак оформим, а там разберемся. Живет небогато, мне есть что ей предложить, а десять шуб и тачек всех цветов и оттенков, как Эльвирка, требовать не будет.

– Так ты что, женился, наконец?

– Нет пока. Ты вперед-то не забегай, сам захотел по порядку и подробно.

Арсен на меня, между прочим, тоже как на сумасшедшего посмотрел, про дуб вслух, конечно, не сказал, но подумал – точно. А поцокав сказал, что ему, видишь ли, последнее время очень нравится моё настроение и что лучше уж завихрения, чем ворчание и мрачность.

Пока согласовывали контракт недели две прошло. Потом я ей позвонил, она так удивилась, про то, как узнал её номер телефона, даже не спросила. Зато это был её первый вопрос, когда встретились. А когда узнала, что моя служба безопасности расстаралась – рассмеялась: «А они проверили – не поджидала ли я именно Вас у той лужи нарочно?» Ну а дальше как-то всё без напряжения прошло. Говорили ни о чем. Передал я ей контракт, договорились, что дома почитает и сама мне позвонит, когда изучит.

6

«Так и знала, что в пафосный ресторан потащит, мне здесь только пара закусок по карману. Хорошо всё-таки, что деньги на карточку с вклада перевела, спасибо Владимиру Витальевичу, зарплату хорошую платил, можно себе что-нибудь эдакое позволить... Ого, а договор-то пухленький, явно не о должности курьера. Раз уж он мой телефон узнал, значит и про работу знает. А коленкор-то интересный вырисовывает-

ся, если должность приличная, то... стоп! А как же дочка и внучка? Ну, положим, курьера вместо меня найти не сложно. А вот как быть с Оксаной? Ох, подумаю об этом после, когда договор прочитаю, с дочкой посоветуюсь, а то уже планы какие-то строить начала, ещё ведь ничего не знаю...»

...– А почему Вы так пристально на меня смотрите?

– Мне Ваше лицо кажется знакомым, только никак не могу вспомнить, где мы могли пересекаться?

– Да не морочьтесь, мне так многие говорят. Видимо такое стандартное лицо, что многим кажется знакомым. А в юности вообще незнакомые люди на улице останавливали и говорили: А ты знаешь, что очень похожа на такую актрису – Валентину Серову? С возрастом перестали это говорить, теперь утверждают, что где-то меня видели.

7

«И что за хрень он мне предлагает? Сумасшедший какой-то! Даже секс оговорил! Интересно, а если бы он написал не о «сексе раз в неделю по обоюдному согласию», а, допустим, по его собственному желанию или вовсе без секса, только жену изображать, я бы чувствовала себя более оскорбленной, чем сейчас? Что за тараканы у него в голове, если он совершенно незнакомой женщине предлагает брак по расчету? Сумму какую-то немислимую написал, да ещё и крупный подарок раз в год «обязуется» преподносить? Это

надо же – «обязуется»? Он что имеет в виду – шубы-машины? А если я дом в Испании, да нет, не просто в Испании, а на море, да ещё и с содержанием за его счет пожизненно потребую? А если остров потребовать – тоже даст? А может он каким-нибудь грубым сексом занимается, от него жены разбегаются, вот он и решил таким образом жену заполучить? Или подставить меня под какое-нибудь дело своим грязным бизнесом? Он-то про меня всё знает, а я о нем ничегошеньки. Свят-свят-свят! Подальше-подальше от его грязных делишек. Ещё, не дай бог, девчонок своих зацеплю, да я его тогда, уroda, голыми руками урою. Ох, что-то я в какие-то дебри залезла. Всё очень просто: звонить не буду, напишу смс, на звонки отвечать не буду, симку сменю. Нет, это не поможет, если он один номер узнал, то и другой узнает. Квартиру-то я не поменяю... Так, ну что я распаниковалась? Может не всё так страшно? Просто какой-нибудь одинокий человек, карьеру сделал, молодые финтифлюшки наскучили, может действительно я на кого-то из его прошлой жизни похожа, увидел, что в богатстве не купаюсь, вот и решил попробовать замутить с женщиной своего возраста... Так даже и не своего, он меня ещё и младше на пять лет, хотя какое это сейчас имеет значение? Короче, пишу смс, а дальше буду действовать по обстоятельствам»

И получаю я от неё на следующее утро такое короткое сообщение: «НЕТ» большими буквами. И на звонки мои она, конечно, отвечать перестала. Я то злился, подумаешь, фифа нашлась, то решал, что нет – так нет. То начинал опять про «судьбу» вспоминать. А уже июнь не за горами, подходит время нашей ежегодной встречи однокурсников, на которую мне нужно прийти в паре, которой у меня как раз и нет. Эльвирка ещё в прошлом году заявила, что на эти замшелые посиделки она больше не пойдёт, да и не гоже мне с одной и той же бабой туда являться, я ведь плейбоем числюсь, каждый раз с разными обязан приходится. И тут у меня опять – щёлк, а не попробовать ли мне Марину пригласить, то да сё, надавлю на жалость... Отловил её у Чистых прудов, предложил забыть о контракте и попросил о помощи.

9

– Какая-то странная у Вас встреча одноклассников, на которую все со своими дамами приходят!

– А это однокурсники, а не одноклассники. И что же делать, если у нас на восемнадцать парней только три девчонки и было? Собрать чисто мужскую компанию – девчонки обижаются, так и получилось, что все приходят с кем-то.

– Ничего себе, сколько же народу каждый раз собирается?!

– Да не так и много, московские почти все каждый раз

приходят, те, кто подальше – у кого как получится, а те, кто ещё служат – и того реже.

«Так, если окажется, что я в этот день свободна, то пойду, кучу всяких условий навывдумываю, но пойду, а то закисла как-то последнее время: работа-дом-внучка, работа-дом-внучка... Не хватает общения, а на работе казалось, что его слишком много. Театры и концерты – это всё, конечно, здорово, без них совсем тоскливо бы было, но это так редко... А если буду занята – значит, не судьба...»

«Надо же – свободна, ресторан рядом с метро, и на всё согласен – уйдем не позже девяти, и на «легенду» согласился, что нечаянно встреченная одноклассница, а не любовница, благо, что он ни с кем из группы в школе не учился. Только надо не забыть на «ты» общаться, мне это всегда трудно давалось, но не будешь же однокласснику «Вы» говорить. Так, мне уже это начинает нравиться. Платье одену, в котором в театры хожу, никто же не знает, что оно у меня одно-единственное...»

10

Про форму одежды она не спросила, а сам я побоялся предлагать, вдруг опять напряжется. И так только к концу разговора оттаяла. Да, уж Эльвирка бы из меня полный боевой раскрас вытрясла: и платье, и туфли, и украшения, и всякие там салоны-массажи-парикмахерские. Ей пофиг, что

у нас там даже жены генералов одеваются достаточно демократично, ей главное – блистать и на деньги меня раскрутить покруче.

11

Встретиться договорились у метро за несколько станций до нужного места, и вместе подъехать на машине. Когда Марина вышла из метро, у меня сердце куда-то вниз ухнуло. «Ты сегодня потрясающе выглядишь!» («Ого, каким он это охрипшим голосом сказал, не как дежурный комплимент»). Рассмеялась: «Вот что косметика животворящая делает!». Косметика косметикой, но глаза-то какие огромные, действительно зеленые, и сережки в тон к ним с изумрудами, скромными, но настоящими, а рот какой правильной формы и губы так соблазнительно блестят. Улыбка хоть и не голливудская, но вокруг как будто всё загорается. Больше сорока не дашь ни за что. Ха, знай наших! Кажется, моя репутация плейбоя спокойно выдержит сегодняшний вечер! Буду таинственно улыбаться на вопросы, а вопросы будут, всё-таки не двадцать семь Эльвиркиных, из которых она пыталась изобразить восемнадцать, пусть поломают голову, что это за одноклассница такая появилась. Возраст не понятный, от всех моих прежних отличается. Только бы с «ты» не спалились, как-то у неё это «ты» через силу получается. Да и пусть! Чем больше будет промахов и непоняток, тем таинственнее бу-

12

Вечер прошел на «ура»! Марина как-то сразу влилась в компанию, о возрасте никто даже близко не догадался, наоборот, некоторые мне подмигнули, мол, знаем мы таких «одноклассниц», а ещё несколько человек тоже начали утверждать, что где-то её видели. А вот моя репутация плейбоя всё-таки рухнула, и самым неожиданным для меня образом. Вышел я покурить и нечаянно услышал разговор двух наших девчонок:

– ... Наконец-то Серега освободился от любви к Томке. Всё выдрючивался, доказывал, что ему всё нипочем, с такими малолетками приходил, неудобно было даже на это смотреть.

– Да, если брать за аксиому, что мужчина выбирает женщину, которая чуть умнее его, то наш Серега и повзрослел, и резко поумнел.

– А я рада за него.

– А я рада, что Томка, наконец, слезет с пьедестала, сколько лет глаза закатывала, что ей его жалко

– Да ладно тебе...

Дальше я слушать не стал. Я-то считал, что мне все должны завидовать, а они, оказывается, считали, что я ещё чахну от любви к Томке, чуть ли не жалели меня. Интересно, а

что, мужики думали так же? А я-то собой гордился. Весело, однако.

И продолжение было. Сначала мне позвонила Катюха и попросила дать телефон Марины, так как та ей пообещала отдать лишний билет на какой-то концерт, а поскольку мы неожиданно рано уехали, она не успела его записать. Потом позвонила жена Андрюхи и попросила напомнить Марине, что она обещала дать ей рецепт каких-то потрясающих розочек¹ и огурцов в красной смородине². Кстати, розочками оказались фантастически вкусные пирожные. Я даже хочу попробовать бизнес на них замутить. А что? Вон в Португалии пастетос³ так раскрутили, что в центре Лиссабона в кондитерскую, где только их, считай, и продают, всегда стоит огромная очередь. Пробовал я их – ничего особенного, Маринкины розочки в сто раз лучше, особенно, когда с пылу-жару! Люка, тетрадошки-то тебе хватит? Но что-то я отвлекся... Где-то через месяц-два позвонил Сашка, и вообще попросил передать ей огромное спасибо за сына. Тут я вообще поплыл, но Сашка сказал, что пусть Марина сама расскажет, а они с Юлькой (жена его) только при общей встрече. Словом, я был в роли почтового голубя, и мне даже не приходилось придумывать поводов, чтобы звонить Марине, они сами собой выплывали. Ну, а после Сашкиного звонка, образовался и повод встретиться.

¹ – Рецепт пирожных «Розочки»

Ингредиенты:

для теста:

250 г сливочного масла

500 г муки

3 желтка

1 ст. сметаны

0,5 ч.л. соды

0,5 ч.л. лимонной кислоты

для начинки:

3 белка

1 ст. сахара

Способ приготовления:

Просеять муку. Сильно охлажденное масло нарезать кубиками. Порубить в крошку с мукой.

Сделать углубление и добавить желтки и сметану, предварительно погасив в ней соду и лим.кислоту.

Замесить тесто ложкой, а потом руками быстро отбить (но не месить!), чтобы масло не успело растаять. Как только от теста перестанут отделяться кусочки – разделить его на 3 части и в целлофанах положить в холодильник на 40 мин.

Начинка. Взбить белки в крутую пену, потом взбить их же с сахаром.

Каждую часть теста раскатать прямоугольником толщиной 2-3мм, смазать начинкой, скатать в рулет. Нарезать кусочками шириной 2-3см и положить на противень ровной (резаной) стороной не близко друг с другом. Выпекать при 150 градусах до готовности.

² – Рецепт огурцов в красной смородине

Ингредиенты:

На 2-х литровую банку:

1 л воды

50 г соли

50 г сахара

некрупные огурцы (не более 10 см длиной)

2 шт. болгарского перца

2 зонтика укропа

1 крупная головка чеснока

4 ст.л. красной смородины (без веточек)

Способ приготовления:

Сварить рассол из воды, соли и сахара.

Нарезанный длинными дольками болгарский перец, зубчики чеснока, зонтики укропа и огурцы плотно уложить в банки.

Три раза залить прокипяченным в течение 5 минут рассолом. Перед последней заливкой всыпать смородину и закатать.

³ – «визитная карточка» Лиссабона пирожные «Pasteis de Belem». Рецепт:

Ингредиенты:

для теста:

100 г сливочного масла

200 г муки

5 ст.л. ледяной воды

для начинки:

350 мл сливок (30% жирности)

4 желтка

40 г муки

Ванильный стручок

50 г сахарной пудры

75 г сахара

Способ приготовления:

Просеять муку. Масло нарезать кубиками. Порубить в крошку с мукой.

Сделать углубление и добавить ледяную воду. Замешать быстро тесто. Тесто скатать в колбаску и разрезать на кусочки.

Формочки смазать маслом. Раскатать кусочки теста кружочками, уложить в формочки.

Поставить на 30 минут в холодильник (получается 8 пирожных).

Начинка. Желтки смешать с сахарной пудрой и мукой.

Подогреть до кипения сливки с сахаром и сердцевинной ванильного стручка. Залить желтки сливками, активно размешать. Уварить на небольшом огне до загустения.

Полученный крем разложить по формочкам с тестом, наполняя их на 2/3.

Выпекать при 250 градусах 15-20 минут. Дать полностью остыть. Поставить в холодильник на несколько часов. Дать им время отдохнуть.

Посыпать готовые пирожные сахарной пудрой и корицей.

13

Встретились опять на Чистых прудах.

– Да ничего особенного я им не посоветовала. Просто рассказала, что как-то взяла с собой племянника в поход, и он вернулся оттуда совсем другим человеком. Правда и поход оказался очень трудным, несмотря на то, что водный. Засуха, река обмелела, лодки пришлось то тащить волоком по колёно в воде по камням, то разгружать, переносить на руках по берегу до ближайшего места, где хоть чуть-чуть есть вода, и опять загружать. А лодки-то деревянные, а не легкие пэлочки. То ещё удовольствие. И уйти, бросить всё нет никакой возможности: река, лес и тишина. Я себя кляла, думаю, вот не повезло, рассчитывала, что теплая и веселая туристическая компания его смягчит, у него и так характер не сахар, чуть что надуется, слово из него не вытянешь, а тут совсем разозлится, вывернется, что я потом брату скажу? Краем глаза на него посматривала. А он хмурый такой, но всё делает наравне с остальными мужиками, не отлынивает. По-

том вообще две лодки протекать стали, одна из них, конечно, в которой мы с ним шли, и, конечно, в тот самый момент, когда мы, наконец, дошли до высокой воды. Когда уже поочередное вычерпывание кружками перестало помогать, лодки перевернули вверх дном – все ахнули, такой картины не видел никто из бывалых туристов. До сих пор храню с того похода две фотографии: на одной мы стоим над лодками, у которых железная пластина, которой оббит киль, скручена спиралью, а сама деревяшка стесана под ноль, а на второй Мишаня тащит втроем с мужиками огромный ствол сухого дерева, а из-под кепки, надвинутой на глаза, видна его счастливая, до ушей, улыбка. А ствол на переднем плане огромным кажется, больше Мишаниной головы.

– И как же дальше – поход закончился?

– Нет. Ещё пару дней мы покормили слепней на том месте, где пришлось пристать к берегу, пока машина забрала убитые лодки, перераспределились по оставшимся, и дошли до ближайшего симпатичного местечка, где и стояли всё оставшееся время. Тут уже было, как ожидалось: дружно, тепло, весело. Песни пели, в волейбол и футбол играли, до коликов смеялись у костра. Правда, в первый день как пристали, мы наших пацанов чуть не поубивали. Представляешь, сколько тяжестей мы натащались, разгружая и загружая лодки, а эти тяжести оказались в основном запасом спитного в бутылках?! И ведь не звякало же вообще, всё тщательно упаковали, гады. Конечно, в походе без спиртного совсем нель-

зя, но не до такой же степени! В общем, веселый получился поход. И хотя Мишаня, таки, пытался отлынивать во время дежурства по кухне, всё равно это был уже совсем другой человек. А как там у них с сыном всё прошло?

– А это он обещал только при встрече рассказать, так что давай назначать место и время.

14

Оказалось, что Сашка с Юлькой после Марининого рассказа в ультимативном порядке схватили своего отбившегося от рук сына в охапку, быстренько купили, опять же по наводке Марины, тур в поход и улетели не куда-нибудь, а на Байкал. И раз уж такое дело, решили одним махом освоить всё разом: поход выбрали комбинированный – и пеший, и водный. Марина оказывается, там в таком и была, так что когда мы встретились с Сашкой и Юлей в кафе, получился не монолог, а их общий разговор-рассказ с Мариной вздохом. Да ещё кучей фотографий завалили. А вот я был только в роли слушателя, завидовал их впечатлениям, сияющим глазам и глотал слюнки от их рассказов о наивкуснейшей рыбе омуль, которая только там, на Байкале и водится... Можешь, Люка, ещё одно слово в свою тетрадочку записать – «эндемик»⁴ называется, пусть тебе потом Володька расскажет, что оно означает. А в голове у меня образовалась каша из их общих рассказов...

⁴ – виды, роды, семейства животных и растений, представители которых обитают на относительно ограниченном [ареале](#), представлены небольшой географической областью. Эндемичные виды растений и животных, в связи с ограниченным ареалом и, следовательно, ограниченной численностью, часто заносятся в [Красные книги](#) как редкие или исчезающие виды (*из Википедии*)

15

«Антон дулся на нас всю дорогу, совсем перестал общаться, заткнул уши наушниками, слушал что-то ударно-громкое. Но мы были готовы к такому повороту и делали вид, что всё нормально. Японские джипы, на которых нас встретили местные гиды-проводники, Юльку ужаснули, а в глазах Антона появилось хоть какое-то осмысленное выражение. Вообще колесо на легковой машине в половину человеческого роста, конечно, впечатляет, а ещё и проводники оказались просто мальчишками, примерно возраста нашего Антохи. А уж когда нас начало кидать из стороны в сторону в тайге на колее от лесовозов, а мальчишки включили ещё и видео гонок по бездорожью где-то на севере Байкала на каких-то самодельных фантастических аппаратах, которые не поворачивается язык назвать машинами, про плеер было забыто совсем. Потом был костер, установка палаток, и хоть сын по-

прежнему держался от нас в стороне, но мы радовались, что с ребятами-проводниками он общается, и общается без столичного снобизма, чего мы очень боялись. Они нас ужасно умилили тем, что в конце ужина у костра вытащили огромный арбуз, что было совершенно неожиданно».

Марина рассмеялась: «У нас тоже был в первый вечер арбуз. Только вот мне и подруге, ой, как этот арбуз потом аукнулся. Ночью нестерпимо захотелось по-маленькому, а вокруг дождь, из пригретого спальника вылезать совсем не хочется, да и местность не успели толком рассмотреть, прибыли-то вечером – страшно, однако, но пришлось. С трудом опять в спальнике согрелись, и подруга начала спрашивать – и что же такого замечательного в таких походах, в холодной палатке на твердой земле? Подруга у меня – любитель всего необычного, как она говорит «экссклюзива», давно выпытывала: в чем прелесть похода, а я не знала, как описать словами – чувство свободы, чистоты, что ли, вот и предложила ей самой всё испытать. И сейчас я не знала, что сказать, потому что на самом деле, тоже хотелось ныть, очень, уж, экстремально всё начиналось, но ныть было нельзя, пришлось сослаться на то, что погоди, первый день только, всё ещё впереди, поймешь. Хотя самой закрадывалась мысль плюнуть на деньги и сматываться отсюда пока не углубились в тайгу (по программе дальше было два дня пешего похода). Господи, только бы погода наладилась, а то ведь с рюкзаками в холод, да ещё и под дождем – тут уж точно никакого удовольствия,

скорей бы закончилось. И – спасибо, утро было ясное, хоть и холодное».

Юлька с Сашкой на такой рассказ дружно рассмеялись – проблемы из-за арбуза были те же, за исключением погоды, слава тебе, господи, дождя не было.

16

...От пешей части похода впечатления были схожие: восхищала тайга, высоченные деревья, верхушки которых смыкались где-то высоко-высоко, так что неба было почти не видно, но было светло и свежо, и то там, то тут вдруг прорывался через зелень лучик солнца. Вспыхнет и нет его, как будто играет с тобой в прятки. Кругом стоял неумолчный шум, но не раздражающий как в городе, а какой-то живой и радостный. Воздух был такой чистый и пьянящий, что было даже больно дышать...

«Очень понравилась пещера, которую осмотрели по дороге. Конечно, столько за границей видано-перевидано всех этих сталактитов-сталагмитов, и, честно говоря, спускаться и подниматься в необорудованную для туристов дыру было страшновато, но с другой стороны, нигде ещё, дойдя до самого нижнего зала пещеры, мы не обнаруживали на плоском камне, который идеально изображал стол, бутылку шампанского, пластиковые стаканчики и бутерброды на всех! Какое-то, а?! Это значит, наши мальчишки-гиды специально для

нас сюда спускались ночью или рано утром! Кстати, спалось в палатке, действительно, сказочно, как ни странно, спина от лежания на твердой неровной земле не болела, голова не гудела, а мы ощущали себя так, будто в нас насосом накачали какие-то жизненные силы. Антон держался рядом с проводниками, похоже, пытался вникнуть, как они ориентируются без троп, без компаса, кстати, рация их тоже не брала сигнал, а наши мобильники без подзарядки давно уже сдохли. Но почему-то эти взрослые-мальчишки вызывали доверие и уважение».

«У нас тоже проводниками были просто пацаны какие-то, и называли себя «шерпами». Я когда описание тура читала, решила, что это какие-то местные ослики, которые нам будут весь поход тяжести нести. Они и, правда, взяли на себя большую часть тяжестей: и все продукты, и костровые, и даже палатки. Так что мы только свое личное тащили, и то тяжко было, а так бы совсем загнулись».

При схожести впечатлений маленькие приключения в первой части похода оказались разные.

«Моя подружка набрала с собой целый пакет косметики, всякие баночки-скляночки, кремы-бальзамы, и как я её ни уговаривала оставить это у ребят, которые на джипах доставили нас к первой стоянке, она на это не согласилась, заявила, что она без этого не может: как же без ночного крема на ночь и увлажняющего утром? Ни-ни. Ладно, думаю, не хочет – как хочет. Посмотрим на её процедуры по утрам и вечерам

у ручья, в котором даже в пик лета температура выше +4 градусов не поднимается. Жалко только дурочку, ведь каждый килограмм рюкзака за спиной с каждым километром увеличивается втрое, а два дня по тайге, да не по прямой, а со спусками и подъемами, это не кот наплакал, сколько километров намотаем. Слава богу, что на второй день она «забыла» пакет где-то по дороге под кустиком»

А вот Юлькино приключение было печальнее: «Представляете, прыгаю я так элегантно через небольшой ручей, и тут моя правая нога как-то неудачно подворачивается. Так практически весь остальной поход и прохромала. Но почему-то настроение от этого не ухудшилось. А когда к вечеру второго дня, поднявшись прилично круто в горку, мы вдруг увидели шикарный песчаный берег, причал с катерком и два одиноких домика (один из них оказался баней – и это было неопишное счастье!) – дух захватило, какая нога, о чем вы? Тем более что пока я добрела вниз, Саша с Антохой почти установили палатку (вместе! и даже перебрасывались короткими фразами!). Мальчишки-проводники разожгли костер и что-то там даже уже аппетитно булькало.

А за деревьями открылся ещё один замечательный домик, всей своей «архитектурой» явно кричащий – туалет! Какое счастье, после всех этих кустиков, громко хрустящих под ногами сучьев, чего-то вечно жужжащего вокруг тебя, оказаться не просто над дыркой в полу, а восседать на унитазе, остроумно сооруженном из полена с выдолбленной сердцевинной!

А баня?! Девчонки с визгом вылетали из бани и забегали на секундочку в речку, правда, глубже, чем до колена, никто так и не отважился окунуться. Бр-р! Холодно, жуть! Но весело! А мне они приносили ведро с холодной речной водой, и я опускала туда свою распухшую гудящую ногу. А ещё порадовало, что Антоха не стал заряжать плеер, хотя мы с Сашкой очень боялись, что когда попадем в «цивилизацию», сын опять отгородится от нас наушниками»

17

...Ну, дальше пошли одни общие ахи и охи про бухту Бабушка. Представьте себе: крутой берег, поросший лесом, широкая песчаная полоса бухты, волны, набегающие на берег и фонтанами брызг разбивающиеся о скалы, с обеих сторон ограждающие бухту.

«Погода наишикарнейшая – тепло, солнце, на небе ни облачка. И если бы не вода в Байкале +15 градусов, то впол-

не можно ощутить себя где-нибудь на морском курорте. Мы так, конечно, заходить – заходили, умыться там, ручки-ножки пополоскать, а вот мальчишки-проводники плавали и ныряли со скал от души, и очень радовались, что вода в Байкале в этом году такая теплая. Я, сославшись на ногу, валялась на песочке, а Сашка с Антохой пошли лазать по скалам, а потом прибежали за мной и утащили фоткаться в «ходульных» деревьях и пробовать местную кулебяку с омулем»

«А моя подружка сначала расстроилась, когда попали в бухту Бабушка. Она не любит пляжный отдых и решила, что ей будет скучно. А потом бегала и фотографировала каждое дерево и каждый камень, а уж фотографий Байкала получилось – не счесть, от рассвета до заката»

...Фотографии, конечно, были просто потрясающие, как открытки, я даже не верил, что без фотошопа обошлось, особенно красиво смотрелись «ходульные» деревья...

– *Di cosa si tratta?*⁵ – не выдержал Люка, от волнения перейдя на итальянский.

– Это когда дерево начинается не прямо у земли, а корни его так высоко торчат, что не только человек там уместится, а можно внутри целую палатку поставить... Коряво объясняю,

это видеть надо. Эх, не додумался у Маринки фотографии попросить. И виды красивые, а ещё нерпы – тоже эндемики, между прочим, поездка по КБЖД и водный поход на рафтах по порогам...

– Слушай, давай выйдем, покурим... Ты что творишь, Серега, он же меня потом станет на Байкал тянуть. Деревья, понимаешь, «ходульные», от омуля слюнки текут, нерпы, рафты, КБЖ какое-то, я сам таких слов не знаю. Ещё не хватало, чтоб я с рюкзаком за плечами по бездорожью таскался, кончай тут живописанием заниматься, хорошо, что хоть фотки не показал

– Поздно, Володька, смотри, по-моему, Люка уже сам в интернете всё нашел.

– Вот засада, ещё одна сияющая физиономия.

– Да, ладно, не парься, может, забудет.

– Ага, как же, забудет, у него в тетрадочке всё записано.

Ладно, пойдем. Вот навязался на мою голову...

⁵ – А это что?

18

«А в ночь перед нашим отъездом из бухты, погода резко испортилась, как будто и не валялись вчера под солнышком на ласковом песочке в купальниках. Проснулись мы от сильного ветра, трепавшего наши палатки. Небо было сплошь затянуто тучами, а Байкал бил берег такими волнами, какое тут озеро?! – суровое северное разгневанное море. Но наши шерпы уверили нас, что мы успеем проскочить основной накал стихии на судне на воздушной подушке. И, правда, потрепало нас немножко, но мы почти без опоздания прибыли в Листвянку.

А там мы увидели живых нерп. Это такое трогательное существо с умиливающей мордашкой и круглыми глазами на пол-лица. Их так мало осталось, не представляю, как можно было в них стрелять.

А дальше нас ожидал проезд по кусочку Кругобайкальской железной дороги. Ничего, кстати, особенного, кроме та-

релки густого горячего борща за общим столом каждого вагона (представляете, весь поезд одновременно обедает), так как все два дня переезда до следующего этапа нашего похода не переставая лил дождь. Зато подружке удалось сделать редкий снимок очень красивой молнии! После чего она опять сказала, что дальше ничего интересного, уж,

точно, не будет.

Палатки в ночь перед водным походом ставили под дождем, кое-как согрелись. «И ты что же, не будешь опять у меня спрашивать в чем «прелесть» похода?» «А вот и не буду! Как сформулировать не знаю, но я бы опять заново всё с удовольствием прошла» «Косметику свою хочешь под кустиками подобрать?» «Вот злыдня, ладно насмехаться, просто всё самое интересное закончилось, и я боюсь порогов» «Да уж, настращали нас шерпы своими рассказами у костра. Только вряд ли это правда – не продавали бы путевки всем подряд, если пороги такой уж высокой сложности. Я больше переживаю, как нам это сфотографировать». «Да ты что, какие уж тут фотографии, быть бы живу...»

«Что ж там бояться-то было? – утром на нас такое количество экипировки одели, что я себя ощущала неповоротливым пингвином. Конечно, оказаться в холодной воде, а потом представлять себя сплавляемым бревном, не очень хотелось» «Да ну, пороги называется, мы с Антохой разочаро-

вались. Первый вообще не заметили, если бы проводники не сказали».

«А нам с подружкой понравилось, тем более, что погода наладилась. После стоянки на перекус подружка уже не цеплялась судорожно за веревку рафта, а вспомнила, наконец, о своей миссии фотографа. Когда окончательно пристали к берегу – чуть не расплакалась, так хотелось, чтобы поход не заканчивался».

«А закончился тур в Иркутске, где все, конечно, побежали на рынок покупать омуля домашним в подарок»

И тут Сашка с торжественным видом достал из-под стола приличный деревянный бочонок и водрузил на стол:

– А это вам!

– Боже мой, неужели омуль?! – запричитала Маринка, – Как вы его довели – нормально? Я такой же домашним купила, а он у меня в такси, когда в аэропорт ехали, вдруг потёк. И мне пришлось суматошно бегать по магазинам аэропорта, искать, чем бы его залатать. В конце концов, догадалась залепить жвачкой. Ещё целый час полета ощущала себя жвачной коровой, пока течь не прекратилась совсем, благо, что весь самолет пах рыбой и поэтому было хоть не так стыдно. А как у вас сейчас дела с Антоном?

– А Антоха ушёл в поход по Карелии. Как только вернулись домой, он часами из интернета не вылезал, нашел ком-

панию любителей-водников.

– Лучше я буду переживать, как он там сейчас пороги преодолевает, чем смотреть по утрам на его бледно-синюшное лицо и принюхиваться к тому, что пил, что курил или ещё чего хуже.

19

– Похоже, они нас с Вами парой считают, – сказала Маринка, кивая на бочонок.

– А мы опять на «Вы»?

– Извини, всё время путаюсь. Что мы с ним делать будем?

– Отвезем к тебе домой. Выделишь мне пару рыбешек на пробу, а если по пробкам постоим, может в меня сразу и бутерброд с омулем поместится.

– Тогда надо по дороге черного хлебушка купить.

Сердце ёкнуло, что предложение зайти к ней домой не отменяла, а приняла как само собой разумеющееся, без колебаний. А вот когда я попал к ней квартиру, тут окончательно понял, что действительно – судьба. Уходить не хотелось, хотя квартирка маленькая, однокомнатная, совсем не мой формат. Но так в ней было уютно и по-домашнему тепло, что закралась надежда остаться на ближайшую ночь здесь. Но – увы, после бутерброда с омулем и крепкого чая (а удержаться и не съесть, после густых пряных запахов, ударивших в нос, когда вскрыли бочонок, было просто не возможно, не

смотря на набитый желудок после ресторана), меня тактично отправили восвояси.

20

Какое-то время наши отношения буксовали на месте. Маринка была дружелюбна, мы перезванивались, иногда коротко встречались и вместе обедали, но ближе не подпускала, чувствовалась, как барьер какой-то вокруг неё. А потом мы вместе пошли на концерт в Консерваторию... Не делай такое удивленно-трагическое лицо, Володька, не такой уж я и медведь! ...Оказывается, между частями хлопать не принято, а я, было, уже поднял руки, но Маринка меня остановила, положив на них свою ладонь. А я накрыл её ладонь своей и удержал, и она, о – чудо, её не отняла. Так мы и сидели до конца отделения, взявшись за руки. Дальше я уже, конечно, музыку не слышал, а только прислушивался к своим ощущениям, пока Маринкина ладонь из холодной лапки превращалась в горящую ладошку. Значит, процесс пошел! Только не торопиться, чтоб не спугнуть.

21

Тридцать первого декабря мы были в ресторане. Маринка, как оказалась, с домашними Новый год не встречает, внучка маленькая ещё. Они вместе с семьей брата традиционно

съезжаются первого января к её маме к обеду. Я тоже одинокий волк, с Эльвирой уже совсем не тянуло встречаться даже ради секса. Так мы и оказались вдвоем в ресторане. Ну и вот, топчемся в очередном медленном танце, как сейчас помню, под «Снегири»⁶, и такая на меня теплая волна желания накатила, так и хочется прижать её к себе плотно-плотно, всем телом. Взгляд от губ отвести не могу и вдруг чувствую, как она вспыхивает вся, становится горячей, поднимаю глаза и вижу такую отчаянную решимость в её зеленых омутах, как будто она готовится со скалы в пропасть броситься. Дальше всё как в тумане происходило. По-моему, мы с ней до самого дома практически не разговаривали. Помню только, как она сказала: «У меня давно никого не было», а может она этого вслух и не говорила, а я это сам понял по её смятенно-решительному состоянию.

В общем, в первый раз всё прошло очень быстро и сумбурно, то ли долгое воздержание сказалось, то ли так подействовала её нервозность, но я почти сразу вырубился, хотя краешком сознания понял, что до оргазма она не дошла, но поделаться со своим организмом ничего не смог.

⁶ – музыка и стихи Сергея Трофимова

За окошком снегири
Греют куст рябиновый,
Наливные ягоды
Рдеют на снегу,

Я сегодня ночевал
С женщиной любимой,
Без которой дальше жить
Просто не могу.

Я сегодня ночевал
С женщиной любимой,
Без которой дальше жить
Просто не могу.

У меня своя семья,
Жизнь давно очерчена,
Но себя не обмануть,
Сколько не хитри.
С этой женщиною я
Словно небом венчанный,
И от счастья своего
Пьяный до зари.

С этой женщиною я
Словно небом венчанный,
И от счастья своего
Пьяный до зари.

Я смотрю в её глаза,
Словно в море синее,
И, прощаясь у двери,
Обнимаю вновь.

А рябина на снегу
Плачет белым инеем,
Как продрогшая моя
Поздняя любовь.

А рябина на снегу
Плачет белым инеем,
Как продрогшая моя
Поздняя любовь.

За окошком снегири
Греют куст рябиновый,
Наливные ягоды
Рдеют на снегу.
Я сегодня ночевал
С женщиной любимой,
Без которой дальше жить
Просто не могу.

Я сегодня ночевал
С женщиной любимой,
Без которой дальше жить
Просто не могу.

Без которой дальше жить
Просто не могу.

«Заснул, как тумблер выключили. А я теперь точно до утра не засну. Сама виновата, тянула долго, ведь понимала уже, к чему дело движется. Да и самой хотелось, что уж перед собой лукавить. Только так давно никого рядом не было, что казалось – ничего уже и не нужно, и так всё замечательно. А оно, вон как, повернулось... А как уютно он прижался к моей спине, как будто только так и положено... Странно, чужой дом, чужая постель, а мне так уютно... У него рука не отерпнет, на которой я лежу?.. Не отпускает, ещё крепче второй прижал... Надо же, как пазлики прямо сложились... Ой, как внизу горячо вдруг сделалось, и, кажется, зашевелилось там...»

23

Проснулся я неожиданно, как будто включился после короткого замыкания. А я, оказывается, уже готов, и она вроде не спит, дышит часто-часто. Второй раз получилось очень нежно, я сдерживал себя, как мог, и, по-моему, заснули мы одновременно, размягченные и удовлетворенные.

(«...Боже мой, как волшебно, я уже и забыла, что так бывает... Как же я устала, кажется, сейчас засну...»)

24

Утром я, ещё не до конца проснувшись, понял: что-то не так – рядом никого не было. Мне что это всё приснилось? Да нет. Вот же подушка ещё хранит её запах. Или она уехала? Я её чем-то обидел? Если всё так и было, как помнится, то – ничем. Стоп, куда она могла уехать, мы же у меня дома, а, значит, ей без машины не уехать... Что-то звякнуло внизу и я, на ходу надевая брюки, скатился вниз. Маринка была на кухне и осматривала содержимое одной из верхних полок. Обернулась на мое появление и, засмутившись, сказала: «Голова начинает болеть, надо срочно кофе выпить, не хотела тебя будить, думала – сама найду, но пока нашла только кружку». Одета уже полностью... Не отпущу. Аж челюсти свело от желания, говорить ничего не могу. Так, молча, и усадил её в вертящееся кресло, а сам начал варить в турке кофе и параллельно делать бутерброды из всего, что увидел в холодильнике...

«... Молчит как-то холодно, только желваки ходят. Рассердился, что хозяйничала у него на кухне? Но я же не сейф вскрывала. Или хочет, чтобы я побыстрее ушла? Я же всё равно без машины отсюда не выберусь. Зарос уже немножко, а ему идет, хотя я никогда не любила мужчин с усами и бородой. Интересно, а щетина у него мягкая или колючая?..»

– Если ты так на меня будешь смотреть – я тебе не дам допить кофе, и мы опробуем этот стеклянный стол.

Покраснела (надо же, как девчонка, прям).

– Нет уж, лучше всё-таки кровать....

Вот же, так смотрит поверх чашки, по-моему, даже медленнее стала пить... Так мы кокетничаем, значит, ну, я тебе покажу...

25

– Серега, Серега, э-эй, очнись... Мы тут, в кафе, а ты где?

– Что опять был глупый вид?

– Не то слово, счастливая улыбка олигофрена.

– Ну, уж, скажешь тоже... Хотя я теперь и на совещаниях с таким видом сижу. Вдруг очухиваюсь, что вокруг тишина какая-то напряженная и понимаю, что от меня все чего-то ждут, а я в упор не помню, не только на чем мы остановились, но и вообще тему совещания. Но знаешь, дела как-то пошли сами собой, мне вдруг стало не так интересно заниматься бизнесом и я, зачастую, принимаю первое попавшееся решение и, как ни странно, оно оказывается оптимально верным...

– Так что же дело пахнет свадьбой?

– Пока нет, но я полон оптимизма.

– Неужели Марина против?

– Да, она считает, что в её годы это как-то смешно, и вообще, ей больше нравится букетно-конфетный период. А ещё я, видишь ли, не соответствую представлению её семьи о на-

стоящем мужчине.

– Это как же?

– Понимаешь, у них ценится, чтобы у мужчины руки росли из правильного места, а не из задницы.

– Как-то странно в наше время.

– Да мне даже по приколу. Молоток я уже освоил, так что ещё пара-тройка предметов, и у Маринки не останется аргументов против.

– Рассказал бы про пророчество, может, быстрее получилось.

– А я рассказал, только хуже получилось, начала вообще во всем сомневаться... Так что сейчас я учусь заново ухаживать за женщиной и мне, как оказалось, это очень нравится.

– Знакомить будешь?

– А вот это – фиг, вам. Хватит мне одного влюбленного Колянныча, даже наш друг Арсен, не смотря на то, что не «персик», глазами-то постреливает. Маринка прямо расцвела, куда ни пойдём, везде на неё мужики заглядываются. Поздно, братцы, поздно, раньше надо было, а теперь всё, моё. Так что знакомиться будешь только на свадьбе, когда уже распишемся...

27

Из кафе вышли трое мужчин.

У одного из них блуждала на лице улыбка счастливого че-

ловека.

У того, что помоложе, читалось радостное нетерпение, казалось, что он торопится куда-то, где его ждет что-то очень-очень хорошее, радостное.

Третий с завистью посматривал то на одного, то на другого своего спутника...

«Ну и пусть, выгляжу как дурачок. Не хочу, чтобы это заканчивалось...»

«Baikal Lago Baikal! Voglio Baikal! E 'necessario chiamare rapidamente il Papa⁷ ...»

«Я тоже хочу быть таким же счастливым...»

⁷ – Байкал, Байкал! Хочу на Байкал! Надо быстрее позвонить папе...

Октябрь 2016

Два кусочка колбаски...

Первая встреча

– Девушка, отрежьте мне, пожалуйста, грамм сто – сто пятьдесят Краковской. Кусочком.

– Полукопчёную не режем!

– А пополам?

– Женщина, я же говорю – не режем!

Валентина Петровна расстроилась. Краковской хотелось – аж запах стоял в носу, а во рту уже слюна выделилась. В их семье она одна любила полукопчёную колбаску, дочь и зять признавали только сырокопчёную. Целую ей не съесть одной. А выкидывать продукты у Валентины Петровны рука не поднималась. Опять давиться? Или проигнорировать соблазнительные запахи? И почему не режут? Ладно, на рынке, а в магазине-то почему?

– Девушка, я заберу вторую половину. Разрежьте!

Продавщица подняла взгляд на обладателя низкого командного голоса и увидела высокого статного мужчину в возрасте, по выправке явно бывшего военного, отсвечивающего абсолютно лысой головой, и... смягчилась. Мужчина был похож на её любимого актёра – брутального Максима Аверина.

– Ладно, уж, разрежу!

Валентина Петровна с радостью взяла вожаделенную покупку, поблагодарила так удачно подвернувшегося второго любителя полукопченной колбасы, и тут же переключилась на подсчёт – всё ли она купила, что нужно? Хлеб, сметана, майонез, сгущёнка, колбаса (спасибо мужчине)... Что же ещё? Она явно что-то забыла, но что? В памяти ничего не всплывало. Всё-таки, надо писать список. Память уже не та. Нельзя надеяться на то, что, пройдясь взглядом по полкам, всё нужное купишь. И она озабоченно пошла в следующий отдел магазина.

«Одинокую старушку сразу видно», – подумал Семен Михайлович, счастливый обладатель второй половины Краковской, глядя на беззвучно шевелящую губами женщину. Его гастрит категорически не одобрял никакие копчёности, но так хотелось иногда себя побаловать! А вот выкидывать продукты категорически не одобрял сам Семён Михайлович. Половинки полукопчёненькой как раз хватит, чтобы удовлетворить аппетит. Заесть таблетками, и всё будет тип-топ!

Встреча вторая

Второй раз Семен Михайлович встретил женщину через несколько недель в этом же магазине около полок с хлебом. Она, всё также шевеля губами, рассматривала батоны нарезного хлеба. Что-то там её не устраивало.

Семён Михайлович обрадовался – может, на этот раз *она* его выручит? Белый хлеб он обожал. Но съесть целый батон свежим не получалось. А доедать уже чёрствым не доставляло никакого удовольствия.

– Здравствуйте! – обратил на себя внимание женщины Семён Михайлович, поскольку та была сосредоточена только на хлебе, ничего не замечая вокруг.

– Ой, здравствуйте! – вскинула на него глаза женщина.

Валентина Петровна не запомнила внешности выручившего её тогда, с колбасой, мужчины, но голос его узнала.

– Есть предложение купить батон пополам.

– Зачем? – удивилась Валентина Петровна.

– Чтобы не зачерствел.

– А я сразу его нарезаю и кладу в морозилку. А, когда нужно, достаю по кусочку и в целлофан. Через пару часов он свежий и мягкий. Попробуйте!

– И даже запах остаётся?

– Вот каким заморозите, таким и оттает!

– Спасибо! – поблагодарил Семён Михайлович, а сам подумал: «Хозяйственная женщина! Может, она и настоящий украинский борщ умеет готовить? Надо будет поинтересоваться в следующий раз»

Густой, наваристый борщ знатно готовила Семёну Михайловичу супруга. Когда её не стало, пришлось довольствоваться кислыми московскими щами снохи. Он и сам пробовал готовить борщ, и в ресторанах заказывал, но всё было не то...

...И взял целый батон нарезного.

Третья встреча

Валентина Петровна расположилась в парке на лавочке и с удовольствием подставила лицо солнышку. Московская зима впервые в этом сезоне порадовала ясным солнечным денёчком. А ещё накануне, наконец-то, выпал снег. Давно пора! Конец января, а настоящая русская зима, с обильным белым снегом, с морозцем, с чистым голубым небом, только

началась.

В парке было изумительно красиво. Деревья обзавелись пышными белоснежными шапками и приветливо наклонились, образуя вдоль пешеходных дорожек и узких лыжных троп, высокие коридоры. Сказка, да и только!

Валентина Петровна расположилась на лавочке у пруда. Она пока боялась заходить далеко вглубь парка. Его схема ещё не уложилась в её голове. Она уже побывала на Поляне сказок, где каким-то народным умельцем были вырезаны из дерева забавные фигурки животных. К Поляне уходила пешеходная дорожка,

ответвляющаяся от основной, более широкой, дорожки. И стояли указатели.

К пруду вела прямая от входа основная дорога. Народу здесь было не много. Лыжники, в основном, расходились по лыжне то направо, то налево до пруда. Мамы с детками катались на санках на его высоком берегу. А Валентина Петровна облюбовала лавочку напротив мостков в воду в низкой части пруда. Там даже полынья была! Но любителей зимнего плавания что-то не наблюдалось. И Валентина Петровна с блаженством закрыла глаза, подняв голову вверх.

– Ой! – вскрикнула она от неожиданности, когда кто-то ощутимо толкнулся в её колени.

Кругом было так тихо, что нападения она никак не ожидала. Перед ней стоял огромный пёс и внимательно её рассматривал. Валентина Петровна реально испугалась. Она уважала собак, в отличие от кошек, которых терпеть не могла. Но в доме у них никогда собаки не водились. Ни в её детстве, ни в уже во взрослой, самостоятельной жизни. И она не представляла себе, как с ними обращаться, а потому обходила собак и их хозяев стороной, не раз наблюдая, сколь ласковы собачники со своими питомцами и сколь, бывает, агрессивны с людьми.

– Рекс, стоять! Ко мне! – закричал лыжник, выскочивший из-за деревьев на открытое пространство пруда.

Собака нехотя потрусилась к хозяину.

– Не бойтесь! – сказал хозяин собаки, когда поравнялся с Валентиной Петровной, – Рекс никого не укусит. Он просто хотел с Вами познакомиться.

– Что же это Вы, мужчина, отпускаете такого большого пса одного и без поводка, и без намордника? Так и до инфаркта можно довести. А если он ребёнка испугает? Можно на всю жизнь зайкой остаться!

– Извините! Вы абсолютно правы.

Мужчина снял лыжи. Присел рядом на лавочку и надел намордник на собаку. Рексу это не понравилось. Вообще-то, Семен Михайлович в подобной ситуации ограничивался одной фразой и сразу уходил, особенно, если ему начинали читать мораль незнакомые люди. Он сразу относил их к врагам животных, и разговаривать ему с ними было не о чем. Но эту женщину он узнал. Она была той, хозяйственной, из магазина. И перед почти знакомой было по-настоящему неудобно.

– Ещё раз – извините! – повторил он, но женщина что-то буркнула неразборчивое в ответ и отвернулась.

«Какая неотходчивая, – подумал Семен Михайлович, – что это она? Ведь ничего страшного не произошло!»

Валентина Петровна, и правда, никак не могла отойти от случившегося. Оно напомнило ей давний случай, который произошёл с ней и внучкой, Полинкой. Поленьке тогда было годика два. Дочь с зятем куда-то заваялись на выходные, а Полинку оставили ей. Они гуляли на детской площадке во

дворе. Малышка с удовольствием ковыряла снег лопаткой, когда к ней подскочила средних размеров шавка, начала лаять и насакаживать. Валентина Петровна так испугалась! Подхватила внучку на руки и ногой отшвырнула собаку. Пёс оказался маленьким злобным пуделем. Это в сказке пудель мудрый, добрый и красивый. А на самом деле, морда у него была злая, в открытой остроносой пасти торчали два ряда мелких острых зубов. По крайней мере, у этого. А ещё он оказался трусом. Взвизгнул, когда Валентина Петровна дала ему под зад ногой, и спрятался за хозяйку. А та бросилась на Валентину Петровну с кулаками, защищая свою животину и не обращая внимания на то, что она стоит перед ней с ребёнком на руках. Хорошо, мамашки, гуляющие на площадке, заступились. Женщины орут. Шавка из-за спины хозяйки лаем заливается. Хозяйка пуделя поливает всех угрозами и проклятиями: и мамаш, и их выродков. Полинка рыдает, маму зовёт.

Еле Валентина Петровна её успокоила. Но и во сне Полинка вздрагивала и протяжно всхлипывала. А Валентина Петровна никак не могла заснуть. Только закрывала глаза – ей представлялась картина, что на Поленьку набрасывается бультерьер (их Валентина Петровна боялась больше всего), а она не успевает схватить внучку на руки...

Это потом, много позже, Валентина Петровна поняла, что и сама частично была виновата в этой истории. Надо было спокойно сесть между Полиной и собакой, поднять внучку

на руки и рассказать про собачку. И ребёнка бы не перепугала. И пуделя бы не ударила. И не было бы всей этой последовавшей затем отвратительной сцены. Одно было хорошо в этой истории. Отступившая под превосходящими силами противника хозяйка пуделя, никогда больше не появлялась ни на детской площадке, ни в их дворе. Одной гадящей псиной было меньше...

Семён Михайлович не привык отступать. Третий раз просить прощения было как-то глупо. Женщина явно его не узнавала. И он решил пойти на таран:

– Здравствуйте! А Вы меня не знаете? – и снял лыжную шапочку.

Женщина посмотрела на его голую, как бильярдный шар, голову, и в её глазах промелькнуло узнавание:

– Ой, здравствуйте!

Семён Михайлович почёл за благо оставить тему с Рексом в покое и заговорил о другом:

– Что-то Вас давно не было.

– Уезжала с детьми в отпуск.

– А что же Вы не на лыжах? Или не любите?

– Да нет, лыжи я люблю. Просто парка не знаю. Я недавно сюда переехала. Боюсь заблудиться.

– Давайте в следующий раз вместе покатаемся? Я Вам всё покажу.

Женщина на мгновение заколебалась, а потом вполне доб-

рожелательно согласилась.

– Тогда в следующую субботу?

– Ой, нет! По субботам я с внучкой. А в воскресенье?

– В воскресенье, так в воскресенье! – согласился Семён

Михайлович, – Часиков в десять?

– Договорились!

– Обязуюсь прийти без Рекса.

– Он, кажется, и так на меня обиделся...

– Ничего, – сказал Семён Михайлович, ласково потрепав собаку по загривку, – Он у меня отходчивый! Я с ним договарюсь! Разрешите представиться, – без перехода продолжил он, – Семён Михайлович, полковник в запасе (словосочетание «в отставке» Семён Михайлович не любил. Звучало так, как будто его, как ненужную фигуру, вышибли с шахматной доски).

– Валентина Петровна, инженер на пенсии, – в тон ему ответила женщина.

«А ничего так, с юмором», – подумал Семён Михайлович, у которого ёкнуло сердце от её имени. Любимую супругу тоже звали Валентиной. Вале́й. Валечкой. Валюшей.

4

Как же ему её не хватало!

Валюша всю жизнь была его надёжным тылом, запасным парашютом, всепогодным аэродромом. Была прекрасна и в

телогрейке, когда они таскали воду из колонки вёдрами и пилили дрова для печки, которая в их бараке была и обогревателем, и плитой для приготовления пищи. Это когда он был ещё зелёным лейтенантом. И в вечернем платье, когда без усталости таскала его по театрам. Это когда его перевели в Москву уже в звании подполковника.

Сына ему родила. А то, что Ванька получился подкаблучником, в этом полностью его, как отца, «заслуга». Сколько раз Валя уговаривала его дать сыну больше свободы. А он: «Цыц! Сам знаю, как воспитать мужика!» Вот и довоспитывался, что остался на старости лет один. Сынок из-под жёсткой отцовской опеки плавно перебрался под юбку жены. А ведь Валюша такое предвидела.

Так же, как не обольщались по поводу снохи. Та вела себя в его доме скромненько. Поначалу. «Папа», «мама» – ему это нравилось, а Валюшу коробило. Но в семейную жизнь сына не вмешивались ни он, ни жена. Только умирая, Валечка сказала ему слова, которые он тогда не понял: «Сёма, не сопротивляйся, если дети захотят жить отдельно. Продай дачу, купи себе квартиру, чтоб своя крыша над головой...» И опять оказалась права!

Не прошло и полгода после ухода жены, как сын заговорил о квартире. Очень уж снохе хотелось быть в четырёхкомнатных хоромы полновластной хозяйкой. А его сбегать в свою комнатку в коммуналке. Но Семен Михайлович не позволил так с собой поступить. Вовремя вспомнил слова жены,

продал дачу и купил себе малогабаритную однокомнатную квартирку на окраине Москвы. Много ли ему надо, одному? Сначала чувствовал себя неуютно. Стены давили. Привык к просторам. Да и не думал, не гадал, что уедет когда-нибудь из квартиры, превращённой умелыми Валечкиными руками в уютный дом, тихую гавань. Только, если, ногами вперёд. А оно вона как получилось! Не пожелали дети, чтобы он к ним преклонил свою лысую голову на старости лет.

Но, ничего! Обжился. Постепенно привык. Наладил быт – руки-то у него из правильного места всегда росли. С работы домой пусть и на электричке, но зато Лосиноостровский парк рядом. Из-за него и выбрал этот район. Чистый воздух. Тишина. Зимой на лыжах. Чуть снег сойдёт – на велосипеде или пешком. Надо держать себя в форме. Ухаживать-то, случись что, некому. Если только на внука надеяться. Так до его взросления дожить ещё надо. И неизвестно, кто из него выйдет, это при таких-то родителях...

Сноха осталась жутко недовольна тем, что тесть продал дачу, а ещё больше тем, что все деньги забрал себе. Опять подслала к нему сына. Семён Михайлович ответил жёстко: «И квартира, и дача мои с матерью. Вот помру – тогда всё твоим будет! А пока жив, буду поступать, как захочу!» Остаток денег после покупки квартиры Семён Михайлович положил на вклад. Чтобы было, на что купить уход за собой, раз уж на родных никакой надёжи не было.

А ведь на покупке дачи, в своё время, Валя настояла. Он

долго сопротивлялся. Ну, не тянуло его к земле! А она с удовольствием возилась на грядках. За ним было только отвезти-привезти. И чтобы он делал, если б не дача? Согласился бы на коммуналку? Настоял на размене квартиры? Или смирился с верховодством ушлой снохи? И так не этак, и этак не так...

Всё-таки, повезло Семену Михайловичу с женой! Хорошо хоть под старость это понял, оценил. А в молодости чего только не было! Он и погуливал. (А чего ж упускать момент, когда девки сами на шею вешаются – молодой, красивый, тогда ещё с густым ёжиком, в форме). Перед женой, правда, этим не бравировал, как некоторые его сослуживцы, соблюдал осторожность, давал себе волю только в командировках, в отпусках. Одно время круто пил. Лётчик – спирта, хоть в ванне купайся. Допился до язвы. Чуть не списали, еле выкарабкался. Но хронический гастрит заработал...

Помотало их с женой по гарнизонам. Насмотрелся, как другие семьи живут. В военном городке спрятаться негде. Все всё друг про дружку знают. Это тебе не на гражданке, когда, порой, и соседей по лестничной площадке не знаешь, как зовут. Вот тогда Семен Михайлович и остепенился. И телом, и душой, и всем сердцем вернулся в семью. И заново полюбил свою Валюшу.

А сейчас вот собаку завёл. Тоскливо было одному в четырёх стенах. Теперь Рекс его надежда и опора. И собеседник, и друг...

В отличие от Семёна Михайловича, Валентина Петровна оказалась в отдельной однокомнатной квартире по собственной инициативе. По примеру своей мамы, которая тоже уехала от них с мужем, когда Лиза подросла, и они перестали нуждаться в её ежедневной помощи. «Чем дальше, тем роднее», – сказала тогда мама. Валентина Петровна запомнила и опробовала на практике этот тезис. Тезис работал.

Не то чтобы Валентине Петровне не нравился Лизин муж. Руки у него, правда, росли из задницы, но она уважала его за то, что на работе он вкалывал по-черному. И не за три копейки. Семью содержал на приличном уровне. Они даже могли позволить себе излишества, с точки зрения Валентины Петровны, в виде машин у обоих, яхты, арендованного летнего домика, хотя оборудованная дача, на которой по полгода жила её мама, была вот она, рядом.

Но и родным, близким по духу, по крови зять не стал. Пересечения интересов у дочки с мужем почти не было. Книжки он не читал, в театры и на концерты не ходил. Вместо отдыха с семьёй на море предпочитал рыбалку в одиночестве. Допускал иногда грубое слово в отношении Лизы, мало общался с дочкой – Полинкой. Так было заведено в семье его родителей. Процесс перевоспитания, который затеяла Лиза, шёл с трудом, медленно. И Валентина Петровна, чтобы этого не видеть, не путаться под ногами, как только накопились деньги, купила однушку. Особо не привередничала. Взяла в

том районе, на который хватило средств.

Отношения с зятем сразу потеплели. И процесс перевоспитания пошёл быстрее. Или Валентине Петровне это только казалось. Виделись они теперь редко, изменения к лучшему больше бросались в глаза.

В новой квартире Валентина Петровна обжилась быстро. Повезло, что квартира была чистенькая, ремонта не требовала, так, по мелочи. Что смогла, сделала сама. Там подкрутила, тут подбила. Вызывала местных умельцев из ДЭЗа. Кое-что сделали они. Мебель из её комнаты отлично вписалась в её новую квартиру. А мебель на кухне досталась ей от прежних хозяев, и оказалась точно такой же, как у неё с дочкой на прежней квартире. Ещё советский стандарт. Так что Валентина Петровна сразу почувствовала себя дома.

Никаких домашних питомцев не завела, и заводить не собиралась. Забот хватало и без этого. Во-первых, внучка, Полинка. Потом – мама. Особенно, когда она выезжала на дачу. Три раза в неделю подработка курьером. Зарплата не большая, но в сумме с пенсией на жизнь хватало. Хватало даже на любимые походы в театры и на концерты. Без этого Валентина Петровна свою жизнь не представляла. А ещё книги, фильмы, выставки, экскурсии, компьютер. Подруги. Зимой – лыжи, летом – велосипед. Счастливая старость! Если бы ещё пенсию побольше... И здоровья. Но, ничего! Прорвёмся!

Встреча четвёртая

В воскресенье, за пять минут до назначенного времени, Семён Михайлович стоял с лыжами наизготовку у входа в парк. Ожидал появление Валентины Петровны не без волнения. Корил себя за то, что не догадался попросить у неё номер телефона. Не то чтобы он думал, что она его обманет. Но люди они в возрасте, мало ли что может случиться за неделю.

Валентина Петровна появилась ровно в десять ноль-ноль. Такая точность, как человеку военному, Семену Михайловичу пришлась по душе.

Валентина Петровна была в спортивном костюме, весёлой разноцветной шапочке с помпоном, с приличными пластиковыми лыжами фирмы Salomon. Гуляя в парке уже не первый год, Семен Михайлович каких только лыж не видел! От допотопных деревянных с прижимным креплением до супер-крутых профессиональных Rossignol. Только что валенки с ремнями, похоже, окончательно канули в Лету.

Они встали на лыжню, и Семён Михайлович приступил к обязанностям гида-проводника. Дорога в этой части парка шла немного в горку, но зато потом, при возвращении, когда лыжник уже уставал, легко было катиться вниз.

В парке, оказывается, была ещё одна Поляна сказок. Только деревянных фигурок здесь было поменьше, и все – медведи. А сама поляна побольше. Здесь, как объяснил Семен Михайлович, проходят массовые народные гуляния во время крупных праздников: на Новый год пускают фейервер-

ки, на Масленицу жгут деревянное чучело, на праздник Урожая организуют ярмарку по продаже овощей и фруктов. Каждый желающий может привезти сюда излишки с собственной дачи и купить то, что не уродило на его участке в этом году.

Прогулялись они мимо питомника лесничества, где стройными рядами росли пушистые ели одинаковой высоты, прямо, как в сказке Пушкина, богатыри – «... все равны, как на подбор, с ними дядька Черномор». А ещё в парке работал музей Русского быта, Дендрарий, Лосиная биостанция. Лосей в парке увидеть в этот раз не удалось, а вот ухоженные, с лоснящимися боками, лошадки с Конных дворов встречались часто.

Валентина Петровна запыхалась, пытаясь не отстать от Семёна Михайловича, покраснелась и попросила передых. Они уселись на толстом стволе поваленного дерева, и Валентина Петровна достала термос с ароматным горячим глинтвейном. Оказывается, у неё за плечами был рюкзачок с самым необходимым: телефон, фотоаппарат, бумажные салфетки, влажные салфетки, термос и дополнительная кружка, аккуратная коробочка с лекарствами.

– С Вами можно хоть на необитаемый остров! – пошутил Семён Михайлович, разглядывая разгорячённое лицо Валентины Петровны с горящими от адреналина зелёными глазами, и с удовольствием смаковал обжигающий напиток, приятно согревающий внутренности.

Глинтвейн на вкус напоминал компот из сухофруктов из далёкой юности, а вот послевкусие у него было такое богатое, что Семён Михайлович затруднился бы назвать ещё какие-нибудь его ингредиенты. На его вопрос о составе напитка, Валентина Петровна молодо рассмеялась и сказала, что делает глинтвейн из всего, что в данный момент оказывается под рукой. Так что рецепта никакого нет. Как нет и одинакового вкуса. Каждый раз он получается разный.

Разговор о глинтвейне дал Семёну Михайловичу возможность задать вопрос о вожделенном борще:

– Валентина Петровна! А Вы борщ готовить умеете?

– Конечно! – удивилась она.

– А меня научите? Моя покойная супруга знатно его готовила, а у меня никак не получается. Как это сейчас говорят: проведёте мне мастер-класс?

– Без проблем! Только ведь настоящий борщ готовится часа три.

– Может, мы в следующий раз встретимся с утра, приготовим борщ, продегустируем, а потом пойдём на лыжах?

– Ох, вряд ли после борща это получится. Да и самый вкус он набирает только на следующий день, – засомневалась Валентина Петровна.

– Тогда, как Вы скажите! Командуйте! – ответил Семён Михайлович, готовый ради любимого блюда согласиться на любые условия.

– А Вы мясо к борщу сами купите?

– И мясо, и всё остальное, что нужно. Что скажете, то и куплю!

– А какое, хоть, знаете?

– Какое? – замялся Семён Михайлович.

– Так, понятно, – протянула Валентина Петровна.

Задумалась, а потом выдала заключение:

– Хорошо! Давайте сделаем так: встретимся в следующее воскресенье у платформы Лось. Сходим на рынок – научу Вас выбирать косточки к борщу. Потом придём ко мне, сварим борщ, поедим. Отнесём борщ к Вам. Так годится?

– Ещё как годится! Только можно ещё предложение? Раз уж на лыжах не получится в этот день – давайте просто погуляем в парке по тропинкам?

– Хорошее предложение! – согласилась Валентина Петровна, – Заодно калории растрясём.

На том и порешили.

Оба остались довольны сегодняшней встречей. Особенно Семён Михайлович. И на лыжах погулял. И не в одиночестве. И к любимому борщу на шаг приблизился. И номер телефона без проблем получил. И в гости сама пригласила. И вообще, женщина нравилась ему всё больше и больше. Если при первой встрече он принял её, чуть ли не за старуху, то сейчас думал о ней, как о зрелой, моложавой и привлекательной женщине.

Пятая встреча

Кто бы мог подумать, что на рынке Семёну Михайловичу понравится? К старости острота слуха и зрения у него упали, а вот нюх, наоборот, обострился. Но в мясной части рынка Валентина Петровна сразу отвела его к знакомому мяснику. Здесь пахло чистотой, никаких запахов залежалого или, не дай бог, тухлого мяса не ощущалось. Они быстренько выбрали мясо на косточке и отправились к овощам.

Вот где была какофония запахов! От солений пахло пряностями, от фруктов – сладостью, от овощей – свежей зеленью и чем-то терпким. А цвета! Красные, желтые, фиолетовые, белые, зелёные пятна сливались в яркую картину, как на жизнерадостных полотнах импрессионистов!

А сколько оказалось нюансов при выборе овощей! Семён Михайлович сам купил бы первое, что попало под руку. Валентина Петровна посоветовала взять бодренькую, почти одинаковую по толщине всей своей длины, ярко-оранжевую морковь с тупым носиком, как самую сочную. Весёлого фиолетового цвета и цилиндрической формы свеклу с таким же названием – Цилиндра, как самую сладкую. И белый кочанчик-крепыш капусты.

Готовить вдвоём тоже оказалось весело! Пока Валентина Петровна поджаривала мелко нарезанный лук до румяного цвета и восхитительного запаха, Семён Михайлович тёр на крупной тёрке свеклу и морковь. Всё его лицо и руки покры-

лись мелкими брызгами. «Двойная польза, – лукаво заметила Валентина Петровна, – и еда, и натуральная маска, не надо тратиться на химию!»

Когда в сковороду к луку для пассировки (новое для Семёна Михайловича слово) добавились свекла, морковь и томатная паста, запахи стали такие аппетитные, что у него засосало под ложечкой, хотя завтрак был совсем недавно.

В кастрюле закипела вода, и Валентина Петровна положила туда мясо на косточке, всё то время, пока они возились с овощами, отмочавшее в миске. Ещё один нюанс, – отметил про себя ученик. А ещё оказалось, что, пока мясо варится, надо снимать постоянно пену, чтобы бульон стал прозрачным. И не позволять ему ни сильно кипеть, ни прекращать кипение.

Пока мясо доходило до готовности, Семён Михайлович учился шинковать капусту тонкой соломкой, а Валентина Петровна чистила и нарезала аккуратными кубиками картошку (процесс, который ученик уже более-менее успел освоить в своей одинокой самостоятельной части жизни).

Первыми в бульон отправились кубики картошки (снять пену, посолить, довести до готовности, добавить лавровый лист). Второй – капустная соломка, подправленная опытными руками Валентины Петровны. Через 7 минут – заправка из овощей.

Перед забросом мелко нарезанной зелени укропа и петрушки (её хозяйка достала уже готовой из морозилки) и го-

рошин горького и душистого перцев, Валентина Петровна дала попробовать борщ Семёну Михайловичу на соль. Он, обжигая рот, глотнул ароматное варево и тут же понял – вот *о н!* Его вожделенный! Настоящий! Украинский Борщ! Именно так, с большой буквы!

А когда к до краёв наполненной тарелке с наваристым, темно-красным, густым борщом, Валентина Петровна подала ломоть свежего, мягкого чёрного хлеба (его, оказывается, тоже можно хранить нарезанным в морозилке), покрытого тоненькой платиной солёного сала с чесночком... О-о-о! Это было пиршество для желудка, носа и глаз! А ты, гастрит, заткнись! Хотя бы на время...

Одно огорчило Семёна Михайловича: столько возиться одному, чтобы приготовить борщ, было совсем не интересно. Он поделился своим грустным открытием с Валентиной Петровной, но та и здесь нашла, чем ему помочь:

– Я, честно говоря, для себя одной тоже ленюсь так готовить, по полному циклу. Вот, возьмите, – сказала она, доставая из шкафчика две небольшие баночки, – это домашняя тушёнка и готовая борщевая заправка¹. Все овощи с нашей дачи. Их моя мама выращивает, а я делаю заготовки.

– У Вас ещё жива мама? Вы – счастливый человек! Дай бог ей здоровья!

– Спасибо! Она у нас молодец! Весь огород, считай, сама тянет. Мы только так, помочь на тяжёлых работах. С картошкой, например.

– Сколько же маме лет?

– Уже за восемьдесят!

– Гигант! – восхитился Семён Михайлович, попутно прикидывая, что восемьдесят ему будет ещё через долгие двенадцать лет.

– Это что! Она у нас компьютер недавно освоила! И теперь зимой, в ожидании дачного сезона, с азартом режется в игры. Особенно ей нравятся какие-то танковые сражения. Она уже там на каком-то супер уровне. Я в этом ничего не понимаю, но зять говорит, что это очень круто.

Семён Михайлович, который тоже увлекался компьютерными сражениями, только не танковыми, а воздушными боями, ярко представил себе картину, как седовласая старушка азартно бьёт по клавиатуре, громко и победоносно вскрикивает, когда врага удаётся подбить, или в огорчении схлопывает игру, когда победить не удаётся. Так он сам поступал в схожих ситуациях. Если бы не разные игры, они вполне могли знать с мамой Валентины Петровны друг друга по никам²

Домой Семён Михайлович возвращался с кастрюлей ароматного борща, минимум ещё на три обеда, с банками домашней тушенки и борщевой заправки. Чувствовал себя, как обожравшийся слоном удав. Так что прогулка в парке оказалась очень даже кстати.

¹ – Рецепт борщевой заправки:

Ингредиенты:

1,5 кг помидор,

1 кг моркови,

1 кг свеклы,

250 г репчатого лука,

100 г растительного масла,

100 г сахарного песка,

50 г соли,

75 г чеснока,

Зелень петрушки и укропа

½ ч.л. уксусной эссенции (70%)

Способ приготовления:

Нарезать лук и поджарить на растительном масле до золотистого цвета. Помидоры бланшировать, снять кожицу, размять. (Помидоры можно заменить готовой томатной пастой). Морковь и свеклу натереть на крупной тёрке. Соединить все овощи и зелень, добавить сахар и соль. Тушить до готовности. За 15-20 минут до конца тушения добавить измельчённый чеснок. В конце влить уксусную эссенцию. Хорошо перемешать. Горячим разложить по стерильным банкам и закатать.

² – ник или никнейм – это сетевое имя, псевдоним, используемый пользователем в Интернете, обычно в местах общения (в блогах, форумах, чатах, играх) (из Википедии)

Встреча шестая

Зима закончилась, едва начавшись. Лыжники надеялись кататься до апреля, раз уж всё сместилось, и снег выпал только в конце января. Ан, нет! Ещё 23 февраля Семён Михайлович и Валентина Петровна встретили на лыжне, а к 8 марта подтаяло, вместо снега накрапывал дождик. Лыжня закаталась до льда. Снег с деревьев исчез, а на земле осел и почернел. Ни тебе физического, ни эстетического удовольствия.

После катания, где Валентина Петровна потчевала Семёна Михайловича очередным вариантом глинтвейна, он пригласил её отпраздновать 23 февраля к себе. Алаверды, так сказать. Королём стола решил сделать пельмени. Это единственное блюдо, которое он виртуозно умел готовить ещё с детства. Да и где найдётся такой сибиряк, который не умеет их готовить? Но всё равно, почему-то, сильно волновался.

Валентине Петровне тоже было как-то неловко. Её на праздник пригласили, а она без подарка. Да и в дом к малознакомому мужчине идти тоже, вроде, было рановато. То, что он уже побывал у неё в гостях – не считается. Это было обучение. А сейчас – настоящие гости: с праздничным

столом, покрытым белоснежной скатертью, с разноцветными тарелками нарезок, со знакомым узором хрустальных бокалов.

Знакомым оказался не только хрусталь, но и ковёр на стене. И квартира оказалась точно такая же, как у неё, только развёрнутая в другую сторону, как отражение в зеркале. А ещё Валентину Петровну встретил четвероногий знакомый – Рекс. И надо же, умный пёс! Ведь запомнил, как она испугалась его в первый раз. Подошёл осторожно, остановился в отдалении. И только когда женщина сама обратилась к нему с ласковой интонацией, радостно замахал хвостом. Ура! Мир! И никаких обид!

Это примирение сняло скованность с Валентины Петровны. А Семён Михайлович расцвёл после искренних похвал своей гостью и пельменей, и всего праздничного стола в целом, и отличного обустройства квартиры. Она не могла не отметить, что все дверки мебели надёжно висят на своих местах, а не перекашиваются, как у неё, стоит лишить одну дверку подпорки другой. Краны не гуляют в раковине. Выключатели не вываливаются из стен.

– Что же Вы ничего не сказали, когда я у Вас был? – огорчился Семён Михайлович. – Я бы мигом всё исправил!

– Да как-то в голову не пришло, – ответила Валентина Петровна. – Муж у меня был не большим специалистом по этой части, а зять, вообще, криворучка. За что ни возьмётся, только хуже сделает. Так что я привыкла сама справляться с

мелкими трудностями, уж, как могу.

– Готовьте список неисправностей, я подберу нужный инструмент и всё Вам сделаю одним махом!

– Вот было бы здорово! – обрадовалась Валентина Петровна. – А за мной что-нибудь вкусненькое! Есть пожелания?

Семён Михайлович задумался – чего бы он ещё хотел, но, так ничего и не придумав, сказал:

– Пусть будет сюрприз!

8

До 8 марта встретиться не удалось. Семён Михайлович заболел. Или простудился, или где-то вирус подхватил. Очень переживал, как бы Валентина Петровна не подумала, что он отлынивает от обещанного ремонта. Она его успокаивала. Даже предлагала прийти помочь. Но он, сославшись на то, что боится её заразить, от помощи отказался. На самом деле не хотел, чтобы она увидела его с красным от бесконечного сморкания носом и компрессом на шее, который придавал ему жалкий вид.

Зато, благодаря ежедневному валянию перед телевизором, нашлась идея для подарка Валентине Петровне на 8 марта. Что-нибудь подарить ей хотелось давно, но поводов не было. На лыжи даже скромный букетик цветов не прине-сёшь. А тут такой праздник! Только вот варианты подарка

никак не находились. Какую-то безделушку дарить не хотелось – с возрастом, да на пенсию, на ненужное рука не поднималась. Что-то дорогое – слишком рано. Три месяца знакомства ещё не срок для дорогих подарков, только введёшь женщину в смущение. Да и он – не заморский принц с миллионами. И тут Семен Михайлович увидел рекламу концертов Александра Розенбаума³ в Кремлёвском Дворце съездов, как раз на праздничные дни. Вот это была удача!

Насколько Семён Михайлович помнил свои походы в КДС ещё с женой, Валечкой, там было очень красиво. Так что и подарок в виде билета на концерт должен был получиться красивый. Опять же, проведут время вместе, послушают замечательные песни, чем не красота не только Валентине Петровне, но и ему! Одно только вызывало сомнение – а вдруг она терпеть не может Розенбаума? Но таких людей Семен Михайлович в своей жизни ещё не встречал. И что-то подсказывало ему, что Валентина Петровна не относится к их числу.

И оказался прав! Валентина Петровна ужасно обрадовалась предложению. И с числом он угадал (Семен Михайлович попросил сына купить билеты на последний из праздничных дней). Восьмого марта к Валентине Петровне должны были приехать дочка с зятем и внучкой и лучшая подруга, а в день концерта, десятого, она была совершенно свободна.

³ – [советский](#) и [российский](#) певец, [автор-исполнитель](#), по-

эт, музыкант, [композитор](#) и актёр (Ленинград – Санкт-Петербург)

Седьмая встреча

Поход на концерт оказался для Семёна Михайловича вечером диаметрально противоположных открытий. Первое состоялось, как только он увидел приближающуюся к нему с радостной улыбкой Валентину Петровну. Он в первый раз видел её не в брюках или лыжном костюме, а в элегантной серо-голубой шубке, которая её не только стройнила, но и делала выше.

А вот лицо! Что она сделала с собой, чтобы стать настолько моложе? Какие 58? (Возраст Валентины Петровны Семён Михайлович узнал ещё тогда, когда проходил мастер-класс по приготовлению борща). 45 и не годом больше! Таковую не то, что «старушкой» не назовёшь, но даже «женщина» не подходит. Дама, светская дама – да и только! К такой бы он и подойти побоялся. Полюбовался бы издалека и – всё! Искрящиеся зелёные глаза на пол-лица. Изогнутые дуги тёмных бровей. Блестящие соблазнительные губы.

А, когда они разделись в гардеробе, и Валентина Петровна оказалась в изящном тёмно-синем платье с тоненьким пояском, подчёркивающим её талию, да ещё и переобулась в туфли-лодочки на каблучке, Семен Михайлович порадовался за себя, что догадался одеть свой парадно-выходной ко-

стюм и за то, что он хоть в него и с трудом, но влез. Но самое соблазнительное в платье Валентины Петровны оказалась золотистая молния, пролегающая через всю его длину по спинке. У Семёна Михайловича аж руки зачесались пройти по шершавым звеньям молнии пальцами. А ещё лучше – взяться за бегунок и медленно расстегнуть её сверху вниз. Всю! Фу-ты, какие мысли в голову лезут! – одёрнул себя Семен Михайлович, а сам непроизвольно, нет-нет, да и пытался заглянуть Валентине Петровне через плечо.

Буфет КДС оказался разочаровывающим открытием. Семен Михайлович прекрасно помнил его изобилие, дороговизну и бесконечное число столиков, покрытых белоснежными скатертями. Из всего его великолепия сейчас остались только ценники. Столики хоть и были покрыты скатертями, но вокруг них исчезли стулья, и такой аля-фуршетный вариант портил половину удовольствия. Вторую половину портил скудный ассортимент. Где грибной жульен? Такой вкуснотищи, которой не было больше нигде! Где бутерброды с белой рыбкой горячего копчения такого нежнейшего цвета и соблазнительного запаха, от которых закрывались глаза на их стоимость? А где благоухающая выпечка и радующие пестротой пирожные, от которых рябило в глазах? Вместо них – жалкие колечки с творогом и пирожные картошка, которые можно купить в любом магазине. И этот стон у нас песней зовётся?!

Семен Михайлович даже рассердился! И пообещал ком-

пенсировать этот провальный пункт его подарка походом в ресторан. Валентина Петровна засмушалась, но Семен Михайлович остался не преклонен. А про себя порадовался, что так неожиданно, сам собой, возник повод встретиться в следующий раз. И ещё... Надо будет подобрать ресторан с танцами, тогда у него появится возможность пройтись по молнии платья пальцами...

Концерт превзошёл все ожидания. Много песен было знакомых, любимых – «Ау», «Вальс-Бостон», «Глухари», «Жеребёнок», «Лиговка», «Налетела грусть», «Я часто просыпаюсь в тишине»... Зал сначала не смело, а потом, всё больше воодушевляясь, подпевал. И они с Валентиной Петровной тоже. На новых, не знакомых песнях люди начали включать мобильники и раскачивать живыми огоньками в такт музыке. Семену Михайловичу и Валентине Петровне, поскольку они сидели в середине амфитеатра, было хорошо видно эту красоту. Некоторые новые песни любимого барда стали для Семена Михайловича приятным открытием, а одна – «Если ты со мной пойдёшь⁴...», оказалась так созвучна его внутреннему состоянию, что он ещё на концерте запомнил несколько строк, а дома в интернете нашёл её полностью.

...Если ты пойдёшь со мной,

Ты полюбишь собак.

Если ты пойдёшь со мной,

То сделай первый шаг.

Если ты пойдёшь со мной,

Ты сделай первый шаг.

На последней песне – «Покажите мне Москву, москвичи!», которой Розенбаум традиционно завершал свои концерты в Москве, зрители взялись за руки, и это море близких по духу, но совершенно незнакомых друг другу людей, глубоко тронуло Семёна Михайловича, а Валентина Петровна едва сдержала набежавшие слёзы.

После этого идти домой, взявшись за руки, показалось обоим чем-то вполне естественным. Хотя у Валентины Петровны и промелькнула мысль, что, наверное, они со стороны выглядят нелепо. Пожилые люди, а ведут себя, как школьники на первом свидании... Но ей было так хорошо, так светло на душе, так тепло с его ладонью, что она выбросила эти мысли из головы...

⁴ – Если ты со мной пойдёшь,

Можешь потерять всё.

Если ты пойдёшь со мной,

Можешь приобрести.

Если ты пойдёшь со мной,

По моему пути.

Если ты пойдёшь со мной,

Будет много друзей.

Если ты пойдёшь со мной,

Рядом будут враги.

Если ты пойдёшь со мной,

Но только с левой ноги.

Ураганы и шторма

Нам с тобою будут нипочём.

Ну а если пуст карман,

Мы с гитарой вдвоём

В пути не подведём.

Если ты пойдёшь со мной,

Будешь весело жить.

Если ты пойдёшь со мной,

Будешь чаще грустить.

Если ты пойдёшь со мной,

Ты будешь верить и жить.

Если ты пойдёшь со мной,

Будешь ездить верхом.

Если ты пойдёшь со мной,

Ты полюбишь собак.

Если ты пойдёшь со мной,

То сделай первый шаг.

Если ты пойдёшь со мной,

Ты сделай первый шаг.

10

Когда через несколько дней Валентина Петровна позвонила по телефону, Семён Михайлович ещё не успел подобрать ресторан для следующего свидания. Он решил, что она составила список неисправностей, но Валентина Петровна заговорила о другом:

– Семён Михайлович, у меня тут лишний билетик образовался в театр. Кира, подружка моя, заболела. Не хотите составить мне компанию?

– Конечно, хочу!

– Ой, как здорово! Спектакль послезавтра в театре на Юго-Западе, так что встречаться надо пораньше.

– Как скажете! Во сколько?

– Если в буфет пойдём, то часов в пять.

– Конечно, пойдём. Какой же театр без буфета! А Вы мне точный адрес можете сказать?

– Ой, а Вы в этом театре ни разу не были?

– Никак нет!

– Ой, тогда мне Вам нужно кое-что пояснить. Это необыч-

ный театр. Актёры играют на маленькой сцене, буквально нос к носу со зрителями. Помещение тесное, полуподвальное. Манера их игры специфическая. Спектакль «Аккордеоны» называется. Это у них премьера. Так что я не знаю, о чём там пойдёт речь. У нас с Кирой это любимый театр, мы там всё пересмотрели. Теперь только премьеры отлавливаем. Но не всем он нравится.

– И даже не пытайтесь меня отговорить! Раз Вам нравится, то я уверен, что и мне понравится. А адрес я спрашивал, потому что возникла идея поехать в театр на машине. Пока Вы меня отговаривали, я уже и маршрут построил. По навигатору получается ехать сорок минут. Возьмём с запасом час, полчаса на буфет, итого получается, что выезжаем в семнадцать тридцать. Годится?

– Ещё как годится!

– Вот и договорились!

– Только, Семён Михайлович, обстановка там простая, сами понимаете, подвал – не Кремлёвский Дворец съездов. Я буду в брюках. И Вы оденьтесь подемократичнее. В пиджаке и галстук Вам душно будет.

– Будет сделано!

11. Встреча восьмая

Они славно долетели на машине Семёна Михайловича до театра и в числе первых зашли в его подвальные недра. Бу-

фет мужчина одобрил. Для такого маленького помещения всё было на уровне: и ассортимент, и цены. Всё свежее, вкусное. Даже среди стандартных бутербродов попался необычный – с нежнейшим адыгейским сулугуни и зеленью. Приглушённый свет и негромкая живая музыка создавали интимную обстановку. Валентина Петровна шепнула своему кавалеру, что на синтезаторе играет один из артистов театра.

А вот в зале начались проблемы. Билеты Валентина Петровна всегда брала самые дешёвые, на последнем ряду. Семен Михайлович со своим ростом едва вписался под нависающую балку потолка и долго гнездилился в кресле, пытаясь поудобнее пристроить свои длинные ноги. Валентина Петровна распереживалась, и надеялась только на то, что спектакль компенсирует все эти неудобства, захватит с первых же минут, как это обычно бывало.

Погас свет. Вспыхнул вновь, и на пустых стульях открытой сцены уже сидели артисты. Все с аккордеонами от маленького, как игрушка, до большого и важного в руках ведущего артиста театра Олега Леушина. Он подал знак, и ансамбль слаженно заиграл. Валентина Петровна пришла в восторг и никак не могла решить: сами артисты играют или, всё-таки, под фонограмму. В любом случае это было чудом! Если сами, то – какие же они все в этом театре талантливые и многогранные! А если даже – нет, то так попадать в фонограмму, что и не отличить от живой игры, – это также талантливо!

Семён Михайлович с интересом наблюдал за сценой, но вскоре ему поднадоело – что-то вступление затянулось, ничего не происходило, артисты продолжали играть на аккордеонах, только изредка переглядываясь друг с другом. У Семёна Михайловича затекла шея, ужасно хотелось поменять позу, но колени деть было некуда, поскольку он перепробовал все варианты ещё до начала спектакля и выбрал самый приемлемый и для себя, и для зрителей предыдущего ряда.

Валентина Петровна почувствовала настроение мужчины, да ей и самой уже хотелось, чтобы действие, наконец, покатило дальше. Ещё через несколько минут она поймала себя на мысли, что вряд ли этот спектакль надолго задержится в репертуаре театра.

Семен Михайлович, если бы они не сидели в середине тесного ряда, выбраться из которого было просто невозможно, вообще был уже готов уйти и подождать Валентину Петровну в машине. Он ничего не понимал в происходящем, вернее, в непроисходящем на сцене, и начал раздражаться.

Когда, в какой момент, Валентина Петровна и Семён Михайлович погрузились в атмосферу спектакля, и было это одновременно или порознь, они не заметили. Но, вдруг, всё исчезло: неудобные места, духота зала, остались только девять Молодых людей и одна Женщина. И мир Музыки. В этом мире главное оружие героев – это их аккордеоны и баяны. Мелодия и ритм – их страсть. Герои выясняли между собой отношения, разрушали дружбу и строили любовь, боролись

за счастье и справедливость, устраивали дуэли в ритме танго, драки в стиле кадрили, вальсировали на грани жизни и смерти. Не было произнесено ни слова. Да это было и не нужно! Всё и так было понятно. У каждого персонажа был свой характер, своя судьба, своя мелодия. Одни выглядели пафосно и комично, другие – трогательно и обречённо. И смешно, и по-философски серьёзно. Музыка, как всегда, была неповторима. Каждый исполнитель дарил ей частичку своей души, давая ей новую жизнь...

Когда артисты исчезли со сцены, оставив свои инструменты на стульях, зал взорвался аплодисментами. А Семён Михайлович почувствовал себя таким переполненным энергией, которую влили в него своим вдохновением артисты, что ему хотелось кричать, прыгать, выскочить на сцену, обнять их всех, подбросить в воздух, как чемпионов!

Всю обратную дорогу они с Валентиной Петровной вспоминали каждую сценку спектакля, делились эмоциями и впечатлениями. Дружно посмеялись над своими первыми негативными ощущениями. Дружно повздыхали, что всё закончилось. Так Семён Михайлович попал в фанаты театра на Юго-Западе и сразу же записался на все следующие походы туда.

Когда они подъехали к дому Валентины Петровны, Семён Михайлович, как заправский кавалер, открыл дверь и помог ей выбраться из машины. И успел подхватить женщину, когда она неудачно промахнулась ступить ногой на тротуар.

Валентина Петровна как будто в яму провалилась, а не мимо тротуара всего-то пятнадцати сантиметров высотой.

Семён Михайлович обхватил женщину обеими руками и не позволил ей растянуться у своих ног. Глаза их встретились, губы притянулись как магнитом. И они застыли в поцелуе, обнявшись, забывая дышать. А потом долго всматривались друг другу в лицо, одинаково потрясённые...

Вообще-то Семён Михайлович планировал перейти к более решительным действиям в ресторане, чему должны были поспособствовать вкусная еда, лёгкое вино, приятная музыка. Потанцевать, выпить на брудершафт, перейти на «ты»... Дальше тактика не выстраивалась, хотя стратегическая цель была ясна. Именно поэтому он закопался в многочисленных московских ресторанах. Сегодня же всё получилось само собой, без тактически выверенных шагов.

– Валечка..., Валюша..., – прошептал Семён Михайлович.

Валентина Петровна ничего не сказала. Взяла Семёна Михайловича за руку и повела за собой...

Уже когда они лежали в постели, разгорячённые, размячённые, ещё более потрясённые, чем от неожиданного поцелуя, каждый думал о своём. И в тоже время об одном и том же.

Валентина Петровна похоронила мужа больше двадцати лет назад. По молодости (правда, 35 уже особой молодостью не назовёшь, но всё-таки) ещё как-то попыталась устроить

свою женскую судьбу. Но не получилось. Сначала горевала по мужу и на мужчин не смотрела. Потом были короткие отношения, но с дочкой у претендента не срослось, и они расстались. Хорошие мужики все были женаты, а на скоротечные романы с ними у Валентины Петровны было наложено твёрдое табу. Вечные холостяки-ходоки или записные маменькины сынки для семейной жизни не годились. Так она и махнула на себя рукой. Приноровилась жить одна. Нашла другие интересы: книги, театры, концерты, путешествия... Особенно, путешествия!

Выезжать за границу с экскурсионными программами Валентина Петровна начала относительно недавно, лет восемь назад. А раньше только с детьми на море ездила. Но ей больше хотелось посмотреть интересные места, чем жариться на солнце, а Лиза считала лучшим отдыхом тюленьи лежбища, да и Полинка ещё маленькая была.

Ездить одной не понравилось – поделиться восторгом не с кем ни во время экскурсионки, ни после возвращения. И тогда Валентина Петровна рискнула поискать пару в интернете. И не зря! Познакомилась сразу с тремя одинокими женщинами своего возраста: Кирой, Таней и Аллой. Так образовался костяк их группы «по интересам». К ним потом прикнули их друзья и знакомые. Группа расширилась до двенадцати человек. Конечно, они не ездили никогда таким большим составом, но, зато, в любую поездку хоть один человек, но находился, у кого и время, и деньги, и домашние дела, и

здоровье позволяли это сделать. А с Кирой они стали лучшими подругами.

А недавно они рискнули отправиться за границу в самостоятельное путешествие, без готового тура. Это Кира всех подбила. И сама же всё организовала: и билеты, и отели, и программу. Вплоть до пешего маршрута от одной достопримечательности до другой. Боже мой! Как же это всем понравилось! Не говоря уже о том, что на 20-30% было дешевле.

Особенно удачной оказалась последняя поездка в Малагу. Они и в море купались, и облазили весь городок. А там было что посмотреть: остатки крепости Хибральфаро, стоящей на высоком холме, с которого открылись захватывающие дух виды на город, тянущийся вдоль моря. Вдоль всей береговой линии узкой полоской золотого песка тянулся и городской пляж, а за пляжем – городской парк, называемый аллеей Испании. Так что сверху это выглядело, как флаг какой-то страны: бескрайняя лазоревая полоса моря, жёлтая узкая полоска пляжа и зелёная, пошире, полоса парка.

Весёлые пёстрые цветники, изящные парковые скульптуры в центре фонтанов и золотые рыбки в прудах открылись им только во время прогулки под густыми кронами высоченных деревьев аллеи. Сверху их было не видно.

Видимо, такими же высоченными деревьями любовались когда-то создатели Кафедрального собора Малаги, потому что, когда они вошли туда, то оказались в такой же красивой аллее, только возведённой из камня. Стройные колон-

ны-стволы образовывали геометрически чёткие прямые аллеи и уходили под небеса, где их кроны соединялись в причудливые цветочные и фигурные орнаменты, образуя купола.

А ещё в Малаге были две шикарных картинных галереи: музей Пикассо, который, оказывается, здесь родился, и музей живописи Кармен Тиссен, посвящённый исключительно испанским и андалусским художникам. Сколько новых имён они для себя открыли! Хоакин Соролья, Хулио Ромеро де Торрес, Карлос де Аес, Игнасио Сулоага, Хосе Гутierrez Солана... Не правда ли, их имена звучат, как музыка?

Кстати, об испанской музыке. Пожалуй, самым ярким впечатлением от Малаги, стал урок фламенко. Уж, как они с девчонками сопротивлялись, как стеснялись своего не гибкого тела, своих неуклюжих движений. И в каком же они были восторге потом! Как благодарили Киру, что она заставила их, уговорила, уломала. Коротенькое видео с их фламенко в конце урока – самое ценное, что они привезли с собой из Испании.

Когда Валентина Петровна разглядывала фотографии из этой поездки, она искренне была удивлена – столько они всего увидели, что, казалось, были в Малаге не каких-то, несчастных, двенадцать дней, а целый месяц! А ведь они ещё и в Ронду съездили на целый день и в парке Эль-Торкаль полдня ходили горными тропами!

Скалы Эль-Торкала все состояли из чётких слоёв и на-

громождения огромных камней. За каждым поворотом горной тропинки открывались сюжетные картинки. То голова Сфинкса, то мужчина с женщиной вот-вот прильнут друг к другу в поцелуе, то инопланетянин протягивает руки с открытыми ладонями – вот он я, пришёл к вам с открытой душой и чистыми помыслами, то встреча толстого восточного купца с черной бородой и идущего против ветра денди в гавелоке⁵... Они почувствовали себя лилипутами в стране великанов, которые забавляются, собирая фигурки из лего.

А Ронда! Боже мой, Ронда! Городок на скале выше облаков! Они рассмотрели его и сверху вниз – с красивейшего Нового моста, и снизу вверх из источника Мина – глубокой шахты, уходящей вниз на 60 метров, откуда горожане черпали пресную воду во время осад, благодаря чему город ни разу за свою историю не сдался ни одному врагу. Воду доставляли наверх вёдрами, сначала спускаясь на 200 ступенек вниз, а потом поднимаясь по ним же. Как это можно было выдержать – уму непостижимо! Когда они с девчонками преодолевали эти 200 ступенек вверх, думали, что отдадут богу душу. Кое-как доползли, отдышались, а потом ещё нашли в себе силы восхититься Собором св.Девы Марии. Особенно искусно выполненными резными хорами в два яруса и трехъярусным алтарём, как они уже дома выяснили, называемого на испанский лад – ретабло. И, если хоры, сразу было понятно, что выполнены из дерева, то ретабло, казалось, было отлито из металла. Подойти, потрогать постеснялись,

нашли информацию в интернете уже в Москве.

На обратном пути в Москву, ещё в самолёте, девчонки начали трясти Киру по поводу поездки в следующем году. Она таинственно улыбалась и обещала ещё более интересное путешествие. Они дружно ей не верили. И Валентина Петровна в их числе. Она твёрдо была убеждена, что ничего более прекрасного в её жизни уже случиться не может.

Так же, как была уверена, что остаток жизни проведёт в одиночестве. Не думала – не гадала, что в своём возрасте может встретить человека, так схожего с ней взглядами на жизнь, так стопроцентно разделяющего её интересы. Ставшего за короткий срок таким родным, что она ни капельки не стеснялась своего, прямо скажем, одрябшего тела. Такого страстного и нежного, что смог всколыхнуть в её душе такую бурю эмоций, а телу доставить такое удовольствие, о существовании которого она уже давно забыла...

Семён Михайлович хоть уже и давно думал о Валентине Петровне не только как о просто знакомой, тоже был потрясён случившимся. Жену он потерял пять лет назад, о новых отношениях не задумывался ни тогда, ни сейчас. Хватит. Погулял в своё время, на этом можно и точку поставить. Когда Валентина Петровна начала волновать его как женщина – очень себе удивился. А сегодня – так просто возгордился собой. Есть ещё порох в пороховницах! И какое ему вы-

пало счастье, что он нашёл родную душу, любимую женщину! Валечку! Валюшу!

Семён Михайлович поднял её руку и ласково прикоснулся губами. Валентина Петровна погладила его по щеке и прижалась, уткнувшись носом ему в плечо. Не было произнесено ни слова. Да это было и не нужно! Всё и так было понятно. На уровне чувств. На накале ощущений. В ритме музыки, звучащей у обоих в душе, звенящей в теле. В биении сердец, устремившихся навстречу друг другу. В обретении любви, которую жаждешь в любом возрасте всей своей нестареющей душой

⁵ – длинный мужской плащ с пелериной, без рукавов (назван по имени английского генерала Генри Гавелока).

12

«Мог бы и помоложе себе кого-нибудь найти!» – с завистью думала сорокасемилетняя продавщица колбасного отдела, беззастенчиво рассматривая спутницу мужчины, знакомо отсвечивающего лысой головой, – «Да это же та тётечка, с которой они Краковскую делили!» – узнала она, – «Везёт же некоторым!»

А им и, правда, повезло! Шутка ли, на излёте жизни встретить родного человека, с которым совпадаешь всеми фибрами своей души! И изгибами тела тоже, между прочим!

Хотя, и проблем хватало тоже! И, в первую очередь, квартира. Крутиться одному в пятиметровой кухне или в совмещённом санузле было ещё куда ни шло, но вдвоём... Надо было съезжаться. А это хлопоты, деньги, какой-никакой ремонт. А сам переезд? Это же стихийное бедствие на уровне цунами! Опять же с наследниками как-то надо утрясти ситуацию, поскольку купить общую квартиру не получалось без продажи их однушек.

Сами наследники по-разному отнеслись к поздней любви своих родителей. Дочка Валентины Петровны к новоприсобретённому отчиму присматривалась с настороженностью, зять держал нейтралитет. Конечно, больше всех ситуацией была недовольна сноха Семёна Михайловича, но сын цыкнул на неё, она и замолчала. Отец порадовался за сына. Видимо, ощущая в полной мере на собственной шкуре характер жены, мозги у него прочистились. Опять Валюшка оказалась права – больше надо было давать сыну самостоятельности.

Выбор отца Иван одобрил ещё раньше объявления об их женитьбе. Он увидел трансляцию концерта Розенбаума по телевизору, где батя промелькнул рядом с красивой женщиной и тут же позвонил. И вообще, отношения после переезда Семёна Михайловича на отдельную жилплощадь между отцом и сыном постепенно наладились. И не только. Стали теплыми, близкими. Недаром говорят: чем дальше, тем роднее!

Хватало проблем и на бытовом уровне. У каждого бы-

ли свои привычки, выработанные не только годами одиночества, но и всей прошлой жизнью. Их тоже надо было как-то привести к общему знаменателю. Семён Михайлович, оказывается, трубно храпел, а Валентина Петровна смешно всхрапывала. К этому тоже надо было приспособливаться.

С Рексом Валентина Петровна подружилась, но, поскольку животных в её доме никогда не было, переживала, как оно будет дальше...

Но разве это главное? Разве может быть что-то важнее, прекраснее любви? Разве может быть в жизни что-то, что не смогли бы преодолеть два любящих друг друга сердца?!

13

– Девушка! Отрежьте половину Краковской.

– Полукопчёную не режем!

– Так я же не в нарезку прошу. Целым куском.

– Женщина, Вы что, не слышите? Не режем! – отрезала продавщица, а потом, смягчившись, добавила, – Найдёте желающего на вторую половину – тогда отрежу.

Февраль 2018